

МОСТ

Петербургский литературный альманах
19/2009

*Из всего, что воздвигает и строит человек, повинуюсь
жизненному инстинкту, на мой взгляд, нет ничего лучше и ценнее
мостов.*

Иво Адрич. Человеку и Человечеству, <http://www.am-bridge.net>

Петербургский литературный альманах
«МОСТ», # 19/2009

ISSN 1991-7023 (Print)
ISSN 1991-7031 (Online)

Издательство «Век искусства»

Главный редактор
Диана Доронина lado_d@mail.ru

Корректоры
Олег Репин, Диана Доронина

Автор рубрики «Угол зрения»
Лада Григорьева ludabashko@gmail.com

Вёрстка – Диана Доронина

Почтовые рассылки – Надежда Глотова

Наш сайт: <http://artage7.4sql.net>
Для писем: e-vi@list.ru, lado_d@mail.ru
Тел.: +7905-255-29-11, +7911-969-21-62

Редакция благодарит участников этого тома, а также всех, кто предоставил иллюстрации для него: Виктора Гришина, Галину Ратневскую.

Фото для обложки: Новый и старый мосты. Река Руя возле деревни Кислино (Сланцевский район Ленинградской области). 2009. Александр Титов.

Тираж: 250 экземпляров.

При использовании текстов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за рекламные материалы несёт рекламодатель.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

© Авторы текста
© Авторы иллюстраций
© 2009, составление: «Век искусства»

Дорогие друзья, авторы и читатели альманаха «МОСТ»!

Представляем Вашему вниманию юбилейный том. В августе 2009 нашему изданию исполнилось три года.

Мы от всей души поздравляем Вас и благодарим за поддержку и доверие, оказанные «МОСТУ».

В этом томе мы собрали тексты наших постоянных авторов, имена которых отмечены в читательских и редакторских рейтингах. И рады приветствовать новичков!

После выхода номера из печати мы планируем провести праздничное мероприятие в Санкт-Петербурге, посвящённое юбилею и презентации сборника «Восточный мост». Приглашаем Вас на встречу! Просим заранее записаться и подготовить выступления по соответствующей тематике: всё о мостах!

Новых творческих открытий и результатов!

Диана Доронина

НАШИ НОВОСТИ

**Международный фестиваль
медиапоэзии «ВЕНТИЛЯТОР»
приглашает к участию авторов!!!**

Фестиваль медиапоэзии «ВЕНТИЛЯТОР» состоится 19 декабря 2009 года в Санкт-Петербурге в Центре Современного Искусства им. С. Курёхина.

Заявки на участие принимаются до 22 ноября 2009 года.

Медиапоэзия – это молодое искусство, зарождающееся в соединении самых разных медийных пространств, – визуальных, текстовых, звуковых. Несмотря на различия, все эти новые формы объединены главным – Поэзией.

Как и всё новое, медиапоэзия ещё не имеет устойчивых правил, традиционных форм, признанных авторитетов, видимого общественного резонанса, зато привлекает к себе молодое, живое, творческое движение; людей, которые ищут самовыражения в новых формах и их сочетаниях, которые не боятся искать и пробовать, экспериментировать, опрокидывая горизонты и заглядывая в новые измерения.

Организаторы фестиваля: поэтическая арт-группа «АЛТернатива Нефти», Центр современного искусства им. С. Курёхина, Продюсерский центр Павла Бартола.

О фестивале в Интернете:

<http://www.media-poetry.org>

<http://vkontakte.ru/club11080849>

Работы можно прислать по адресу: 190000, Санкт-Петербург, а/я 408, Жигуну Илье Владимировичу.

Е-mail фестиваля:

admin@mediapoetry.org.

**Петербургский литературно-музыкальный клуб «Век искусства»
объявляет конкурс детской
литературы «ПЕГАСИК-2010»!!!**

Заявки на участие принимаются с 1 октября 2009 по 1 марта 2010 года.

***Дорогие ребята и уважаемые
взрослые!***

Приглашаем Вас принять участие в литературном конкурсе стихов и рассказов-миниатюр.

Темы:

1. 65 лет Победы. «Да, разве об этом расскажешь...»;

2. Лучше нет родного края (о малой Родине);

3. Особая для наших душ минута (о личном);

4. Свободная тема.

Проявите фантазию и присылайте свои работы по адресам нашей электронной почты:

lado_d@mail.ru, ludabashko@gmail.com.

Или по адресу:

198261, Россия, Санкт-Петербург, Ветеранов-95, а/я-13, Григорьевой Ладе Олеговне.

Прежде чем отправлять работы, пожалуйста, внимательно ознакомьтесь с Положением о конкурсе. Его можно запросить в редакции по адресам:

lado_d@mail.ru, ludabashko@gmail.com.

Или прочитать на наших Интернет-страничках:

<http://www.stihi.ru/avtor/verika>

<http://vkontakte.ru/club6276516>.

Стас Быков

Нижний Новгород

Жестокость

Визг тормозов на несколько секунд привлёк внимание большинства прохожих. На боковой дорожке, параллельной главному проспекту, резко затормозил небольшой фургон. Из остановившегося автомобиля, похожего на машину «Скорой помощи», выскочили двое мужчин и бросились к собаке, слонявшейся по тротуару. Видимо, не привыкшая к подобным вторжениям, она, взвизгнув, отскочила, но не убежала сразу, продолжая вилять хвостом и выпрашивать подавания у прохожих. Это её и погубило. Потерявшие интерес к происходящему пешеходы продолжили свой путь. А вот двое мужчин, зайдя с разных сторон к ничего не подозревающей собаке, тихонько приблизились к ней. Ещё через несколько секунд один из них ловким движением накинул ей петлю на шею. Беспечное животное бросилось в сторону, потом в другую, ещё больше затягивая петлю, а потом завыло. Второй мужчина попытался взять её за задние лапы, чтобы занести в машину, но собака так сильно брыкалась и пыталась вырваться, что они плюнули и потащили её волоком. Петля стала сжиматься, и собака замолчала, но когда её попытались втащить в машину, она так сильно дёрнулась, что поцарапала когтями одного из мужчин. Тот смачно выругался на всю улицу и сильно ударил собачонку по голове. Та сразу же затихла, и её бесчувственное тело плюхнулась на пол автомобиля. Машина дёрнулась, медленно покатилась, на ходу забирая оставшихся пассажиров, и исчезла.

Но никто на это уже не обращал внимания. Только одна пара глаз внимательно следила за всем происходящим. Маленький мальчик лет трёх-

четырёх, только что ковырявший лопаткой асфальт, как замороженный, до самого конца наблюдал за происходящим. Его мать, стоящая рядом с ним и разговаривающая по телефону, судя по постоянно меняющемуся выражению лица, была где-то далеко отсюда. Мальчик какое-то время стоял неподвижно, потрясённый увиденным. Из транса его вывела кошка, которая тёрлась о его ногу. Взгляд мальчика медленно перешёл на неё. В следующую секунду кошка, отчаянно визжа, летела, подняв хвост, по-дальше от мальчугана, ударившего её по спине лопаткой. Мамаша, скорее инстинктивно, чем осознанно, попятилась назад, увлекая за собой сына и не прекращая болтать по телефону. Ребёнок, продолжая свой опыт, развернулся и со всей силы зафитил лопаткой матери по ноге всё той же лопаткой. Та от неожиданности ойкнула, уронив телефон, и от всей души шлёпнула сына по заднему месту. Взгляд её переключался на разбившийся телефон, и за первым шлепком последовала ещё целая серия ударов. Теперь уже был малолетний экспериментатор, а его мамаша, собрав обломки телефона и ругаясь не хуже тех живодёров, тащила его подальше от этого места.

Сентябрь 2009 г.

Илья Волков

Пушкино, Московская область

Сок арбуза

Он из детства –
сок арбуза!
Из Советского
Союза.
Возвратиться
в детство
средство.
Признак счастья –
сок арбуза!
Скинуть времени
обузу,
превратиться
в малыша,
и раздеться,
и – к арбузу,
чтоб текли
арбузные реки
по щекам
и по ушам.
Чтоб струился
сок арбуза
по плечам,
стекая к пузу.
Чтобы капал
смачно на пол,
чтоб арбуза
было мало,
чтобы улыбалась
мама,
чтоб шутил,
что лопну, папа.
Чтобы семечки
летали
из-под пальцев,
пчёлы будто...

Собираю за минуту
детства милого детали,
лишь коснусь ножом арбуза.
Подтвердит любая муза,
хоть с заката, хоть с востока,
молодеешь ты от сока.
Он из детства – сок арбуза!

Даже если одиноко,
и проблемы давят грузом,
ты отрежь кусок арбуза,
насладись арбузным соком.
Пусть придёт к тебе потоком,
сладким счастьем – сок арбуза!

Колыбельная для племяшки

Запахнув плотней зипун,
Не продрогнуть чтобы,
Заморозко-колотун
Лёг поспать в сугробы.

Детям днём носы щипал,
Красным красил щёки.
Ну а к ночи подустал
Выполнять уроки.

Утром ты к нему гулять
Выйдешь, хохотушка.
Нынче ждёт тебя кровать,
Мягкая подушка.

На лету тихонько спят
За окном снежинки.
Засыпает зимний сад.
Ляг и ты на спинку.

На охоту кот Матвей
Вышел, строг и важен.
Хоть и нет у нас мышей,
Наш Матвей на страже!

Спит в шкафу пуховичок,
Санки спят в прихожей.
И, свернувшийся в клубок,
Кот кемарит тоже.

Потянулся он, зевнул,
Снятся Мотьке мышки.
Спит кошачий караул.
Спи и ты, малышка.

На озере Плещеевом

Там, где камень сине-чёрный
Омывается волной,
Повстречались карп озёрный
И мальчишка озорной...

Я допишу потом стихи,
Сперва отведаем ухи.

Наталья Майер

Ростов-на-Дону

БАННЫЙ ДЕНЬ

Не та лужа

Малыша гиппопотама
Привела в бассейн мама.
Удивило бегемота
Слишком чистое «болото».
Топнул ножкой: «Мама, ну же,
Поищи получше лужу,
Где побольше грязи есть,
Чтобы по уши залезть!»

Кенгурёнок в ванне

Несётся по саванне
Прыжками кенгуру.
Она сыночка в ванне
Купала поутру.
Детёныша-малютку
Ей надо обсушить.
Потом, упрятав в сумку,
Весь день с собой носить.

Зебрёнок под дождём

Купался под дождём
Маленький зебрёнок.
Удивительной расцветки
Этот жеребёнок.
Дождик мыл его, старался,
Только зря он поливал.
Полосатым тот остался
И ничуть не полинял.

Купает слониха слонёнка

Слониха в речке не спеша
Купает в полдень малыша.
Слонёнок весело трубит,
Нырнуть поглубже норовит.
Ему так нравится вода.
Он любит чистым быть всегда.
Мать воду в хобот наберёт
И на слонёнка сверху льёт.

18.01.2009 г.

Татьяна Цуприкова

Кемерово

Утро получилось

Туча была злой и жадной. Она заползла на небо, осмотрелась и стала закрывать его своим серым лохматым платком. Через час на нём не осталось ни одного кусочка, не захваченного ею. Туча распласталась по всему небу и, довольная своей работой, спокойно засопела, уверенная в том, что ей ничто не угрожает. Звёздам не хотелось бороться с тучей, и они отдыхали, спрятавшись за её непроницаемым покрывалом. Луна, круглая и полная, тоже оказалась ленивицей. Она с удовольствием качалась в сером гамаке, сохраняя свой драгоценный лунный свет для будущих поколений.

Туча властвовала всю ночь. Но вот наступило утро, серое и пасмурное, похожее на нашу тучу. Солнцу было лень просыпаться в такую погоду.

Но оно было очень добросовестным.

Солнце открыло глаза и заторопилось на работу. Но что такое? На небе не оказалось свободного места. Всё заняла эта мрачная и скучная туча. И... утро не получилось. Всё вокруг оставалось серым и невыразительным. Но солнце не сдавалось. Оно было очень настойчивым. Солнце оторвало от тучи кусочек. Он оказался мокрым и невкусным. Но солнце продолжало разрывать надоевший платок. Освободив себя местечко, оно выглянуло наружу. Туча, не ожидавшая такого поворота, испугалась и рассыпалась на маленькие тучки, которые разбежались по небу, как резвые оленята.

Солнце заулыбалось тепло и радостно. И... утро получилось.

А как же иначе?! Ведь солнце очень смелое и сильное.

Сказка о том, как зайчонок хотел стать бабочкой

Утро было солнечным и приятным. Зайчонок весело прыгал по тропинке и вдруг увидел бабочку. Она порхала с цветка на цветок так легко и красиво, что зайчонок замер на миг от удивления и восторга.

– Эй, как ты это делаешь? У тебя ведь даже лапок нет... – спросил зайчонок.

Но бабочка ничего не ответила, а, взмахнув крыльшками, перелетела на другой цветок.

«А может, у меня тоже так получится?» – подумал зайчонок и, попытавшись оторваться от земли, подпрыгнул и опустился на цветок. Но что такое? Он снова на земле, а рядом сломанный и помятый цветок. Расстроенный неудачей, зайчонок решил попробовать ещё раз.

Но вторая, и третья, и другие его попытки взлететь на цветок закончились полным провалом. Бабочка после каждого его прыжка нервно вздрагивала и поднималась выше, но далеко не улетала, а наблюдала за настырным зайчонок. Но её терпению подошёл конец, и она обратилась к зайчонку:

– Послушай, ты зря стараешься. Ничего у тебя не получится. Пойми, мы с тобой такие разные: я – бабочка, у меня есть крылышки, и я могу порхать с цветка на цветок. Ты – зайчонок, у тебя есть лапки, и ты можешь бегать и прыгать по лесным тропинкам. Наверное, это так приятно и весело быть зайчонок? – спросила бабочка.

Зайчонок сидел под кустом, вытирал лапкой слёзы разочарования и внимательно слушал бабочку. Потом встал на лапки, отряхнул хвостик и помчался по тропинке быстро и весело.

А бабочка легко вспорхнула, села на красивый ароматный цветок и замерла от удовольствия.

Данила Даниэль

Израиль

Автор ждёт Ваших отзывов по адресу: Dani10piramida@yandex.ru.

По итогам 2008 года Данила Даниэль был признан одним из лучших авторов «МОСТА» и выдвинут на звание «Открытие года» в категории «Проза». В 12-м томе читайте увлекательную повесть Данилы Даниэля «Бедуин».

Смерть ведьмы

1.

Тяжёлые тучи нависали пышными перинами над дремучим древним лесом. Солнце внезапно скрылось и оставило старое заброшенное село в слепом неведении. Собаки поджали хвосты и, словно сговорившись, вытягивали морды в серое небо и, прищурившись, жутко завывали. Девка, идущая с пустым ведром к колодцу, с испугу выронила его из рук и начала рьяно креститься и причитать в молитве: «Свят, свят, да что же это? Господи-Боженька, помилуй нас! Изыди, сатано! Да воскреснет Бог, и расточаться врази Его, и да бежат от лица Его. яко исчезает дым, да исчезнут!»

В тесной горнице со спёртым воздухом были закрыты ставни, по просьбе больной. Хотя больной старую бабку Саломею не назовёшь, она просто умерла. Вернее сказать, не просто умерла, она мучилась и стонала. С трудом поднимая костлявую руку ладонью вверх, Саломея еле слышным хрипом звала свою дочь. Но Анна делала вид, что не слышит.

Несмотря на её восемьдесят пять, никто не видал Саломею жалующейся на здоровье. Тем более, чтобы она хоть раз съездила в райцентр к доктору. Она вела затворнический образ жизни, да и вообще её жизнь была другой... Она никогда не держала скотину и не имела даже маленького огорода. Могла на несколько дней исчезнуть и внезапно объявиться из лесу. То еле живая, с мрачным лицом и пустыми глазами, брела домой, не здороваясь, или ходила далече, или ещё что. То, наоборот, шла гордо, с прямой спиной, легко неся связанные в охапку лечебные травы и грибы с ягодами, словно молодуха. В шестьдесят она выглядела на сорок, мужики заглядывались. А после того, как мать её померла, поседела и потихоньку начала сохнуть. В магазин она не ходила, но жила в достатке. Плату за ворожбу и лечение брала только продуктами, и то сама не просила: что принесут, даже спасибо не скажет, укажет, куда положить, и отворачивается. Местные, каждый со своими проблемами и болячками, живым потоком шли к ней. Но людская молва направляла страждущих в её дом на окраине и из других деревень. Рассказывают, что один генерал приезжал из города в окружении целой армии. Солдатики ей баню срубили буквально за пару дней. Они и проболтались о генеральском сыне. Пропадал парень, вены резал, жить не хотел: наркомания – беда и для зависимых, и для близких. В дорогой клинике врачи кровь переливали бедняге, помогали выйти из зависимости лекарствами, всё без толку. А Саломея его в лес увела. Варевом напоила. Он сутки проспал – и всё, с тех пор уже как год прошёл нормальной жизни без наркотиков.

Старухи поговаривают, что мать Саломеи Алевтина была ведьмой и оборотнем, превращалась в свинью или в кошку. В зависимости от надобности. Когда нужно было навредить, то свинья, а если утащить у кого-нибудь сало или колбасу, то оборачивалась кошкой. Однажды бывший лесничий Кузьмич взял да огрел кочергой по хребту здоровенную кошку, которая пыталась достать кусок копчёного мяса, подвешенный к потолку в сарае. После этого события Алевтина слегла, долго жаловалась на боли в позвоночнике и перестала проказничать. Также говорили, что муж её, молодой и красивый, внезапно умер, как только разродилась Алевтина девочкой – Саломеей. Умерла она в возрасте девяноста лет. Батюшка, пришедший отпевать покойницу, едва начал отчитку, почувствовал себя плохо, и тут же был увезён на телеге в больницу с сердечным приступом. Перепуганные сельчане разбежались по домам, оставив у выкопанной могилы шестидесятилетнюю дочь наедине с гробом матери. Как она похоронила одна, без посторонней помощи, никто не ведал. Гроб аккуратно опустить нужно было, а он тяжёлый, его четверо мужиков несли. Брешут, наверное, что Алевтинин чёрт являлся и помог Саломее опустить дубовый гроб во мрак ямы. А ухоженную могилку с каменным надгробьем и высоким вишнёвым деревом, излюбленное место всё время кричащих ворон, за изгородью деревенского кладбища до сих пор обходят стороной.

Саломея никогда не была замужем, её возлюбленный ещё в сорок пятом пропал без вести на Великой Отечественной. Но дочь от него она смогла выносить. В самый лютейший период страшного голода брюхатая работала в колхозе, тяжело работала, с утра до ночи на тракторе. Но в срок родила девочку и назвала Анной.

Анюта с детства привыкла к толпам нуждающихся в их доме. Она подглядывала из-за печки, как бабушка Алевтина выгрызала грюжу у плачу-

щих младенцев. Выливала воск над испуганными детьми, катала яичко, выводя без операции, например, кисту.

Но главное – Алевтина была прорицательницей и гадалкой. Бабы, любопытные от природы, вечером собирались вокруг таза с ключевой водицей и вглядывались в неизведанное. А Анна подслушивала, как старая Алевтина, стоя за спиной у девушки, шептала: «Хляди внимательно, вон твой суженый, с кудрявой холовой. Запомнила? За него и выйдешь». Или плачущей соседке: «Не вой ты! Да это ж твоя тёлочка на болоте одна заплутала. Березняк рядом, узнаешь место? Вот и беги, тут недалеко. Беги, пока волки не набрали». А напоследок ласково так: «Не забудь, милая, что обещала. Молоко каждую субботу будешь приносить». И себе под нос: «А то помрёт твоя бурёнка».

Бывало, Анюту выгоняли из дому на время колдовства. Но она догадывалась, что тут что-то не чисто, порчу наводят или вовсе на смерть изводят. Поэтому она жутко боялась бабки Алевтины, а любила более уравновешенную и, как ей казалось, добрую свою матушку.

Дети в школе часто дразнили Анюту «ведьмой». Она, пока была маленькой, прибегала вся в слезах и бросалась в объятия матери:

– Почему они дразнятся? Разве я ведьма?

Саломея гладила по голове дочь и приговаривала:

– Блеет козочка с колокольчиком. Гонят её с огорода, а она звенит да травку щиплет. Но рога её остры да молочко вкусно.

– Мама, да при чём тут коза? Меня дети дразнят, смеются надо мной, будто я с вами на болото хожу и купаюсь в вонючей жиже. Ведьмой обзывают.

– Не плачь, доченька, они не со зла. Ну какая ты ведьма, ты же ещё маленькая.

– Mam, а ты что, ведьма? – спросила Анюта, широко открыв глазки,

вглядываясь в чёрные как смоль глаза матери.

– Чем верить люду мирскому, лучше верить тёмному лесу.

– Это кто нашу Анну обидел? – скрипучим голосом спрашивала бабка Алевтина. – Не Федоткиных ребяташки, чтоб им усратья, дразнятся? – она показала из тёмной комнаты – с крючковатым носом, прихрамывая, с маленьким горбом на спине.

«Вылитая Баба-Яга», – подумала про себя Анюта, сразу перестав хныкать:

– Правда, бабушка, а ты откуда знаешь?

– Правда, бабушка, – передразнила внучку писклявым голосом и продолжала ворчать грозная старуха: – Ты курица беззубая, что ли? Постоять за себя не можешь? Васька их до сих пор ночами ссытся, а Нюся страшна, как пугало огородное, никогда замуж не выйдет. А ты, красавица, коса до пояса, слёзы льешь. Тьфу на них! Растёрла и забыла. Ведьма – это не игрушки, вот мамочка моя была настоящей ведьмой, к ней князь приезжал на белом коне за советом. Вот, похляди, – бабушка показала левую руку, на среднем пальце сверкал алыми огнями крупный рубин в золотой оправе. – Вот, по-царски отблагодарили, а из трёх дочерей ещё два брата было, мама мне оставила колечко. А шо из тебя выйдет, прям не знаю?

Плюнула на пол и ушла в свою комнатушку.

2.

Один год неурожайным был, засуха, поля с «хрущёвской» кукурузой высохли, а где и вовсе погорели, а с ними и пшеница. На краю села несколько дворов погорело, семьи остались без крова и пропитания. Скотину и то нечем кормить. А у Алевтины горе не беда, дом полная чаша, будто её и не касается, что происходит с погодой и людьми. Анне лет пятнадцать было, когда её бабка ночью разбудила и говорит:

– Возьми мою шкатулку с украшениями, одёжку свою, и бегом во двор.

Потом она облила водой внучку и вытолкала за дверь. Анюта увидела, как пылают охваченные огнём сени, дым разъедал глаза. Выскочив из пекла во двор, она с ужасом взирала на сгоревшие постройки и языки пламени, раздуваемые ветром, облизывающие их дом со стороны входа. Но больше всего её поразило, что сбежавшие соседи не помогли тушить пожар, а ведь в деревне это негласное правило, они стояли как вкопанные, собравшись будто от любопытства.

– Бабушка в доме! – закричала Анюта.

Саломея схватила багор и спокойно, без лишней суеты и паники, развалила полыхающие деревянные постройки. Горевшие стены амбара с грохотом рухнули и завалили часток, костёр заполыхал ещё больше, но уже подальше от дома. Благо, что соседей у них не было, пожару некуда перекинуться. Саломея с распущенными волосами и огненными очами находилась в эпицентре пожара и будто не слышала, что кричит её дочь, рьяно боролась за спасение дома. Какой-то мужик не выдержал, скинув фуфайку, хотел кинуться в дом спасать старушку. Но его стали отговаривать бабы, да и Саломея попросила, чтобы лучше привезли флягу с водой. Он побежал к колодцу и стал оказывать помощь в тушении пожара. Аня бежала к колодцу с ведрами и подавала их матери, которая выливая воду на шипящие чёрные брёвна разваленных построек и на огненный цветок, перекинувшийся на избу. Но, не смотря на все усилия, безуспешно, он шипел и не утихал, ещё мгновение – и могла вспыхнуть крыша из дёрна.

Потом случилось что случилось. Ветер внезапно переменял направление и вовсе перестал дуть. Саломея со страшным криком, будто птица какая крикнула, что многие закрыли руками уши, подняла неподъёмную кадуюшку с водой и с размаху шарашнула её в самое пекло. Кадка разлете-

лась с треском от сильного удара об обгоревшие брёвна. Вода превратилась в мелкую пыль, и этим водяным облаком, словно мелким дождём, накрыло пылающие сени. Селяне не верили своим глазам: от пожара остался лишь чёрный дым. За забором с треском догорали дрова бывшего амбара и других построек. Сам же дом просто чудом остался не тронутым, обгорела лишь поздняя пристройка.

Тут со страшным скрипом отворилась дверь, с чёрным от сажи лицом и горящими глазами появилась старая хозяйка. Увидев всю картину бедствия, она начала причитать:

– Да за что же это, Господи?! Сколько добра-то делаем, и всё для людей, хоть бы что для себя.

Анюта слушала и понимала, что бабулька вошла в роль. Ведь она сама говорила, что на людей ей наплевать, а делает она всё для себя и для неких невидимых сил, которые и заставляют её врачевать и прочее... Но игра Алевтины набирала обороты, у собравшихся появился из ниоткуда суеверный страх. Им было бы легче, если бы всё сгорело вместе со всеми ведьмами, они бы заплакали и помянули, но вышло по-другому. А распоясавшаяся Алевтина, почуяв страх толпы, продолжала:

– Ничего, Бог-то всё видит и про каждого знает! Нашлёт на поджигателей болезни страшные. И будут они плевать на кровь и просить помощи, но кто им поможет? И водой не затушить боль в груди, горлом... – она закашлялась от дыма и искоса обсмотрела всех присутствующих.

Народ, услышав, что старуха начала раздавать проклятия, вмиг разошёлся по домам. А в душе у Анны остался осадок, ей казалось, что она одинока, что будто все ушли, а её оставили. Она хотела быть, как все: играть в салки с детьми, смотреть телевизор и целоваться с понравившимся ей мальчишкой. Но в жизни всё происходило не так, её боялись – чтоб не сглазила, парни обходили видную чернявую девку стороной,

шарахались от неё, как от заразной. У них в доме не было даже радио.

– От этой ховорилки никакого проку, то брешут о политике, то мелют, только душу тревожат, – говаривала Алевтина.

А у Анюты поселились боль в сердце, и слёзы, и ещё нестихаемая тоска одиночества.

– Мама, почему ты оставила бабушку в доме? – спросила проникновенным голосом Анна.

Саломея прижала её к себе и обняла.

– Надо всем выкупаться. Завтра доубираемся. А бабушка твоя дом стерегла, чтобы домовою не ушёл. Он остался, и хата наша цела и невредима.

– Мам, откуда ты знаешь, что он остался?

– А ты повернись чрез левое плечо и хлянь в уголок, – Алевтина подслушала разговор и, выйдя из своей комнаты, указала внучке в сторону севера.

Анюта повернулась налево, не может быть: в тени угла стоял маленький человечек с босыми ножками, с седой шевелюрой и лохматой белой бородой. На нём была длинная рубашка с вышивкой, а в руках деревянный молоточек.

– Вот теперь видишь. Спрашивай, что хошь?

– Что спрашивать? – спросила зачарованная Аня.

– Шо волнует, то и спрашивай, – ответила Алевтина.

– Наш дом специально подожгли? – тихонько спросила Анна, глядя на домового.

– Тук-тук! – послышалось из угла.

– Он ответил, – удивилась девочка. – Молоточком стукнул, вы тоже видали?!

Саломея слегка улыбнулась, старуха насупилась.

– Но что это значит? А?!

Как только она повернулась к бабушке, домовёнок тут же исчез.

– Енто могла и не спрашивать, и так понятно. Засуха, голодные людишки, злые. А спрашивается, за что их Бог

наказал? Кто-нибудь задал честно этот вопрос? Нет, они сразу искать виноватых. А спрашивается, на хрена у нас в холодах столько кукурузы выращивать, ей солнышко нужно и вода. Воду захадили, полям не дают отдыхать. Всё у них по плану. Видать, у природы свои планы. Земля не родит. А сколько у них сгнило, бесхозное всё. А хлеб поросням скармливать? Засуха, знать, души иссохли, хоть бы верили Писанью. А хозяин этого дома дважды стукнул, то бишь сказал: да! Один раз тюкнет, значит – нет. Вот так. Ты ему нравишься, нашему доброхотушке, можешь, чуть чего, обращаться, только он капризный, смотри не забалуи.

3.

Пришла осень, любимое время года Анюты. Природа, наполненная тихой грустью, словно обнажала свои скрытые тайны. Даже чёрная вода на болотах, усыпанная узором из опавших листьев, нравилась Ане, а лес – это просто золотая сказка...

В один из дней бабьего лета Анна прибежала из школы: «Вот здорово! Мама дом покрасила». После пожара яблоньки у дома пришлось вырубить, а рябина с красными гроздьями ягод и гладким стволом осталась, словно нарисованная на зелёном фоне вновь окрашенного дома. От стола, покрытого белоснежной скатертью, шёл аромат деревенского масла и золотистых блинов, сложенных горкой.

– Mam! Как ты всё успеваешь? И дом весь заиграл, и блинчики. А бабушка где?

– Алевтина пошла в баню к Ворониным.

Воронины – единственная семья, с которой ладила Алевтина, и они относились к ней с уважением. Она была у них семейным доктором и покровителем: Ксению ещё в войну от голода спасла, а мужа Петруху на ноги подняла после аварии, а он весь был переломанный, и детишек лечила неоднократно. Жили Воронины далеко, на другом краю села, по дороге к

ним Алевтина обычно заходила в деревенскую церквушку. Зачем она туда ходила, Аня не понимала, ведь Алевтина не признавала власть церкви на земле, а отцов церкви обзывала слепцами или лентяями. Однажды прихожане прогнали её: «Не место ведьме на службе». Но после многие болели и больше не прерывали её приход, тем более это было редко. Может, она хотела показать всем, что она не боится креста животворящего, и никакие черти не бегут от неё во все стороны при виде Девы Марии и Иисуса Христа. Хотя Аня подозревала и другое: Алевтина даже в храме могла заниматься своими делами, тем более, если бы она не была ведьмой, то точно великой артисткой, и у неё была страсть к постановкам, а на службе много зрителей.

Анюта зашла к себе в комнату переодеться.

– Что это? Мама, мама!

Саломея вбежала в комнату, посреди неё стояла растерянная обнажённая Аня, по её ногам бежали струйками красные ручейки, она открыла ладонь и показывала матери тёмную кровь.

– Вот и «гости». Об этом я тебе рассказывала. Не надо бояться. Ты теперечи взрослая. У подруг твоих у многих давно такие дни. Ничего страшного...

Вечером вернулась Алевтина с полной корзинкой пирожков: Ксения настряпала, угостила.

– А шо такого случилось? Признавайтесь, лица у вас какие-то, шило в мешке не утаить! – Алевтина прищурилась и ждала объяснений.

– Да у нас девочка наша расцвела! Что у тебя уж прошло, у неё сегодня началось.

– «Гости» нагрязнули. Давно пора. Голова не болит, внученька? – как-то неожиданно ласково спросила бабушка внучку.

Анна затаилась, сердце сжалось в комочек: «Не к добру Алевтина хлопчет, что-то задумала старая». И в подтверждение страхов Анюты Алевтина продолжила:

– Завтра пойдём мандраخور искать, научу тебя кое-чему, тут через лесок недалече.

– А я... а у меня слабость, и голова болит, – затушевалась Анна, ожидая поддержки от матери.

– Не бойся ты! Найдёшь женьшень, я тебе показывала его, лист резной с красными цветочками. Алевтина обучит, как корешок выкопать, и всё там, и вернёшься домой, – успокоила Саломея свою нерешительную дочь.

– Мама, а ты с нами пойдёшь?

– Мне надо закончить с покраской. Я до дождей должна успеть, ещё забор восстановить надобно. А ты готовься серьёзно, осенью не каждый может корень найти, так что ложись пораньше спать. Помолись на ночь, и про лесных не забудь, там есть дружки у тебя, помнишь, тем летом заплутала, а опосля тропку нашла. О-о, глаза забегали, леший не помеха в наших работах, ты смелая! Слушай не ушами – сердцем, душой проникайся, тогда каждая ветка помощница, и зверь с птицей за тобой присматривают и оберегают. Ты же всё хотела узнать, откуда сила у нас такая, вот теперь сама и ответишь на свои вопросы. Ну, с Богом, ступай к себе в комнату.

Ни свет ни заря Алевтина припёрлась будить внучку:

– Вставай Аннушка, вставай, я и водицы принесла. Раньше пойдём, раньше вернёмся, – и добавила, отвернувшись: – Вернёмся, наверное...

Старая Алевтина, ей по паспорту семьдесят четыре года, бойко ковыляла по лесной тропке, опираясь на клюку, не оглядываясь на внучку. Кое-где лес был влажный; трухлявые берёзы стояли в болотной тине; коряги, покрытые замшелым мхом, протягивали свои ручищи, слегка касаясь Аниного платья, словно живые. Она в страхе шла за бабужкой, поражаясь её проворству. Потом она из интереса стала ступать точно по следам Алевтины. Анна вспомнила недавно прочитанный рассказ о ведьме и ре-

шила пошутить и проверить, можно ли идти след в след, а потом споткнуться, вдруг и бабушка споткнётся. Но эксперимент не удался, внезапно Алевтина резко повернулась и, слегка улыбнувшись, проворчала:

– Озорничаешь? Я смотрю, растёшь на глазах, нельзя по моим следам ходить, можешь за другими ходить, сколь хошь.

«Как она почувствовала?» – подумала про себя Анна.

– Я почуяла, силы уходят, – словно услышав вопрос, ответила Алевтина.

Анюта погрузилась в размышления о колдовстве и её семье. «Почему обычные люди не интересуются, как узнать будущее, или какая травка, корешок от какой хвори? Они живут работой, полностью посвящают себя семье и детям. Но почему же, когда у них возникают проблемы, они бегут за помощью к Алевтине? Что-то тут не так, может, не всем это дано, или эти знания передаются из рода в род?» Потом Анна спросила вслух:

– Баба, а почему деревенские, ну, как это сказать, не занимаются тем, чем вы с мамой?

Алевтина остановилась.

– Ладно, привал, перекусим и дальше пойдём.

Она присела на старый выкорчеванный пенёк, начала выкладывать из платочка кусочки хлеба и выкатила кругляк козьего сыра. Анюта выпила молоко, но её вопрос повис в воздухе. Алевтина внезапно начала говорить своим скрипучим голосом, как бы сама с собой:

– Когда я была в твоих годах, мама рассказывала, что когда-то все люди в деревнях занимались ворожбой. Но даже в те давние времена были особенные люди, и так будет всегда. Не к каждому дух подойдёт, видат, смотрят они, кому это положено, а хто полезет с дуру, куды нельзя, потом с ума свихнётся или вовсе с белого света сгинет. Жил в те времена в деревне Гуляй-поле ведьмак один. Он славился силой недоужинной, но жил бо-былём, а девки любопытны, хажива-

ли кругами вокруг еного чёрта курча-вого, прости Господи и батюшка прости. А матушка моя и думать не думала о нём. У неё и жених был. Но однажды заболела она неизлечимой болезнью: худа, бледна и есть не может. Принесли её к нему, а он, как коршун, взглянул на неё. А потом и ховорит её батюшке: «Болезнь известна, духи просят дочь вашу стать знахаркой, а иначе изведут её. Ночью, поди, кошмары?» «Кошмары, точно! Кричит девочка моя, то шипит, как змея!» – отвечал ему батюшка, то бишь дедуля мой по матери. «Баню надо истопить. И белую козочку надобно принести в жертву. Иначе три дня ей жить не боле». Сказано – сделано. Ведьмак протопил баню по-чёрному, наложил на полог еловых веток и положил матушку на них. Опосля отходил её двумя дубовыми венниками и обливал колодезной водой. Недели на неё белые одежды, а ведьмак порезал козочку и кровушкой полил на белоснежны одяния моей матушке. Наутро она выздоровела, но стала другой. Стала сторониться подруг, и дружка своего не замечат. И давай, как свободна минута, бегать к ведьмаку то за зельем, то за советом каким. Через две луны он забрал Агриппину себе в жёны, и родители не могли противиться его предложению. Боялись его все, но зато жил он богато, в хозяйстве скотины много: табун лошадей, дюжина работников. Так они и стали жить-поживать, детишек орава, и я среди них. В те дальние времена в Сосновке (ну ты знаешь, хде она находится?) появилась карга старая, ведьма злющая, много вреда люду простому делала, а батюшка то порчу снимал, то проклятие. Не знаю, с чаго началось, только война пошла между отцом и ведьмой той. То падёж скотины, то батюшка захворал, а он ведь за жизнь никогда не чахнул и здоров был, быка сбивал. Да, да, бешеный бычок был у соседей, у Климовых из Гуляй-поля, ты знашь, ихни внуки тапереча так и живут, взбесился он и на детишек побёг, а отец наш Прохор – наперерез, и як вдарит

быку меж глаз, тот и пал наземь. А тут кашель у него. Матушка за ним ухаживала, отпаивала и начала колдовать потихоньку. Мы даже с ней в Сосновку вместе ходили, подкладывали разное к дому той ведьмы. Потом поднялся на ноги батюшка и загубил он бабуку ту вредну. Но та перед смертью прокляла наш род, с тех пор по мужской линии нет продолжения. Все братовья мои сгнули, у сестёр мужа – кто утоп, кто погиб, мой-то помер внезапно. Твой отец Егорка на войне пропал. А мой батюшка долго не пожил, всё легло на плечи матери. А народ ходил по привычке к дому: за советом, за лечением. Вот матушке и пришлось стать ведьмой. Она перед раскулачиваньем успела продать всё, что можно. Пришли к нам, вот вам, – Алевтина показала дулю, – поживиться-то нечем. Мы съехали с Гуляй-поля, Агриппины не стало, а силушка ко мне перешла, вот ентим и занимаюсь всю свою жизнь, не волна я, не могу оставить это дело моих родичей. И передать могу только своим кровным. Судьба-судьбинушка у нас така. Так, хватит, побалакали и пошли, а то до ночи не возвратимся! – Алевтина накрошила крошки на пень, пошептала что-то и пошла. Может, духам оставила, может, птицам.

Под вечер Анна указала в тени красных осин на поникшее растение:

– Баб, глянь, оно?

Алевтина подошла поближе, приотрелась, принюхалась:

– Он самый! Наконец-то, умница.

Про платок не запамтовала?

– Помню, – шёпотом ответила Аня, дрожа всем телом.

– Хляди в оба, тут сноровка нужна.

– Что делать надо?

Алевтина очертила линию своим посохом вокруг чудо-растения и сама пошла по кругу, бормоча себе под нос: то тыча в сторону леса, то обводя клюкой в воздухе, то в сторону заходящего светила.

– Слушайте, ветры буйные! Явитесь и покоритесь. Слушайте, духи леса! Помогайте, но не мешайте. Духи верха и духи низа, обращаюсь к вам

и прошу берега для Анны! Луна светлолика, полна чаша сегодня, излей на Анну благодать твою. Ярило вот-вот закатится, и врата на миг раскроются, Род наш встанет и защитит! Дорожка пряма, по ней идти надобно мимо тёмного леса к дубу высокому, там камень-алатырь стоит, на нём девица сидит, кому кровь остановит, а кому жизнь возвратит!

– Поди ближе, Анна, – Алевтина присела у очерченного растения и начала объяснять внучке, как правильно его извлечь, чтобы не поранить, и какие слова произносить.

Анна взяла веточку осины и аккуратно начала откапывать корень женьшеня. Сколько прошло времени, она не замечала, но на почти безоблачном небе появилась полная луна. Вокруг корня образовалась ямка, и Аня перед тем, как достать его, хотела посоветоваться с бабушкой, как сделать лучше. Когда же она обернулась, то увидела, что она совсем одна на лесной поляне, а Алевтины и след простыл. Ситуация усугублялась ещё и тем, что она не могла кричать, ведь начатое дело нужно закончить правильно. Тут послышался хруст. «Алевтина рядом», – подумала Анна. Но каково было её удивление, когда она увидела, что хрустит её корешок... Он, словно маленький чело-вечек, пытался оторваться от земли, но его левая ножка с торчащими нитями маленьких корешков застряла в сырой земле. Изумлённая и испуганная, Анна вскрикнула от неожиданности, потом взяла себя в руки:

– Ты что? То есть ты кто?

– А ты освободи меня, я тебе всё скажу!

Ане показалось, что хоть и говорит он своим шевелящимся дуплом, словно маленьким ротиком, голос звучит прямо в её голове. Теперь Аня хорошо понимала выражение «душа в пятки ушла», ей пришлось всю свою волю зажать в кулак, а иначе...

«Господь Всемогущий, дай силы мне и не покидай меня на моём пути!» – после её короткой молитвы корень замер, но в его зелёных фос-

форных глазах засверкали, закружились молнии, она продолжала молиться, обращаясь к святым и к родовым духам, в то же время не отрывая взгляда от набирающего силы корешка. А тот словно засиял отражённым светом золотой луны и, поднатужившись, пытался вырваться из последних сил, но мать-земля не хотела отпустить его.

Анна вспомнила заклинания и о платке, на котором она вышивала таинственные узоры по рисунку Саломеи специально для такого случая. Она сама не заметила, как разделась.

Нагая Анна с распущенными волосами и диким взглядом продолжала проговаривать старинное заклинание. Потом она громко хлопнула в ладоши и, словно кошка выпустила свои когти, со страшным криком набросилась на зловещий корень. Тот словно ждал этого, и внезапно вытянулся светящимся столбиком и стал даже выше Анны. В смертельной схватке, цепляясь корнями, пытаясь захватить Анну, он яростно вырывался и ранил руки юной ведьмы. Бил сильно, словно электрическим разрядом. Её трясло и лихорадило, но она стояла на своём. Они упали на землю, и ещё немного и Анна бы сдалась, но из последних сил она прижала его к груди и ловко обернула, сковав его движения расшитым платком. Потом ещё шевелящийся мешочек связала лентой из своих пышных волос. Маленький, безобидный с виду, корень затих. Анна легла на мокрые травы и расплакалась, как обыкновенная девочка.

Но это были не все испытания, выпавшие на долю бедной девочки. Она оделась и, дрожа теперь уже от холода, пыталась выбраться из кольца болот. Но куда бы она не ступала, чёрная трясина поджидала её и не давала пройти: «Да где эта старая ведьма? Алевтина! Аю! Алевтина!» Но тёмный лес отвечал шелестом ветра и тишиной. Аня перестала плакать и чутко настроилась на звуки ночного леса. Потом она вспомнила, что

мама учила её ориентироваться по звёздам: «Так, от Полярной звезды к Медведице – север. Но мы шли с юга, а на юге лошадка, Орион, с тремя звёздочками, значит, деревня там». Она стала искать то место, где они с Алевтиной вышли на опушку. Но одно дело знать направление, а другое – найти узенькую тропку меж болотных топей. Вдруг раздался треск, чёрный филин, ухая, зовя за собой, полетел в глубь леса. Анюта сорвалась с места и побежала вслед за ним. И не могла поверить своей удаче, она бежала по извилистой лесной тропе. Филин растворился в тенях дремучего леса, но Анна уже знала дорогу домой и твёрдо шагала, неся в руке платок с волшебным корнем. В её душе творилось что-то страшное, она опять испытала одиночество и обиду: «Почему мама отправила меня с Алевтиной? Она знала, что та задумала. А если бы меня одолел этот мандрагор? Зачем мне такая жизнь? Я не хочу трястись от страха на грани жизни и смерти». Она остановилась и, сложив на груди руки, дала клятву: что бы не произошло, она не будет одинокой. И она приложила все усилия и не допустит, чтобы её жених или муж сгинул из-за неё с белого света. Поднялся жуткий ветер. Но Анна уже ничего не боялась, поклонилась, поблагодарила лес и спокойно пошла своей дорогой.

– Анна, внучка, ты меня-то подожди! – изображая усталость, вся скукоженная, сгорбившаяся Алевтина тяжело ковыляла, опираясь на посох.

– Куда ты ушла? Ты знаешь, что я испытала? – спросила с болью в голосе Анюта.

– Шо раскудахталась? Так надо! После покумекаешь – и всё поймёшь. Так надо, поняла?!

– Надо? – Анюта зарыдала.

– Поплачь, теперь можно. Саломее спасибо скажи, она всё бережёт тебя. А вот я без филина выбиралась и радость великую испытала от собственных побед. А ты понимаешь, хто ты теперь? И какая сила у тебя?!

– Сила! Вот ваша сила, – она с размаху выбросила в болото куль с корнем.

Алевтина непонятным усилием рванула к месту падения платочка и у самого болота, вытянув свою клюку, поймала волшебный платок на кривую ручку, он зацепился краешком и повис, как на крючке. Но его нужно было подтянуть к себе, она аккуратно переносила на весу эту дорогую ношу, и вдруг платок развернулся, и корень, который являлся теперь не просто корешком женьшеня, а слугой ведьмы Мандрагор, корень, похожий на маленького человечка, плюхнулся в болото и, булькая, исчез в бездонной трясине. В этот же миг рядом с Анной, прорезая тяжёлое от туч небо, сверкнула молния. Анюта упала от страха на землю. Алевтина легла на мохнатую кочку у края болота и пыталась достать рукой погружающийся в воду волшебный корень, но все её усилия оказались безуспешны. Прогрел мел гром, и небо дало течь из стрел чёрного ливня.

– А вот сейчас твоя жизнь не стоит и копейки! Допрыгалась, коза драная! Он теперь ходить кругами будет, пока ты не помрёшь. Супротив Силы пошла?! Тьфу! – Алевтина сплюнула и, с трудом выбираясь из грязи, побрела к деревне.

Анна стояла, как вкопанная, ей казалось, что она медленно погружается в болото. Она осознала, что поступок был опрометчив, и она натворила что-то ужасное. Голос бабушки на этот раз звучал убедительно зловеще, безо всякого юродства.

Анюта слегла: жар, бессонница, еда вываливалась изо рта. Саломея через тростинку вливала в горло дочери различные настои. Безуспешно. Анна, с чёрными кругами под глазами, белая, как полотно, медленно умирала.

– Если в марте не подыметесь, то и никогда не подыметесь, – шептала Алевтина измученной Саломее.

Всю зиму Анна пролежала, не опуская ног на пол.

– Что будем делать, мама? – Саломея очень редко звала Алевтину мамой.

– Схороним, як Степана Смирнова, один выход, – Алевтина ответила и задумалась, вспоминала из прошлого. Потом спросила «Прохорову книгу», хранившуюся в комнате Саломеи, семейную магическую реликвию, написанную ещё на старославянском. Они всю ночь не спали, разбирая старинное письмо с рецептами мазей и именами древних богов.

Вечером следующего дня Саломея принялась ковырять ещё мёрзлую землю на маленьком участке земли за их домом, та с трудом подавалась. Тогда она разожгла костёр из берёзовых полешек, чтобы согреть землю под могилку. Когда могильная яма скрыла голову Саломеи, она второй раз разожгла костёр, но уже на дне могилки, предварительно подложив несколько валунов для сохранения тепла. Алевтина принесла из леса пахучие пихтовые ветки, которыми Саломея выложила уютное лежбище.

– Вечорка явился, пора начинать! – Алевтина указала на закат и, подав руку Саломее, вытянула её из ямы.

Они зашли в полутёмную комнату, переложили совсем исхудавшую Анюту на расшитое золотом покрывало и вынесли её во двор.

Алевтина начала раскачиваться и петь себе под нос старинные заклинания. После обращений и молитв они натёрли мазью почти бездыханную Анну и опустили её в могилу. Сверху наложили ветки и накрыли коровой шкурой. Оставив маленький подпок сбоку для проникновения воздуха в яму, Саломея накидала сверху мёрзлой земли. Маленький мрачный холмик действительно напоминал могилку.

Алевтина взывала к Роду и к славянским забытым богам – Чернобогу и Белобогу. Она водила своим дубовым посохом в небе и на земле, чертя пятиконечные звёзды.

Солнце ушло за горизонт, а старая бледная луна выглядывала из-за туч, едва освещая двор. Две ведьмы сто-

яли в полной тишине над могилкой, опутив головы, будто они видели Анну сквозь землю.

Анюта лежала на огромной тёплой перине. Потом она ощутила себя в невесомости, в чёрной пустоте бесконечного космоса. Понятия «время» и «место» исчезли, она зависла в окружении миллионов сверкающих звёзд. Вдруг послышался нарастающий звук. Звёзды разом рванули со своих мест и роем светящихся жужжащих пчёлочек накинудись на беззащитную девочку. Но страха не было, они приятно покусывали Анну, словно пробивали её током с головы до ног. Она почувствовала границу своего тела от всеобъемлющего приятного покалывания. Пчёлки разом исчезли, и звонкий ручеек, пробивающийся из глубин земли, начал потихоньку заполнять родниковой водой каждую вену маленькой Ани.

– Пора! Ты только не спеши, помаленьку, потихоньку открывай, – Алевтина сказала и начала звенеть в серебряный колокольчик. Саломея голыми руками сметала землю со шкуры. Из символической могилы пробивался тёплый пар.

Ручеек ещё громче звенел серебром и омывал радостным журчанием хрупкое тельце. Анна медленно открыла глаза, сквозь лёгкое облако тоненьким серпом золотистого месяца пробивался мягкий свет. На сером экране неба появились два тёмных силуэта.

– Анна! Ты нас слышишь? – Алевтина наклонилась над чёрной пустотой ямы.

– Да, – тихо отозвалась Анюта. – Только сил нет встать.

– А ты и не вставай, доченька, мы сейчас быстренько тебя вытащим.

– Уж я погляжу, вытащили, удалось! Таперича долго будешь жить! Дважды рождённая, трижды заговорённая, – подытожила Алевтина и ухватилась за концы длинного покрывала.

Саломея ловко вылезла из ямы, тоже с краями покрывала, накрученными на руку. Лёгкая, как пёрышко,

исхудавшая Анна поддалась их усилиям, и вот она уже наверху, а в потускневших глазах появились живые огоньки. Тут же на востоке возникло зарево, первые лучи светила коснулись и окрасили облака розовым сиянием.

Неделю отпаивали настоями из трав и натурали барсучьим жиром. Неделю – молоком с мёдом. Потом гречневой размазнёй кормили, мазями растирали, а после русской баньки накормили борщом и прекратили митарства. Анюта пошла на поправку, но стала замкнутой с родными. Она всё время была занята, перебирая и штудирова учебники, ведь целую четверть пропустила, надо самостоятельно нагонять и возвращаться в школу...

Анюта в белом фартучке лёгкой поступью, смеясь, возвращалась с последнего школьного звонка. У неё было твёрдое намерение покинуть родную деревню и перебраться в город. Она хотела вздохнуть полной грудью и проявить себя самостоятельно. Поступить в какой-нибудь институт, не важно, в какой, лишь бы было общежитие. Конечно, её мечты шли вразрез с думами Алевтины и Саломеи. Она не решалась поговорить с матерью, тем более та так смотрела на неё, что как будто и так всё знала.

– Иж ты, шо удумала, а хто матери помогать будет?! Да ты без лесу захиреешь, он тебе силы дарит. А шо там в городе, мёдом намазано? Нет, я тебе скажу – вонь да разврат! – возбухала неугомонная Алевтина, тряся головой.

– Да успокойся, Алевтина, ты же понимаешь, она себе так придумала, – вступилась Саломея.

– Пойдём, погугарим! – они ушли шептаться, а Анюта насупилась и ждала вердикта. Хотя, по большому счёту, её не волновало, что они там решат, она знала, что едет поступать, вот если не поступит?

Алевтина, шаркая одной ногой и ковыляя другой, вышла первой. Саломея, как всегда спокойная, с камен-

ным выражением лица, по которому не определишь, что она переживает в своей душе.

– Внучка! Мы не вправе тебя неволить. Езжай с Богом!

Она сделала многозначительную паузу. Искося наблюдая за реакцией Анюты.

«Ну-ну, – подумала Анна. – Что-то задумала старая». Алевтина улыбнулась. «Опять прочитала мысли», – подумала Анюта.

– Она нас в чём-то подозревает. Анна, Анечка, угомонись. Мы единственные твои близкие и плохого тебе не желаем. Живи счастливо! – Алевтина театрально всхлипнула: – Внученька, как же мы без тебя?

– Бабушка! – жёстко отчеканила Анна. – Говори сразу, чего вы хотите?!

– Во, это по-нашему! Саломея, пожалуйста. Мы лишь хотим, внученька, чтобы ты нас не забывала, а когда родится у тебя дочь, то бишь моя правнучка, слава тебе, Господи, ты каждый год на лето будешь привозить её к нам. А после моей смерти внучку привози к Саломее. Вот така последняя моя воля, – Алевтина опять прослезилась.

Саломея подошла и обняла непокорную дочь. Анюта растаяла и зарыдала в плечо матери:

– Хорошо. Хорошо. Я вас не забуду. Я... – она плакала, – если будут детки. Да, обязательно!

Алевтина, услышав ответ, тут же ушла к себе в комнату, слёзы исчезли так же быстро, как и появились.

Анюте не хватило баллов поступить в медицинский, она стала студенткой ветеринарного института. Ко времени защиты диплома она фактически была замужем. Алевтина, увидев её жениха, шепнула на ухо: «Ты хде такого мерина нашла? Да шуткую я, уж больно силён. Славный молодец, умница Аннушка, вы вместе не только дочь – и сынков нарожаете!» Так и вышло после свадьбы: Анна родила дочь, а потом двух мальчуганов – близнецов. Первое время Анна жила в страхе за мужа и мальчишек. Но, вероятно, что-то пошло по-друго-

му, и проклятие не срабатывало. Анна, как и обещала, каждое лето возила малышей в деревню.

* * *

Анна одна стояла в чистом поле. Внезапно могучий ветер, вырывающий с корнем деревья, закружился, завыл вокруг и вблизи. Небо наполнилось вселенской темнотой. В центре вращающегося вихря появился светящийся силуэт женщины. Она что-то крикнула и вытянула руку, в которой сверкал металлический жезл. Ветер тут же утих, но из устрашающего посоха начали выскакивать голубые искры. Молнии ударили в землю рядом с Анной. С каждым ударом молнии она вздрагивала вместе с землёй. Ужас сковал её с ног до головы. Она не могла шелохнуться, а ведьма с распущенными чёрными волосами, раздуваемыми ветром, подходила всё ближе и ближе. Анна взглянула в красивое лицо молодой ведьмы и ахнула от неожиданной узнаваемости: «Алевтина?!»

– А ты думала, шо мне пора в могилу? Ха-ха, как бы не так, я ещё молодая!

Завыл ветер. Алевтина оглянулась:

– Да! Да! Аннушка, ты права, я умираю. Но, прежде, чем уйти, я хочу поделиться с тобой бесценным даром.

Молодая и красивая Алевтина (Аня даже на фотографиях не видала такой свою бабуку) показала ей свою холёную нежную руку, на которой сверкал перстень с рубином. Из глубины кровавого камня пробивались золотые лучи, создавая светящуюся ауру. От увиденного чудо-перстня у Анны открылся рот: это же мечта её детства, она знала, что именно ей Алевтина передаст фамильное кольцо. Руки сами потянулись за бесценной драгоценностью. Но в сердце защемило, она внезапно вспомнила о любимом муже и детках:

– Спасибо бабушка! Но...

– Никаких «но»! – Алевтина ударила жезлом в землю, в небе опять закружил воющий вихрь. – Ты знаешь, сколько силы в этом кольце. Вну-

ченька, одумайся, забудь свои клятвы, это пустое. Ты же прирождённая ведьма. Вернись на тропу, ещё не поздно.

– У меня своя дорога! – Анна молча мотала головой, показывая всем видом – нет, нет и нет...

– Ухожу с лёгким сердцем. Род наш славный в свидетелях. Я сделала всё, что возможно. Прощай, Анна! Пора мне, прощай, – она села на свой, уже деревянный, посох и взмыла в небо. Ветер захватил ведьму и умчался в неизведанное...

* * *

Анна вскрикнула и проснулась.

– Ты чего? Приснилось что? – спросил проснувшийся от крика жены Миша.

– Спи, Миша, спи. Бабушка моя померла. Надо в сельсовет позвонить. Да рано ещё. Ночь на дворе, – Миша, ничего не понимающий, но привыкший к причудам Анны, отвернулся к стене и, мирно посапывая, тут же уснул.

Утром позвонила Саломея:

– Приедь, Анна. Алевтина ночью померла, тяжко мне одной.

– Да, мама, я знаю. Постараюсь завтра подъехать.

Но подъехать она не смогла ни завтра, ни на сами похороны. Заболела старшая – Машенька, температура под сорок, бронхит, могли быть осложнения.

А вот и Саломеи время пришло. Седовласая Анна сидела в горнице и вспоминала разное. Машеньку, дочку свою, Саломея её не принимала близко к сердцу, хотя та всё детство каждое лето гостила у неё. А вот как родилась Злата, дочь Машина, она души в ней не чаяла. И ягоды из лесу соберёт, и за грибами с маленькой Златой, и на озёрце лебедей смотреть. Поэтому, когда Анна приехала к умирающей Саломее одна, та первым делом спросила про Злату. Но Анна целенаправленно не взяла никого, знала она обряды своей семьи и не хотела, чтобы кто-то из детей или вну-

ков продолжал древнее колдовское ремесло. Она специально разыскала Ворониных и убедила оказать ей помощь. Правда, кто помнил Алевтину, уж почти все померли. Но внук, зная легенды семьи, вызвался помочь странной, как ему показалось, дочери умирающей колдуньи. А странность заключалась в следующем: Анна не подходила к матери на расстояние вытянутой руки. Первые дни Саломея могла говорить, правда, только шёпотом, она объясняла неразумной дочери, которой скоро стукнет пятьдесят пять, что это действие не отразится на её жизни. Но Анна не хотела даже слышать о передаче силы. В одну из ночей её позвал измученный голос матери прямо во сне, она спала, закрыв дверь на всякий случай, и вдруг проникновенный голос матери рядом с её постелью. На пятый или шестой день Саломеевых мук Анна просто всем своим нутром почувствовала необъяснимую тягу. Не что выше её сил тянуло в комнату матери, она, как под гипнозом, шагла к постели умирающей. Лишь чей-то крик на улице остановил её. Деревенские мальчишки пробегали мимо дома и кричали в закрытые окна: «Ведьма! Ведьма! Солома гори! Солома гори!» Анна вздрогнула, но всё же поблагодарила маленьких проказников. Она стояла у открытой двери. А как встала, как открыла скрипучую дверь, даже и не помнит. Ещё чуть-чуть и дошла бы до умирающей матери.словно маленькая, она боялась и не хотела быть ведьмой. У неё был суеверный страх перед древним проклятием. Анна так сильно любила своих сыновей и мужа, что её решение не принимать от матери никакого наследства в виде накопленной веками Силы было твёрдым.

Бабки шептались по поводу Анны. Но их небылицы были далеки от истины.

Саломея приоткрывала опухшие веки и искала глазами дочь, потом опять стоны. Анна вызывала сельского врача. Он посмотрел больную и констатировал, что кончина близка,

разве что сильное сердце не отпускает умирающую старушку. Он и не догадывался, что на самом деле её держит.

Саломея могла только думать, медленно думать: «Анна, как ты не можешь понять? Это не моя прихоть. Если бы я могла забрать всю силу с собой, я давно бы ушла, куда зовёт меня уж третий день мама. Но мне от предков досталась Сила-сильная, которую не поднять мне и не забрать с собой. А Сила всё равно найдёт, к кому прилепиться, только это должна быть нашего рода женщина, ибо по мужской линии нас прокляли. Я же знала, что характер у Анюты с детства настёрный, свободолюбивая, на всё своё мнение. Но зачем она клятвы дала, дурёхой была. Я же говорила Алевтине, что рано ей за корнем идти, так нет, та настояла, мол, мы все прошли это в первые месячные, и она сможет, а ты пригляди за ней. Так я и сделала, хоть и дома была, а всё видела и помогала, что в моих силах. Но всё равно испуг у Анны сильный был, отсюда и все события, чудом выкарабкалась, всё-таки есть в ней природная сила, а она не хочет пользоваться. Да, у нас, у ведьм, доля тяжкая, но особенная. Мы и царицами можем быть: иметь, что хотим, и делать, что другим нельзя. Но и служим самому последнему нищему человеку, и пред духами, как букашки, ползаем. Мы мир на прочность проверяем, каждый гриб на вкус пробуем и себя не жалеем – смерть, как подруга, всегда рядом. Поэтому и сейчас стоит во всём чёрном рядом со мной, а подойти не смеет, не велено ей, как Сила найдёт выход, я сразу уйду. А Златушка, солнышко ясное, по свойствам души более всех пригодна к нашему ремеслу. Так Анна и её не взяла, а ведь как я просила перед уходом хоть проститься. Ой, всё тело ноет, дышать трудно». «О-ох», – опять застонала Саломея, с укором поглядывая на дочь.

Дом постоянно был набит народом. Кто приходил из любопытства, кто помнил добрые деяния Саломеи.

А ведь в деревне не сыскать ни одного двора, чтоб не обращались к ней за помощью или за советом. Но главное – всех интересовало, когда же и как она умрёт. Всё-таки не простая бабка, а последняя из ведьм.

На седьмой день Саломея перестала шептать, от её стонов в душе у Анны творилась непрекращаемая тоска. Она хотела броситься к матери, обнять покрепче, но на другой чаше весов была вся её семья.

И что ей пришлось испытать: она же выделялась в институте, как белая ворона. Только знанием брала, а уж как Аня понимала животных и лечила, с лёгкостью определяла диагнозы. Студентам пришлось принять странноватую деревенскую девушку в свой круг. Но сколько ей надо было стерпеть и перестроиться, чтобы стать своей в неизвестной для неё среде. А Миша – это просто красавец, как он её заметил, ведь у неё не было никакого опыта общения с молодыми людьми, ещё деревенский говор. Может, за это он её и полюбил: за простоту, искренность и скромность. А дети – у каждого своя жизнь: Илья с Алёшей всё по соревнованиям, борцы именитые, оба чемпионы, у них с детства – кто лучше. Мария – психолог, а Злата у неё просто умница, весёлая, но с характером. Она ещё в школу не пошла, а читает книжки. А стишки как учит: стоит раз прочитать, она наизусть повторить может.

И зачем ей всё это променять на рабство. А разве это не рабство принадлежать людям? Разве они выкажут благодарность? Они же не изменятся после их чудесного выздоровления, тогда какой смысл их лечить? Если сам Господь попускает, через пусть даже тёмные силы, посылая разные хвори на людей, может, Он хочет достучаться до них. Он учит свои неразумные создания и ждёт, когда они задумаются и изменят хоть что-нибудь в своей никчёмной жизни. Можно рассуждать, как покойная ныне Алевтина, что всё нужно делать для себя: лечишь другого, а излечишь себя. Ей вообще было всё рав-

но, вредить или помогать людям. Она не испытывала никаких угрызений совести и говорила, что «у мужика хрен на том месте, где совесть должна быть». Нет её, немощные люди придумали, чтобы сильный не обижал слабого, а гордецы поддержали. А вот Сила есть, и люди есть, кто ведаёт, – немножко, конечно, ибо всё знать невозможно. «А зачем попы люду голову морочат, адом запугивают, будто мы здесь не страдаем и не мучимся? Не для всех верующих рай, как обещают. Ты можешь посещать храм, молиться, жить правильно – будет у тебя сила? Будет, но это сила веры, не больше, твоя ли это сила, аль церкви? Встречаются люди и там начинают понимать, шо к чему, но редкость, чаще слепое повторение, не более. А у меня, что я духовно работала, никто не отымет, это вовеки вечное моё. А сможешь ты при жизни проверить, как там в раю? А я ангелов видала однажды, только они тоже не шибко добрые, вмиг могут жизни лишить. Так и скажи, есть добро или зло? Всё одно, а книжки только добро учат, болтовня, да и только, как выживать, надобно учить. Люди привыкли: просто молятся, не знамо кому. Там разберутся! Бог всё услышит и устроит. Енто не верно, Он не палочка-выручалочка, нужно задумываться, почему со мной произошло то-то или то. В какой лучше день сделать какое дело? Обращаться, понимая, к кому и по какому вопросу, как наши предки делали. Вот после такой работы будет результат. А то всё чудеса, свят, свят, чудеса, нет никаких чудес, правильно сделал – вот и чудеса. А как главное поймёшь, истину, суть всех вещей, в тот же миг умчишься на колеснице Перуновой, как Илья-пророк на Небеса усакал. Нечего здесь делать, в тёмной яме сидим, як котятя слепые, и не ведаем, зачем пришли, когда уйдём. А вот я уйду, когда мне в этом надобность будет».

Конечно, и Анна применяла по необходимости разные магические штучки, ведь выросла среди ведьм. Но применяла редко, по-тихому, по

острой необходимости, для своих детей или близких. А верила тоже по-своему, не любила она прихожан, которые как роботы, всё исполняющие, без души и сердца. Она искренне верила в Бога, но это ей не мешало верить в собственные силы и силы матери-природы. Не любила она однозначных, нерушимых истин, подавляющих волю человека. Анна с детства была свободна во взглядах и на всё имела собственное мнение.

Вечером седьмого дня Саломею положили на пол и обстучали все потолки в избе. Какая-то суеверная старушка посоветовала, Анна от безысходности дала добро. Но и это не помогло, умирающая продолжала стонать, в какой-то момент она попросила воды у дочери. Анна передала через других, Саломея не стала пить, из последних сил она отвернулась к окну.

Уставшие от ожидания соседки разошлись по домам. Лишь жена Воронина осталась заночевать, идти далеко, да и поздно. В тот момент, как только солнце зашло за горизонт дремучих лесов, и лишь тоненькая свеча дрожала и освещала измученное безжизненное лицо Саломеи, раздался страшный звон разбивающегося стекла. Анна влетела в комнату матери, дремавшая Воронина охнула от неожиданности.

Это не был камень, брошенный недоброй рукой. Огромный чёрный филин влетел в окно. Окна в деревне не открываются, даже форточек не было в доме.

Дальше всё происходило, как во сне: филин, взмахивая крыльями, разбрасывал коричневые перья по всей комнате, затем сев на грудь ведьмы вцепился когтями в бледное лицо Саломеи. Он так рьяно царапал его, что оно вмиг превратилось в кровавое месиво. Саломея крикнула по-птичьи: «Ух!» И чёрный филин, словно унесённый внезапным ветром, вылетел теперь уже в пустую раму. Он тоже ухнул эхом в сером небе и скрылся за высокими елями в лесу. С этим страшным кликом Саломея тут же ис-

пустила дух, мучения ведьмы закончились. Анна упала без сознания. Придя в себя, она сквозь туман увидела чьи-то руки, которые трясли её. Светлана Воронина, сама испытывавшая ужас, заикалась и плакала:

– Ан-на, всё, от-му-чилась ваша ма-ма. Она умерла. Гадина-птица, ей всё лицо расцарапал! Поплачь, Анна, легче будет.

Но Анна не могла плакать. Она накрыла изуродованное лицо матери белым полотенцем. Так и хоронили, без лица...

Саломею схоронили рядом с Алевтиной в солнечный весенний день. На удивление, всё прошло спокойно. Нашлись смелые сельчане, сказавшие добрые слова про Саломею. Единственное, порывистый ветер срывал листья и веточки с красной ягодой с вишнёвого дерева, посаженного у могилки Алевтины, ударяясь о деревянный крест, вишенки оставляли мелкие кровавые следы.

PS.

Майский ветерок раздувал русые косы Златы. Девочка весёлым звонким голосочком спросила бабушку, как долго им ещё идти.

– Не кричи здесь, Златушка. Здесь последнее пристанище смертных людей. Ты же хотела увидеть, где могилка твоей прабабушки. Она сильно тебя любила. Ты помнишь её?

– Саломею? Да, я её вчера видела, – опять громко крикнула Злата.

Анна улыбнулась:

– Тихо, мы подошли к кладбищу. Не кричи здесь, надо уважать тех, кто ушёл.

– Красная вишенка, чёрная птичка, ветрена певичка... – тихо напела Злата.

Анна вздрогнула:

– Что ты поёшь?

– Красная вишенка, чёрная птичка, ветрена певичка с золотым кольцом!

– С каким кольцом? Откуда ты это взяла? Золотце, скажи мне! – Анну начало лихорадить.

– Ну, у меня есть колечко от бабы Саломеи, подарок! А вчера во сне...

Злата не успела ответить. Со стороны старого вишневого дерева, что стоит у могилки Алевтины и Саломеи, ночной филин среди бела дня, став на крыло, едва хлопая тёмным пером, полетел прямо на них. Анна в

ужасе прикрыла лицо маленькой своей внучки. Но чёрная бестия спокойно присела на левое Златино плечо, никак его не поранив и крикнув: «Ух-ух!» Оттолкнулась и взмыла в небо, продолжая укать, медленно улетая в сторону дремучего леса.

6 февраля 2007 года

НАШИ УСЛУГИ для авторов. Наша редакция традиционно и принципиально относится к авторским текстам бережно; то, что допустимо к публикации в соответствии с законодательством РФ, печатается как есть; по согласованию с автором исправляем лишь явные ошибки.

Глубокая литературная правка, в том числе стилистическая и смысловая, всё же проводилась, но в исключительном порядке. Также подробное обсуждение текстов наших авторов проводилось в рамках литературного семинара.

Мы предоставляем полный спектр издательско-редакционных услуг (литературное редактирование, корректура, создание макета книги и сопровождение в печати).

Отредактируем Ваши мемуары, монографию или художественный текст.

Ознакомиться с уже изданными книгами можно здесь:

<http://artage7.4sql.net>

(на главной странице сайта и в разделе «Книги наших авторов»).

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕК ИСКУССТВА»

«Жизнь и лира»

(сборник памяти А.С. Пушкина)

Кто такой Пушкин для литераторов? И образец нарождающегося литературного профессионализма, и повод сыграть в игру филологии и философии. Кто такой Пушкин для нас всех? Так вышло, что слова Пушкина занимают очень много места в словесной среде обитания каждого жителя России.

Мы вырастаем в лесу пушкинских образов, сюжетов и ритмов. И нам повезло. Пушкинские тексты развлекают нас таким образом, что нам и самим хочется вместе с ним исследовать быт, любоваться людьми и событиями, создавать изящные вещи. В этой книге результаты творчества современных литераторов. Присоединяйтесь к нашей весёлой игре. «Пушкин – весёлое имя».

«Восточный мост»

Издавна в Европе считали Русь Востоком. Однажды в детстве мы с удивлением узнаём, что Россия – это Европа, и что она доходит до Урала. Явно Русь – не Европа, но и не Восток. И вот мы в своём творчестве пробуем быть то Европой, то Востоком, осваивая обе традиции. Примером такой литературной игры стал сборник стихов и прозы «Восточный мост».

В сборнике много рисунков и фотографий. Полноцветная обложка, формат А5 узкий, 72 страницы. Книга вышла в 2009 году в Санкт-Петербурге.

Заказ книг: lado_d@mail.ru. Цена с пересылкой: 150 р.

Анна [Silence Screaming] Максимова

Москва

Тюрюм

Янтарная лента вилась тонкими атласными кудряшками, словно пытаясь вплестись в косы влажному тёплому ветру. Она танцевала у ног Саяны, ласкаясь к её коленям, змеилась по настилу моста, порождая бесконечное количество собственных теней, и так и рвалась зацепиться за тросы, чтобы навсегда остаться здесь, крепко-накрепко связанной с Тюнгурским мостом.

Саяна улыбнулась ленте.

– Не торопись, – шепнула она и, опустившись на колени у самого края полотна, взглянула вниз, туда, где в сверкающей неспешности счастья текла бирюзовая Катунь. Саяна ждала этой встречи всю свою жизнь.

Всё, что она любила без оглядки, – мосты, мосты. Она повидала их сотни, если не тысячи: величественные и молчаливые, точно богатыри давно ушедших времён; низенькие и шаткие, будто старички, заглядывающие в речку с краешка собственной могилы; широкие – как небо, и узенькие – точно тропинка в темноте. Изящные мостики-барышни, усыпанные лепестками яблонь и жасмина; грандиозные подвесные мосты-великаны, грозящие проткнуть пилонами облака; кукольные мостики влюблённых, ставшие загадочными и таинственными от бессчётного количества поведанных им тайн, – все они дробили жизнь Саяны на пролёты ожидания и долгожданных встреч, надёжно соединённых друг с другом в единый гигантский мост, конца которому не было видно.

Она искала его. Один-единственный. Тот самый, без которого никогда не станет счастливой, – волшебный мост, обещанный ей во сне почти двадцать лет назад...

Маленькой Саяне и в голову не приходило объяснить своё увлечение маме или папе. Её вполне устраивало хотя бы то, что ей не мешали и не запрещали. Мама удивлялась, но смотрела на занятия дочки сквозь пальцы и метрами покупала оранжевые ленточки – те самые, которыми Саяна отмечала очередной экспонат своей коллекции. Папа подарил дочери новый фотоаппарат, чтобы отщёлкивать альбом за альбомом, которые, с разрешения Саяны, он потом мог бы показать своим бородатым приятелям за кружкой пива и гордо провозгласить: «Вы знаете, что моя Саяна коллекционирует мосты? На прошлой неделе она сделала несколько новых снимков...»

Но ни папе, ни маме так никогда и не пришлось в голову задать дочери главный вопрос: зачем?

Свой городок и мосты, перекинувшиеся через все его реки, речушки и даже ручейки, Саяна уже знала наизусть. Ни один из них не был хотя бы немного похож на Единственный, и потому с каждым днём Саяна уезжала всё дальше и дальше от дома, чтобы попытаться найти свою мечту там, где текли новые реки.

Ручеёк детства бежал торопливо, переливчато смеялся и спорил с камешками о вечности, пока не превратился в тихую, спокойную красавицу-речку. А сон, превратившийся в недостижимую цель, настойчиво просил Саяну не поддаваться уговорам здравого смысла.

«Его нет, ты гонишься за мир-жом», – шептал рассудок, но Саяна не соглашалась. Глядя на своё грустное отражение с очередного моста, ставшего разочарованием, девушка по-прежнему верила мечте – далёкому сну из давно ушедшего детства.

* * *

Мост казался стрелой, улетающей в бесконечность. Туман, обнявший полотно, полностью скрывал противоположный берег, а быть может, его и вовсе не было – Саяна не могла сказать наверняка. Пепельное облако тумана, казалось, разочарованно вздыхало вместе с девочкой, сожалел о том, что не может заглянуть дальше, чем дозволено.

Саяна огляделась. Молчаливое величие металлических тросов, закреплённых наверху неким подобием грубых узлов, произвело на малышку неизгладимое впечатление: они казались гигантской арфой, сыграть на которой под силу лишь урагану. Саяна на мгновение притихла, стараясь не дышать: ей очень захотелось послушать, о чём поёт ветер, но тот тоже словно затаился, осторожно поглядывая на маленькую гостью из-за тумана.

– Ну не хочешь – как хочешь, – с досадой шепнула она ветру. Услышал он или нет, Саяна так и не смогла определить. Ещё бы: ведь ветер, который живёт на таком странном мостике, и сам должен быть очень странным.

Пора было на что-то решаться, потому что стоять и ждать на одном месте Саяна не любила. Куда ей пойти? Впереди – неизвестность, а позади...

Обернувшись, Саяна неожиданно увидела детскую. Комната, зажатая с

обеих сторон пилонами моста, пустовала и грустно глядела вслед своей хозяйке многочисленными парами кукольных глаз. Форточка, открытая в тёплую августовскую ночь, негромко поскрипывала, подталкиваемая ветром. Саяне не хотелось идти назад. По крайней мере, до тех пор, пока она не узнает совершенно точно, что ждёт её впереди, по ту сторону скалочного подвесного моста.

Саяна пристально всмотрелась в туман, мерцающий короткими взблесками отражённой воды. Волшебная дымка, похожая на хрустальный дворец, взлетала к самым облакам – выше пилонов, выше натянутых, будто струны, тросов, выше грёз и надежд.

– Э-эй! – крикнула Саяна и осмелилась шагнуть вперёд по неровному деревянному настилу.

Доски, беспорядочно уложенные под её ногами, казались ненадёжными, и девочка всякий раз останавливалась, выверяя своё следующее движение. Ей очень не хотелось провалиться в реку, чьё незримое присутствие угадывалось лишь по серебристому плеску, звенящему где-то далеко внизу.

– Интересно... Тут очень глубокая речка? – спросила Саяна у невидимых слушателей: ей очень не нравилось бродить в одиночку. – А вот сейчас мы это как раз и проверим...

Осторожно подобравшись к краю полотна по скрипящим и шатким досточкам, Саяна с любопытством глянула вниз, туда, где ожидала увидеть речку, и ахнула. Вместо обыкновенной реки, текущей в самом обычном русле, снизу на неё смотрела довольно странная и – Саяна была в этом уверена – живая вода. Её бирюзовая лента, вьющаяся в абсолютной пустоте, лишь очень отдалённо напоминала то, что привыкла видеть Саяна, глядя вниз с... правильного моста.

– Значит... Мостик этот неправильный. И реченька – тоже неправильная, – протянула девочка, с подозрением следя за беспешным течением таинственной влаги.

Река ярко взблескивала, но молчала, хотя малышке почему-то на мгновение показалось, будто удивительная вода улыбается ей.

– Э-эй! – позвала Саяна искрящееся светом Нечто. – Хватит притворяться! Я знаю, что ты не речка!

Потревоженная голосом гостьи, вода немедленно ответила ей брызгами бирюзы. Они взлетели вверх так легко и плавно, словно были не капельками воды, а пёрышками сказочной синей птицы. Замерев на уровне изумлённых глаз, каждое из них отражало личико Саяны.

– Ух ты!.. – восхищённо шепнула малышка и протянула руки, чтобы поймать парочку капелек и получить их рассмотреть, но те с радужным звоном осыпались вниз, растворяясь в удивительной реке.

«Ты... Ты... Ты...» – эхом отозвалась вода, и Саяна отпрянула от неожиданности.

– Здорово... Она ещё и разговаривает... Знаешь что, говорящая реченька, я уж лучше пойду... Пока! – Саяна помахала рукой и двинулась в сторону серебристых облаков сверкающего тумана.

С каждым шагом туман послушно отодвигался ровно на один шаг назад. Он словно бы повторял движения девочки. Минута, за ней другая – и так без конца, но впереди по-прежнему не было видно ни единого намёка на то, чтобы у этой странной речки вообще существовал противоположный берег. Саяна сражалась с удивлением и любопытством, но усталость, вмешавшаяся в исход битвы, решила её в свою пользу. Девочка остановилась и бросила растерянный взгляд через плечо.

– Уж лучше обратно, – сказала она громко, но для того, чтобы слова оказались достаточно убедительными, одной только громкости было явно маловато. Требовалось что-то ещё. Например, уверенность в том, что туман не успел проглотить и тот берег таинственной реки, со стороны которого она пришла. А уверенность

– это было как раз то, чего Саяне катастрофически не хватало.

Замерев посередине между прошлым и будущим, Саяна остановилась, выбирая. И тут её окликнули.

– Привет. Как дела? – сказал голос, чей обладатель даже не потрудился выйти из серебристой дымки, ползущей с недоступного берега.

Саяна оглянулась. Испуг, который, казалось бы, готов был поселиться в её глазах, почему-то поспешил нырнуть в приглушённый шёпот волн, оставляя малышке лишь любопытство.

– Хорошо дела, – отозвалась она вежливо, осматриваясь в поисках обладателя странного голоса. – А ты где?..

– Кто? – послышалось в ответ.

Вопрос привёл Саяну в изумление.

– Как это – кто? Ты!

Безликий незнакомец, никак не желающий предстать перед своей гостьей, промолчал.

– А невежливо не отвечать! – медленно возмутилась Саяна и даже руками всплеснула с досады.

– О, извини, – смилился голос и добродушно рассмеялся. – А кого бы ты хотела увидеть?..

– Шуточки у тебя вовсе не смешные, – обиделась Саяна.

– Ну ладно, ладно. Раз уж тебе непременно хочется кого-нибудь увидеть, то смотри. Вот он я! – улыбнулся некто, и из тумана, взвихрившегося перед Саяной, на дождатый настил шагнул невысокий мужчина в меховых одеждах. Он стряхнул с себя остатки серебристой дымки, совсем как стряхивают самую обычную дорожную пыль, и подошёл чуть ближе, словно предлагая девочке рассмотреть себя поближе.

Саяна прищурила глаза и охнула, хотя чего же иного можно было ожидать от волшебного человека из страны вездесущего тумана и ненастоящей бирюзовой воды?

У него была тысяча лиц. Каждое из них жило не более мгновения и тут же растворялось в прошлом, словно бы его отражение смывала невиди-

мая река. Так, сменяя друг друга в бесконечном водовороте времён, глаза незнакомца – карие, серые, снова карие и через мгновение почти белые – улыбались Саяне абсолютной улыбкой тепла и симпатии.

– Ты кто-о-о?.. – не выдержала Саяна. – И что это у тебя с лицом?

Мужчина склонил голову – и словно пылинки, брошенные в глаза внезапным порывом сильного ветра, в мысли Саяны вторгся ответ на её неосторожный вопрос. Человек с тысячу лицами обладал не меньшим количеством имён. Каждое из них теперь пронеслось в её голове так стремительно, что вскоре отдельные слова потеряли свои смыслы, обратившись в единый гул, состоящий из звуков бесчисленного множества имён.

«Владимир... Сергей... Ольга... Данила... Оксана... Джейн... С... Конс... Ил... А... Ру... Н...» – шелестело со всех сторон, пока, наконец, не смолкло, оборванное криком Саяны: – Хватит!

Мужчина улыбнулся. Девочка разжала уши и потёрла их ладошками.

– Крепко слишком надавила... – пояснила она смущённо, и собеседник рассмеялся.

– Спроси меня лучше о том, что ты действительно хочешь узнать, – попросил он примирительно. – Тогда и ответ будет единственным.

Саяна не раздумывала ни минуты:

– Что там? – она указала в сторону сплошной завесы тумана, повисшей за спиной незнакомца. – Там берег должен быть, но я шла-шла... А знаешь, я в речку заглянула, а там, – Саяна ткнула пальчиком в сторону бирюзового потока, – там такая смешная водичка! Она отражениями кидается, представляешь?.. Вот хочешь, сам попробуй!

Незнакомец покачал головой.

– Нет?.. Ну, как хочешь... – надулась Саяна.

Она уже привыкла к тому, что взрослые никогда не обращают внимания на самые удивительные вещи, и всё же от волшебного взрослого она

ожидала немного большего... Саяна вздохнула, вспоминая, о чём собиралась спросить.

– А, ну вот... Шла я шла... Так долго шла, а мост всё не кончается. Вот я и хотела тебя спросить... Мне просто уже домой, наверное, пора. Но очень хочется узнать, что там, на том берегу. Очень-очень! Я, конечно, могу и сама дойти и посмотреть, – спохватилась она, вспоминая, что уже достаточно взрослая. – Но... Вдруг я не успею и проснусь?.. А ты пришёл с той стороны и, наверное, знаешь...

Бесчисленные лица незнакомца выразили серьёзность и удовлетворение.

– Ты задала правильный и искренний вопрос, – произнёс он и приблизился. – И потому получишь правильный и искренний ответ. Пойдём.

Не дожидаясь, пока Саяна последует за ним, незнакомец отвернулся от неё и шагнул в туман.

– Подожди, ты куда? – опешила Саяна и стала осторожно пробираться следом: она всё ещё побаивалась, не доверяя похожему на деревянный пазл настилу моста. Из своего богатого опыта малышка знала, как легко и просто разрушить пазл единственным неосторожным движением.

– Так куда мы идём-то? – переспросила Саяна с нетерпением и встретила смеющийся взгляд через плечо.

– Куда? Зачем ты спрашиваешь то, о чём знаешь сама?.. По этому мостику можно двигаться только вперёд, Саяна. Кстати, он называется Тюрюм.

– Какое смешное название! – улыбнулась малышка и поторопилась догнать незнакомца, от радости позабыв проверить надёжность моста.

– Смотри-ка! Ты больше не боишься оступиться и провалиться.

– Ой! – Саяна глянула вниз и, к собственному несказанному изумлению, увидела, что шагает не по мосту, а над ним, каким-то неведомым ей способом поднявшись в воздух.

Саяна немедленно остановилась – и прыгнула на доски. Незнакомец

лишь разочарованно покачал головой.

– Зря испугалась. Всякий раз, когда ты засмеёшься или обрадуешься чему-то, ты будешь приподниматься над мостом – чем сильнее и искреннее, тем выше. А может быть, даже полетишь... – добавил он загадочно.

– Правда?!

Саяне не терпелось скорее поверить, прав ли её новый приятель. Она немедленно закрыла глаза и представила себе, как мама и папа, наконец, разрешают ей завести пушистого серого кролика, и изо всех сил топнула ногой по мосту. Но «топа» не получилось.

– Ну что, убедилась? – рассмеялся незнакомец, глядя на восхищённую Саяну, взлетевшую в пронизанный светом воздух.

– Я – как птица! – выдохнула она.

– Ну, так полетели! – ответил незнакомец и взмахнул руками, в то же мгновение отрываясь от настила и взмывая в сверкающий серебром туман. Его развевающиеся меховые одежды казались сшитыми из облаков, и Саяна поторопилась догнать его, чтобы это проверить.

– А на том берегу интересно? – крикнула она между тем.

– Очень, – незнакомец, казалось, чувствовал её спиной. Он летел, не оглядываясь, но всякий раз немного замедлял темп, едва только Саяна начинала отставать. – Только вот не всем хочется увидеть, что там.

– Почему?..

– Потому что люди боятся того, что скрывает туман. Они не любят неизвестность.

– Понятно...

– Умница, если так, – похвалил незнакомец, не поворачивая головы. Возможно, он не хотел смущать Саяну своей переменчивой многоликостью, а быть может, попросту не считал необходимым замедлять полёт.

Саяна наконец догнала его и аккуратно схватилась за хлопающие перед глазами крылья меховых одежд. Ей совсем не хотелось отстать и потеряться. Завораживающий полёт

сквозь серебристые обрывки тумана ощутимо ускорился. Неизвестно откуда взявшийся, ветер подул прямо в лицо.

«Значит, он дует с той стороны волшебной реки», – сообразила Саяна и зажмурилась от напора ветра. Дыхание перехватило. Инстинктивно спрятавшись за спину своего спутника, Саяна вдруг остро ощутила, как что-то изменилось. Она поторопилась взглянуть, в чём же дело, – и немедленно свалилась обратно на полотно моста, замирая от ужаса.

Вместо мужчины в меховых одеждах над её головой продолжал свой волшебный полёт большой белый волк. Мгновение – и он остановился, оборачиваясь к Саяне. Его взгляд, острый и холодный, словно метель, замер, вонзившись в лицо девочки. Глаза в глаза. Сердце к сердцу. Туман над головой Саяны стал чуть разреженнее, и сквозь его сияющую плоть с небес ледяными стрелами посыпались звёзды. А она так и осталась лежать на животе, осыпаемая удивительным сиянием звёзд, ставших снежинками.

*«Не спи, замёрзнешь, – беззвучно рассмеялся волк голосом незнакомца и тут же посерьёзnel. – Оста-
нись лежать – заметёт снегом.
Так бывает с каждым, кто не хочет
идти вперёд».*

– Я просто... Устала, – шепнула Саяна.

*«Усталость – твой самый главный враг. Страшнее него только
равнодушие», – волк говорил строго,
но без упрёка.*

– Ты – волшебный волк, да?.. – Саяна поднялась, наконец, с досок, покрывшихся тонким снежным одеялом. Догадка вселила в неё смелость и любопытство. – Значит, на том берегу живут волшебные летающие волки, которые умеют говорить...

*«Я ещё не успел ответить на
первый вопрос, как ты задашь вто-
рой. Да ещё сама же и отвечаешь на
него», – серебристый волк совсем по-
человечески покачал головой и*

встряхнулся, рассыпаясь на качающиеся тени.

Словно рябь прошла по водной глади пространства – и серебристый волк снова стал человеком с тысячами лицами и именами. Снежинки вились вокруг него живым хороводом, взблескивая и звеня, точно от радости.

– Так значит, ты устала, – сказал он.

– Угу...

– Ну хорошо... Тогда прогулка за ответом на главный вопрос пока отменяется. А вместо неё я расскажу тебе кое-что интересное.

Саяна расстроено всхлипнула, готовясь заплакать.

– Но ты же обещал!..

– Верно. И однажды я обязательно сдержу своё слово. А пока – слушай. И – смотри.

Мужчина отошёл к краю моста и кивнул Саяне следовать за ним. Малышка поднялась на ноги, тихонько охая и потирая ушибленные места.

– Чего тут? А, водичка! Водичку я уже видела. Она меня чуть не...

– Смотри!

Саяна немедленно замолчала, зоревато глядя на удивительную бирюзовую реку.

– Это – Поток, – едва слышно шепнули тысячи голосов. – В нём заключено и из него вышло всё, что ты видишь, Саяна.

– И я?

– И ты. Мы – его волны, а он – вечное течение жизни, создавшее самое себя и одновременно – не создававшее ничего из перечисленного.

– Как это?.. – Саяна ощущала себя крохотной и глупой, но отчаянно пыталась понять, о чём говорит её спутник.

– Он просто есть – вот и вся премудрость, Саяна. Поток спит, сновидя всех нас, и каждая капля, составляющая его удивительное течение, – это Вселенная, которая ему снится...

На мгновение незнакомец замолчал, и словно бы в ответ на его слова Поток засветился изнутри миллиардами сверхновых звёзд.

– А что будет, когда он проснётся?..

– Возможно, это будет конец, – уклончиво ответил незнакомец. – Но, скорее всего, это будет начало.

– Начало чего?.. – удивилась Саяна, и Поток, глядящий на малышку ласковой бирюзой бесчисленных минут, улыбнулся.

– Ой! Он улыбается, видишь? – воскликнула малышка. Она немедленно легла на живот, едва ли не по поясу свесившись с моста, однако не забывая при этом крепко держаться за него руками.

– Просто он очень тебя любит, – шепнул незнакомец в ответ. – Те, кто решили покинуть этот мост и плыть вместе с Потокom, однажды вернуться на берег счастливыми.

– Я тоже хочу! – выкрикнула Саяна.

– Не торопись... Сначала тебе нужно проснуться. И найти свой мост.

– Но... Почему?

– Потому что так будет честно.

Саяна задумалась. Она не понимала, к чему ведёт получеловек-полуволок, но что-то подсказывало ей, что он прав.

– А как же я найду именно этот мост, когда проснусь? Ведь их так много!

– Это правда, – кивнул он в ответ. – Много путей, много жизней, но лишь один – твой истинный путь, лишь одна – настоящая жизнь, лишь один – *тот самый* мост, которым тебе нужно идти. Идти до тех самых пор, пока не придёшь на противоположный берег. И если, глядя с моста, ты постоянно будешь видеть и ощущать Поток, тебе будет легко и весело идти. И тогда, перейдя на ту сторону, ты сможешь спуститься к Потокu, чтобы узнать его лучше. Многие поступают именно так.

Но есть и другой путь. Он – для тех, кто не хочет идти на противоположный берег. Они предпочитают плыть... Плыть вместе с Потокom, оставаясь свободными в пределах вечности. Быть может, это и твой путь, Саяна...

Но какой бы из них ты ни выбрала, всегда помни о Потокe, как он

всегда помнит о тебе. И если, шагая по шатким досточкам моста, ты вдруг устанешь и захочешь набраться сил, то просто подойди к краю полотна и посмотри вниз, в бирюзовые глаза вечности.

Помни и о том, что Поток никогда не касается моста, хотя реальность – это всего лишь рябь на поверхности Потока. И только тому, кто идёт по мосту, под силу сделать его таким, каким он пожелает. Или... починить его, если он пришёл в негодность.

Далеко не все, проходя по мосту, оглядываются по сторонам, и потому они замечают лишь его полотно да те призрачные очертания будущего, что просматриваются сквозь завесу тумана. Большинство из этих людей довольствуется жалкими крохами того, что видят, и даже когда поднимается ветер и осыпает их брызгами, они всё равно не чувствуют Потока. Лишь изредка кто-нибудь из них, поражённый новым ощущением, оглядывается и понимает, что идёт по мосту, но и тогда у него может не хватить смелости посмотреть вниз. Многие достигают противоположного берега, так ни разу за всю свою жизнь и не увидев Потока... Но ты не бойся, Саяна. Это – уже не твой путь.

Саяна слушала молча. Слова незнакомого шелестели прохладным весенним дождём, после которого расцветают первые цветы – голубые и нежные, будто мечты. Она задумчиво смотрела на колышущееся тело Потока, усыпанное лепестками черёмухи, в которые превратились снежинки. Малышка ни о чём не думала. Она просто наслаждалась теплом и лаской, обнявшими её сердце, а Поток не спешил подарить ей понимание чужих слов. Он был терпелив и непритворен. И потому не торопил малышку, искренне надеясь на то, что однажды его сон – сон по имени Саяна – станет одним из самых красивых и солнечных.

Опустив головку на сложенные руки, Саяна не заметила, как заснула. Сквозь тёплые лучи дрёмы она услышала, как незнакомец шепнул:

– Доброй ночи, моя любимая... До встречи, Саяна...

Не в силах бороться со сном, смежившим веки, малышка попыталась было сказать «подожди!», но вместо слов с её приоткрытых губ, точно бабочка с лепестка розы, слетело спокойное дыхание умиротворения.

«До свиданья, волшебный волк...» – мысленно потянувшись она вслед за уходящим видением.

«Зови меня Тенгри», – улыбнулось утро и взорвалось щебетом птиц за окошком детской комнаты.

* * *

Саяна привязала ленточку к тросу, и пара ярких оранжевых змеек тут же зацепилась за крылья ветра, словно мечтала унести на восток вместе с ним. Девушка достала из рюкзака фотоаппарат.

Самая обыкновенная река и самый обычный мост – но только лишь на первый взгляд... Ничего не значащее для иного из нас, для Саяны это удивительное место стало осью мира. Доказательством власти над собой и всем тем, что составляет повседневную действительность. Торжеством надежды над усталостью и равнодушием. Победой счастья над опустошением.

Так обыденные вещи становятся волшебными. Так меняется мир: преломлённый в единственной бирюзовой капле, он обращается в радугу цветов, эмоций и ощущений. Так мы приходим к пониманию: коротким ли, долгим ли путём – не важно, потому что единственное, что действительно имеет значение на этом пути, – это искренность и любовь.

Саяна поймала мост в объектив – и с несказанным удивлением оставилась на появившуюся картинку.

– Ну надо же...

Она выключила и снова включила аппарат. И снова. А затем посмотрела вдаль.

Картинки по-прежнему не совпадали. Но что было истинным – то, что видела камера, или же то, в чём убеждали её собственные глаза?..

Девушка несильно потрясла коробочку и снова включила её, поражённо рассматривая появившееся изображение.

– Привет, – послышалось за спиной. – Сломался?

– Аха, – копаясь в настройках и потому не сразу подняв взгляд от фотоаппарата, ответила Саяна. – Показывает всё вверх тормашками. Ничего не понимаю...

– Правда? А мне казалось, ты понимаешь без малого всё...

Её подводит слух, или однажды она уже слышала этот голос?.. Саяна удивлённо обернулась, но за спиной уже никого не было.

Девушка ошеломлённо перевела взгляд с пустого пролёта на обезумевший фотоаппарат и обратно. Камера с прежней беспристрастностью показывала перевернутый мост, радужгой перекинувшийся через небо. А на мосту, точнее над ним, стоял человек в меховых одеждах.

– Ну вот мы и встретились, – послышалось откуда-то из глубины ожившего фотоаппарата. – Как дела?

Саяна задохнулась. Сон, невероятным образом прорвавший полотно

реальности и заместивший собой один из её узоров, сверкнул десятками солнц. Целое соцветие чувств, проснувшихся к жизни в сердце девушки, немедленно потянулось к свету и заслонило собой весь мир.

– Я пришёл, чтобы выполнить обещание, Саяна, – улыбнулся сон и шепнул спустя бесконечное мгновение молчания: – На том берегу – лодка.

Ошеломлённая услышанным, Саяна не ответила. Затаив дыхание, она глядела на Тенгри в маленький экранчик фотоаппарата и улыбалась от счастья.

Потому что его глаза были самыми прекрасными из всех, что когда-либо смотрели в небо...

*Тюрюм (алтайск. јурум) – жизнь.

*Тенгри (Тенгери) (алтайск. тенери) – небо.

В тенгрианской религии Тенгри (божество верхней зоны мира) представляет судьбы людей, распределяет срок жизни, дарует верховную власть в обществе, воздействует на неё и т.д.

28 марта 2009

В год празднования 1150-летия старинного русского города Великого Новгорода клуб «Век искусства» начинает отбор и подготовку материалов для сборника «ГОРОД – ВОИН, ТРУЖЕНИК, ПОЭТ» (рабочее название). Основные темы: русская история и сегодняшний день, события, люди, природа городов и областей российского Северо-Запада (Великий Новгород, Псков, Санкт-Петербург, Архангельск и др.).

В книге будет 150-160 страниц. Формат А5 узкий. Мягкая обложка (полноцвет).

Тираж 300-350 экземпляров.

От авторов принимаются: проза или стихи, краткая биография, фотография и иллюстрации. Все материалы необходимо выслать до 15 января 2010 года. Сборник издаём за свой счёт в складчину (450 р./страница). Ограничение для стихов – 10 страниц от одного автора, для прозы – 20 страниц.

Каждый автор получит столько авторских, сколько страниц у него опубликовано в сборнике. Оставшиеся книги будем распространять на мероприятиях литературно-музыкального клуба «Век искусства».

Тексты высылайте по следующим адресам:

lado_d@mail.ru (Диана Доронина – координатор проекта, главный редактор альманаха «МОСТ»),

oktober12j@mail.ru (Александр Кузин – автор идеи, составитель сборника).

Василий Рецов

Ростов-на-Дону

В сентябре 2007 года автор участвовал с рассказом «Без любви.» в открытом литературном конкурсе «МЕЖДУРЕЧЬЕ» и прошёл во второй тур.

Без любви.

*А вот и страх кругом, потому что либо совсем без любви, либо срамная она да скотская. Одна плоть без души...
Из к\ф «Андрей Рублёв»*

*...проснись, мы зачарованы ритмом,
и те порезанные кисти, будто молитвы.
...И значит, я не зря резал скулы, клацал,
Просил любить тебя, хотя бы пытаться...
Ассаи «Живём дальше»*

Шумной компанией из четырёх человек мы двинулись по направлению к магазину. На улице было уже довольно темно и, кроме того, невыносимо холодно. Так что я, в отличие от моих товарищей, пытался как можно меньше говорить и как можно скорее идти. В голове не витало ни тени мысли о высоком; единственное, что донимало, – холодный ветер и мечты о тепле.

Моё окружение было веселей меня, а потому они решили, что я впал в очередной транс задумчивости. Впрочем, может, они и правы, так как потребность в тепле поднимала из глубин воспоминаний картинку минувших радостей. Тёплое время года, девушка в лёгком платьице... Так или иначе, мы достигли промежуточной остановки нашего путешествия, где можно было хоть немного согреться. Жаль, но для этой цели ничего, кроме алкоголя, нам не могла предложить заманчивая витрина. А потому, чтобы чуть разбавить кровь, наша компания решила по-братски скинуться на бутылку вина.

Вновь ледяной ветер и жёлтый свет фонарей. Вновь податливое ветерку платьице, звонкий смех и прищуренные от солнца ресницы...

– И где оно теперь?! – почему-то вырвалось у меня вслух.

– На, держи! – сказал мой приятель, протягивая бутылку вина. – Не беспокойся! Твоя очередь. Согреешься!

Усмехнувшись его словам, я взял бутылку и сделал несколько глотков «согревающего». После чего зачем-то сплунул и машинально передал бутылку следующему.

Через несколько минут мы решили заскочить к ещё одному знакомому. Нам повезло: мы встретили его уже на выходе.

– Привет, пацаны. Вы ко мне?

– Ну, вообще-то, да, ищем, где посидеть можно. А то на улице как-то... – поспешил с ответом один из нас.

– А... Вынужден вас огорчить: я щас на день рождения иду, к Нору. Хотя... Нор же наш чувак, я думаю, лишние рты его не сильно расстроят, если, конечно, найдётся, чем их залить!

– А, ну так за нами не заржавеет! Щас быстро по пути подарок и сообразим!

Я не знал, кто такой Нор, но не особо беспокоился по этому поводу.

Порой, чтоб спастись от холода, готов бежать к кому угодно.

* * *

Когда мы нарисовались у дверей ещё ничего не подозревающего именинника с двумя бутылками водки, я почему-то даже повеселел, представляя лицо человека, которому придётся впустить в дом нашу компанию. Но моя весёлость сменилась лёгким конфузом, когда я, с удивлением для себя, узнал в Норе Женьку, своего давнего знакомого, никогда не отличавшегося особой весёлостью в характере и уж тем более – разгульным образом жизни. Меня он тоже узнал сразу и, вероятно, был удивлён не меньше моего. Встретиться в подобной ситуации для нас обоих ещё год назад было бы немыслимо. Повзрослели... Однако, обменявшись с Женькой извиняющимися взглядами, я шагнул через порог к нему в квартиру, вложив в протянутую для приветствия руку бутылку водки. Он тут же переложил её в другую и пожал мою руку.

Перездоровавшись со всеми, Женя, на правах хозяина, рассказал вновь прибывшим, где зал, а где, на всякий случай, уборная. И пригласил всех к столу.

Я зашёл в зал, не сняв пальто. Как мне показалось, там не было особенно жарко, хотя некоторые сидели в майках. На столе было уже очень мало еды, а от такого количества горячительных напитков я заранее ощутил лёгкое поташнивание. Здесь можно было согреться и залить все лезущие в голову навязчивые воспомина-

ния. Больше я ни на что и не рассчитывал.

Но сегодняшний день просто изобиловал сорпризами. Когда я оторвал глаза от стола и окинул взглядом сидящих с противоположной стороны, я остолбенел. Среди *них* была ОНА!!! Рядом с ней сидел какой-то, слегка перебравший, господин, снедаемый настойчивым желанием приобнять её за плечо.

Она была одета в чёрные джинсы и светлый вязаный свитер на змейке с длинными рукавами. Под свитером виднелась какая-то простенькая маечка чёрного цвета с белой вставочкой. Несмотря на то, что в комнате было довольно душно, она почему-то его не сняла, а только расстегнула и немного скинула с плеч.

Не знаю, что выражала в те минуты вся моя неуклюже застывшая фигура, но почему-то двое из присутствующих мне сразу же предложили сесть. Я не понимал, что происходит. Мне казалось, что мир моих мечтаний вдруг выплеснулся наружу, предварительно вывернувшись наизнанку. Представить себе, что *та* девушка из моих воспоминаний, лёгкая, как летний ветерок, материализуется здесь?!

Я сразу поймал на себе её взгляд. Она узнала меня, я – её. И всё. Мы оба не подали вида, что знали друг друга, и даже не поздоровались. Возможно, многое за нас сказали глаза. Правда, в них сейчас было больше удивления, чем чего-либо другого.

Выйдя из секундного остолбенения, я сел к столу, по счастливой случайности заняв место рядом с именинником. Тут же передо мной появилась полная кружка пива. Откинувшись на спинку дивана и сделав пару глотков, я продолжил смотреть на свою материализовавшуюся мечту. Думаю, мало кого из присутствующих занимало содержание моего взгляда, да я и пытался не особо сверлить её глазами, чтобы не вышло недоразумений. Сам не знаю, чего больше было в моём взгляде. Ревности?! Вряд ли... Скорее, противного чувства собственника и, наверное, обиды и глу-

пой зависти. Она уже с другим, а я так после неё и не влюбился...

Я посмотрел на её парня, от пьяных лобызаний которого она пыталась избавиться. «Чем он лучше меня?!» Обычный мужской вопрос мелькнул молнией в моём сознании и столь же быстро исчез. Какое я имею право ревновать?!

Чтобы не отставать от окружающих, произносивших какой-то тост, я поднял кружку и сделал несколько глотков. На кружке были изображены несколько тоненьких берёзовых стволов. Повинуясь исключительно любви к прекрасному, я ещё немного приподнял кружку и, найдя между двумя берёзками люстру, приблизил лицо к увиденному... Электрический луч, преображённый стеклянными хрусталиками люстры, наполнил солнечным светом кружку с янтарным напитком так, что я на мгновение закрыл глаза...

Летнее кафе. Я со своей тётёй. Две тоненьких берёзки неподалёку от нашего столика, хвастающиеся друг дружке изумрудными серёжками... Тогда тётя вызвала меня к себе по мобильнику с целью попросить о какой-то незначительной услуге, и попросила немного посидеть с ней. Честно признавшись, что с минуты на минуту придёт её дочь со своими подружками, и было бы неплохо, если бы я никуда не спешил.

...Тётёе даже не пришлось нас знакомить! Как только я увидел трёх подходящих к нам девушек, я сразу же обратил внимание на неё. Она была красавицей! Лёгкой, чистой, воздушной... Светлое платьице, милая улыбка, развивающийся на ветру волос... Всё в ней дышало молодостью и счастьем. Таким простым и таким искренним, что я не мог оторвать от неё глаз. Наверное, это было видно всем окружающим. Но я настолько был поражён этим чудом, что не замечал никого, кроме неё. Боже, как я был счастлив, когда почувствовал, что она удостоила меня своим внимательным и немного удивлённым взглядом.

Моя тётушка оказалась доброй феей, устроив всё словно по сценарию. Я даже не помню, что и кому она сказала, но я сам не заметил, как мы остались одни. От моего предложения остаться в кафе она вежливо отказалась, но взамен подарила мне продолжительную прогулку по аллеям города. Мы говорили о многом и настолько живо, что замолкали только тогда, когда боялись друг друга перебить. Я читал ей стихи и осыпал комплиментами, на что она тихо отвечала: «Спасибо...»

Она была старше меня без малого на пять лет, но при этом совсем не казалась взрослой. Мне было с ней легко. Просто – легко! И при этом ей вовсе не надо было строить из себя кокетливую дурочку, а мне нагонять на себя излишнюю серьёзность. Всё было так... естественно, как естественны времена года, Любовь, Она...

Потом была череда «случайных» встреч, письма по электронной почте, SMS... С каждой встречей я узнавал её всё больше и после расставания ещё долго хранил в памяти каждый её взгляд, улыбку, жест, запоминал каждое слово и то, каким тоном оно было сказано. Но... всё очень просто закончилось... Так же *естественно*, как и начиналось. Не знаю, в чём причина. Может, просто наступила осень, и у неё появилось желание подумать над тем, что у неё впереди. Возможно, она решила освободиться от дурманящего сна и принять по-настоящему взвешенное, взрослое решение, определить жизненные цели и ориентиры... Как бы то ни было, письма и SMS прекратились, видеться мы стали реже. А потом я совершенно случайно увидел её в автобусе, мило дремлющей на плече привлекательного молодого человека. Мне даже не было больно, просто я понял, что при построении её live-плана пункт, озаглавленный моим именем, был просто вычеркнут, как нелепый факт из прошлой жизни. Что я мог дать ей, кроме поэзии и комплиментов?! ...То-то же!.. Так какие могут быть претензии?!

Всё это я прокручивал в своей голове, смотря на окружающее невидящим взглядом. После очередного тоста небольшая компания отделилась от стола и вышла на балкон. Любопытный паренёк отправился с ними, но без своей девушки. Он не был тем молодым человеком, которого я видел в автобусе, и, возможно, он недавно занял место предшественника. Она, сославшись на холод, не пошла туда и попросила у именинника разрешения покурить на кухне. «Я покурю в окно, заодно и проветрю».

Судя по всему, Женька не мог ей отказать. Она взяла пачку со стола, встала и прошла мимо меня в сторону кухни.

– погоди, я с тобой... – сказал я, чуть не схватив её за руку.

В её удивлённом взгляде я сразу же прочёл: «Ты ж не куришь?!», но она промолчала, чтобы не выказать нашего знакомства.

Мы вошли в кухню, не включив свет. В комнате было не слишком темно. Она сразу прошла к подоконнику, а я встал, опершись о какую-то тумбочку.

Положив пачку на подоконник, она села на него, прижавшись спиной к раме. Застегнула змейку свитера почти под горло. Потом поочередно втянула кисти рук в рукава, прижав их четырьмя пальцами, и, соединив кулачки, зажала их между колен.

Всё это она проделывала с раздражённой серьёзностью на лице, совершенно не обращая на меня внимания. И только закончив необходимые приготовления, произнесла:

– Привет...

– Привет.

– Как дела?.. Как учёба? – тихо спросила она, глядя куда-то мимо меня.

Думаю, я не единственный, кто терпеть не может подобные вопросы. Но в данной ситуации стоило признать их уместность.

– Живу... Учусь потихоньку, – промямлил я в ответ. – А ты?

– Да так же. Вот недавно на работу устроилась.

– А... Поздравляю!

– Спасибо...

– Кем? Сколько получаешь?

– Менеджером. Да... я ещё только на испытательном сроке, потому мало.

– Ясно.

Она вспомнила о пачке и достала оттуда сигарету.

– Будешь?! – спросила она у меня, протянув открытую пачку в руке.

– Да, – ответил я, одной рукой пытаюсь достать сигарету.

Мы оба не курили и прекрасно знали это. А потому больше не бросали удивлённых взглядов.

Почему-то с первого раза у меня ничего не получилось, и я решил придержать пачку своей левой рукой. Но как только я попытался занести руку за пачку, она моментально опустила кисть вниз и мизинцем подтолкнула её вверх. Я понял, в чём дело, и поднял на неё глаза. Она смотрела на меня в упор, глаза горели, но она не произнесла ни слова. Я достал сигарету. Она положила пачку обратно и протянула мне зажигалку, держа её за край двумя пальцами. Усмехнувшись, я взял её точно так же и подкурил сигарету.

Выдохнув дым, я спокойно произнёс:

– Любишь его? Только честно.

– Да так... – спокойно ответила она и затянулась.

Было видно, что она не собирает-ся ни извиняться, ни, тем более, каяться. Да я и не требовал этого.

– Какого-то особого романтического чувства нет, но с ним... надёжно, – продолжила она.

Вспомнив картинку пятиминутной давности, я позволил себе уронить смешок в его адрес.

– Нет, правда, – бросилась она его защищать. – Ты не смотри, что он сегодня такой. Это его Лёха сюда притащил, ну а он меня взял с собой. Ему просто стыдно не пить, когда Лёха наливает, да здесь ещё пацанов много. А так он, правда, хороший. Ну, се-

годня можно. Всё-таки завтра воскресенье, на работу не надо. Да ещё и День Влюблённых отмечаем, хоть и с опозданием...

– День любви... – без любви. Каламбур какой-то получается! – вполголоса проговорил я.

– Что?! – звонко переспросила она, не расслышав моей жалобы.

– Да так, не важно...

– Твоё любимое слово «не важно», – с улыбкой произнесла она, задушив в пепельнице недокуренную и до половины сигарету, – помню, ты его часто произносил. Что ж для тебя важно?!

– Любовь, – тихо произнёс я. – А вы с ним давно?

– Да, – ответила она, – с июля ещё.

«С июля», – пролетело у меня в голове. Она была знакома с ним с июля!!! И ничего об этом мне не говорила. Да, я почувствовал в ней тогда перемену... На что я рассчитывал?! Идиот! Понапридумывал себе...

– О как! – живо произнёс я. – У вас серьёзно?

– Серьёзно, – передразнила она меня. – Что для тебя значит «серьёзно»? Мы с ним встречаемся, нечасто, правда, живём пока отдельно. Он и учится, и работает. Я работаю. Конечно, серьёзно!

– Замуж пойдёшь? – сказал я, не желая давать один и тот же ответ на разные вопросы.

– Пока нет... Мы ещё об этом не думали. Может, где-то года через два-три. Пока не до этого. Работать надо. Понимаешь... – каким-то нежным тоном произнесла она, закинув ногу за ногу, – любовь, она со временем перерастает в привычку, что ли. Ты просто понимаешь, что этот человек тот, кто тебе нужен. Что он будет заботиться о тебе и о вашей семье, решать материальные трудности. И ты, естественно, должна этому соответствовать, поддерживать его. Нет, конечно, нежность и ласка остаются. Без них никуда – это же не товарно-денежный обмен! Просто всё становится более серьёзно... И отношения между друг другом, и понимание...

Дальнейших её рассуждений я почти не слышал. «Привычка?!» – звучало внутри пронзительной нотой. Привычка?! Мне безумно захотелось взять её за плечи и энергично потрясти, так, как трясут спящих на ходу или пьяных. После чего схватить двумя руками её ладони и осыпать их поцелуями. Напомнить ей её же улыбки, шуточки и глупости. Счастье, лёгкость, любовь в её глазах!..

– ...Ты когда-нибудь это поймёшь, с возрастом, – закончила она.

Я даже не стал возражать по поводу неожиданного появившейся причины нашего разногласия. Меньше года назад о возрасте никто и не вспоминал. Меня задело другое: как такие «соглашения» регистрируются на небесах?! Ведь это же и есть брак по расчёту! Вроде подходит, с обязанностями справляется – чем не супруг?!

Как только я вспомнил о «супруге», он был уже лёгок на помине. И стоял, пошатываясь на пороге, так и не убрав руку с выключателя после того, как включил свет. Сцены ревности, к моей радости, не получились. Расстояние между нами было небольшим. Она соскочила с подоконника и, подойдя к открывшему рот ревнивцу, тут же развеяла все его сомнения, закинув обе руки ему за шею и поцеловав взасос.

Я опустил в пепельницу истлевший почти до фильтра окуроч. И не обронив ни слова, вышел из кухни. Когда я появился в зале, меня никто ни о чём не спросил. Самые скромные, вдохновлённые моим примером, разошлись по комнатам. Остальные решили даже не покидать стола...

Не садясь за стол, я нашёл пустую стопку, налил её почти до краёв перцовкой и, не дожидаясь всеобщего внимания, произнёс тост:

– Ну, за то, что нас согревает... За Любовь!

После чего энергично опрокинул содержимое в рот и закусил ломтиком ветчины.

Вежливо со всеми попрощавшись, я зачем-то стрельнул у кого-то сигарету и, не требуя провожающих, вышел вон.

* * *

...Уже через пару минут я шёл по улице, содрогаясь от холодного ветра. Гнев не согревал нисколько... даже ещё сильнее выхолаживал. Чтобы как-то согреться, я достал сигарету и закурил. Первая глубокая затяжка превратила папиросную бумагу в небольшое пепельное колечко. Мне не хотелось его стряхивать. Спрятав сигарету под четырьмя пальцами руки, я продолжал путь, слегка убыстряя шаг. Через несколько секунд колечко превратилось в небольшой цилиндр, и я с улыбкой заметил, что совсем чуть-чуть осталось до середины сигареты. В голове тут же всплыло детское воспоминание, поучающий голос друга: «Если докурить сигарету до середины, не уронив пепел, то можно загадать желание, а потом стряхнуть пепел». Теперь мне почему-то необычайно сильно захотелось

воспроизвести эту детскую шалость и загадать желание. Я в очередной раз предпринял попытку не злиться и всем всё простить.

Ветер дул нещадно, холодная дрожь с пунктуальной периодичностью пробегала по всему телу. Ужасно хотелось теплоты... Подняв голову, бережно прикрыв левой рукой сигарету, я сделал очередную глубокую затяжку, проговорив про себя своё заветное: «Любить... и быть любимым...» Но неожиданно резкий порыв ветра из-за спины нещадно сдул хрупкий пепельный цилиндр, предательски лишив меня последней радости...

Звучно чертыхнувшись, я резко отбросил от лица правую руку. Очередной порыв чуть было совсем не затушил сигарету. По телу снова пробежала холодная дрожь. В отчаянной попытке согреться я вставил сигарету в зубы и, раздражённо, двумя руками, подняв упавший от ветра воротник пальто. Правда, теплее мне так и не стало...

18–28.02.2007 г.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕК ИСКУССТВА»

Павел Пусеп «Тонкости отношений мужчины и женщины»

Анатомически женщины и мужчины устроены совсем по-разному, однако прекрасно подходят друг для друга. Мало того, все от этой разницы получают удовольствие!
(Павел Пусеп)

Пусеп, Павел Викторович
Тонкости отношений мужчины и женщины: [Приложение к журналу «МОСТ»] / П.В. Пусеп. – СПб.: Век искусства, 2008. – 128 с. ISSN 1991-7023.

По вопросам приобретения пишите: lado_d@mail.ru.
Или звоните: 8905-255-29-11, 8911-969-21-62 (Санкт-Петербург).

Елена Яковенко

Новороссийск

26.08.2009 г.

Хочу к тебе!

Уходит день и наступает ночь,
Вновь в темноте шепчу своё я имя.
И не могу прогнать, увы, я прочь
Мечты о днях, что были б лишь твоими.

Припев:

Хочу к тебе в полночной тишине,
Хочу к тебе, пусть только на мгновенье.
Хочу к тебе, ведь ты так нужен мне!
Но ты со мной опять лишь в сновиденьях...

В душе печаль и слёзы на щеках,
В конце концов, засну, чтоб ты приснился.
Разбудит боль в искусанных губах
Сквозь странный сон, где ты не появился.

Припев:

Хочу к тебе в полночной тишине,
Хочу к тебе, пусть только на мгновенье.
Хочу к тебе, ведь ты так нужен мне!
Но ты со мной опять лишь в сновиденьях...

Что за судьба свела меня с тобой,
Но почему-то вместе не связала?
Ты мог бы быть любимым для другой,
А я б тогда тоски своей не знала.
Ты мог бы быть любимым для другой,
И я б тогда тебя и не узнала...

Припев:

Хочу к тебе в полночной тишине,
Хочу к тебе, пусть только на мгновенье.
Хочу к тебе, ведь ты так нужен мне!
Но ты со мной опять лишь в сновиденьях...

Стас Быков

Нижний Новгород

Что я люблю

Бокал французского вина.
Неяркий свет, её дыханье,
Когда с небес спустилась, наконец, она.
Влюблённый взгляд – само признание.

Когда негромкий разговор
О тонкостях брэнного мира.
И белый снег неспешно за окном.
И снова посетила Лира.

2006

Кажется

С какого боку подойти,
Чтоб меня заметила.
Чтоб, коснувшись, не уйти.
В сердце чтоб отметила.

Будешь думать обо мне
И не спать ночами,
И вставая при луне,
И с первыми лучами!

А с утра лететь во сне,
Предвкушая встречу.
Только кажется всё мне
В одинокий вечер.

2006

* * *

Душа чего-то ждёт и просит...
Она безделья не выносит!
Стремится унести туда,
Где водопадами вода!

Где бушует пламя страсти!
Туда, где поселилось счастье.
И, пролетев полмира в поиске любви,
В трёх шагах мечты свои

Вдруг обрела.
С небес сошла.
И поняла...
Оно! Нашла!

Май 2008

Илья Гутковский

Тула

Псалмы разлитого полдня

Чувствуешь, как пахнет весна,
Как спелые розы в твоих волосах
Запутались лаской ручьёв,
Как ненасытна их красота
Простоты гениальной природы
До преклоненья к тебе,
И твоей погоде
Солнечных писем апреля,
Как они верят
Твоим глазам, остывшим в грусти священной...
И весны ощущение
Спускается в твои объятия,
Как оно кстати
К твоей улыбке, пронизанной далью,
Красочной далью сердца...
Знали бы,
Знали бы только руки, нежность твоей любви,
Спасение от пустоты и бегства, запах свободы,
Пламенной вестью
Сгорели б тогда уста,
Что поют о тебе псалмы
Разлитого полдня.

Легенды

Нервный треск хвороста.
Запах сочного мяса
собирает волчьи тени
связкой тревоги.

У костра новые гости,
ветром лесных трущоб
вливаются в пение
ночи.

Доспехи чёрного неба
укрывают таинство тихих легенд,
рассказанных странниками.

Раненная
луна
плавится в ленной
утробе призрачных глаз.

Проходи к огню, садись,
кто бы ты не был,
отшельник багряных дорог.

Звон
родников.
Экстаз
шамана.
Свист
разбойничьих шаек
поодаль.

Вздохи
могучих дубов
охраняют сон.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕК ИСКУССТВА»

«Любви чарующие звуки», сборник любовной лирики поэтов-современников

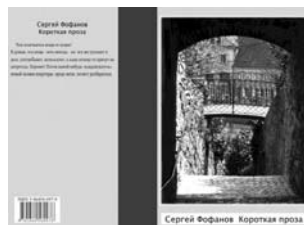
Сборник «Любви чарующие звуки» содержит более 200 произведений поэтов наших дней. Книга наполнена признаниями, эротическими и шуточными стихами, немного затронуты темы безответной любви и любви на расстоянии.

*Красивое и стильное оформление, 210 страниц.
Заказ сборника: lado_d@mail.ru (Диана Доронина).
Цена с пересылкой: 150 рублей.*

Сергей Фофанов «Короткая проза»

Это книга коротких интересных рассказов о любви и о времени. С. Фофанов – правнук знаменитого поэта начала XX в. Константина Фофанова. Текст изготовлен в лучших традициях русской литературы.

Фофанов, Сергей Николаевич
Короткая проза: [Рассказы] – СПб.: Век искусства; Нива, 2007. – 31 с.
Заказ сборника: lado_d@mail.ru (Диана Доронина).

Ольга Орлова

Великий Новгород

Интернет-страница на «Стихи.ру»:
<http://stihi.ru/avtor/olor53> (Птица Белая).

Бессонница

Раскрасавица,
Собутыльница,
Мне б преставиться,
В вечность вклиниться
Иль забыться хоть
До будильничка –
Ты ж тревожишь плоть
Мне напильничком.

Уж который раз
Маюсь-кликаю.
Может, чёрный сглаз
Повиликою
Сон опутал мой,
Соки высосал?
Ночь – густая смоль,
Звёзды высятся.

Разметала я
Косы русые.
Воды талые,
Дни кургузые –
Всё в оскомину.
Ты же – ясно мне –
Зло исконное,
Неотвязное.

Пушистое

Где-то там, за-под рёбрами, в выемку
Мне закралось пушистое, тёплое.
Так я с ним по просёлкам и топаю,
Поминая весну, словно выдумку –

Неразумную, буйную, грешную,
Утопающую в вакханалии...
Но теперь мне милее реалии,
Что блестят позолотой небрежною.

Ямы-рытвины пройдены (поняты ль?),
Холодком навечерним отмечены,
Но вдвоём путь, не дальний уж, легче нам.
Как доверчивы глаз твоих омуты.

Бережёных схоронят молитвами,
Мне – лишь чувство осеннее, истое.
Я его, как котёнка пушистого,
Берегу, и ты тоже – не вытрави.

Сорвать печать

Мне б сорвать печать –
Эту пломбу постылую мыслей,
Зацикленность на пустом, бесполезном, но,
Чтобы закричать, –
Вдоха не достаёт, и обвисли
Лёгкие, будто крылья. Так посредственно
Всё, что несёт,
Выплёскивает в общий фон стонов
Голос истерзанного моего духа.
Разве повезёт –
И средь, казалось, хлама простого
Сыщется достойное Его слуха.

В песочнице

Закрасив рыжим пёрышки седин,
Дров наломав и повязав в вязанки,
В песочнице на корточках сидим,
Пристраивая башенки на замки.
И каждый знает: возятся в песке
Не скептики, ханжи или невежды,
А те, кто верят в чудеса, и с кем
Легко гулять по радуге надежды.

Писаная торба

Остывший чай глотаю машинально,
В ладонях перекаत्याю трубку.
А нервов струны так тонки и хрупки –
Их рвут гудки, вгрызаясь атонально
В хитросплетение моих сомнений,
Надежд и просто оступевшей скорби.
Я телефона писаную торбой
Опять дразню всенощные мигрени.

Раба своей неразделённой блажи,
Поверившая в подлинность иллюзий,
Смогу ли жить с реальностью в союзе?
А может, и счастливой стану даже?
Но как же трудно лучшей из утопий
Вдруг отказать, переборов привычку,
Швырнуть не глядя трубку-истеричку
И не носиться с писаную торбой!

На полпути к нечаянной свободе,
Спустя три дня как запылелась трубка,
Три литра коньяка и три зарубки
На косяке дверном – как раз к субботе

Мне улыбнулось солнце из-за тучки, –
Но я в него всмотрюсь вначале строго,
Чтоб писаную торбу ненароком
Не обменять на чемодан без ручки.

Юдоль

Гей ты, юдоль моя, хрупкий мимозный век!
Тщетный труд – умолять музыку... Ушла под снег.
Холод скукожил дум нежных, певучих лёт.
Лягу и подожду – к сроку изыдет лёд.

К стылой припав плите, тихо скулю, дрожа.
Медленно тает день. День Не В Раю. Гроша
Ломаного не дам в торге за эти дни.
Разве по их следам выберусь, псу сродни.

Гулких кошмаров плен тоже имеет край.
Ссыпан с подола тлен. Право, не собирай!
Горстью пустой трухи ты не воздвигнешь храм.
Время – свои грехи вверить семи ветрам.

Жадно вгрызаюсь – суть хвори своей понять
Жажду. Как зверь в лесу диком, плутаю. Вспяту
Не повернуть поток, и остаётся лишь
Верить, что потолок мой далеко... Шалишь!

Я ещё жару дам, порох в запасе есть.
Сдастся мне строф руда, будет её не счесть...
Ну а покамест мне холода полотно
Не отвести – весне брошу я клич в окно.

Пекло

Я, в тебе сгорев,
Засыпаю чужие глазницы
Пеплом
С перьев птицы,
Вьющей среди голых древ
Гнёзда вдовицам.
Юное страстное тело
Твоей одалиски –
В пеплум,
Из горечи сотканный...
Осиротело
Будням веду счёт,
Седмицами ль?
Сотками!
Новое утро в оконце.
Взгляд василиска,
Украденный встречными лицами.
Ты – пекло!
Кто тебя Солнцем
Наречёт,
Подойдя так же близко?

Галина Ратневская

Чернигов, Украина

Галина Ратневская (Козина). Родилась в России, в Приморском крае, школу окончила в г.Запорожье, потом – ХАИ, радиоинженер. Люблю ходить в лес по грибы и разводить цветы.

* * *

Какая странная зима...
Дожди сменяют снегопады,
Бурлящий грязевой поток
Сметает девственность нарядов.

Какая странная любовь...
Как птица – в клетке умирает,
Я возвращу её тебе!
Открыта дверь – не улетает...

Какая странная судьба...
Меня не баловала слишком,
И даже бесполезный дар
В итоге не казался лишним...

Опутан странностями мир,
Закономерности – не ясны...
Искать неявный, тайный смысл,
По меньшей мере, труд напрасный!

Романс

Холодной ночью, бесконечно-зимней,
Зажгу свечу, поставлю у окна,
Рождественской звездой на небосклоне синем
Бредущему во тьме укажет путь она.

Идя ко мне, чтоб не прошёл ты мимо,
Любя меня, чтоб не зашёл к другой,
А трепетным огнём моей свечи манимый,
Не сбился, не замёрз, в душе обрёл покой!

А дальше что? Да ладно, будь что будет...
Согреет огонёк иль сердце обожжёт...
Ещё не выбрал Случай карты наших судеб.
Ах, если б каждый знал, что дальше его ждёт!

Зовя меня, чтоб не позвал другую,
Найдя меня – не потерял в толпе,
И каждый вечер свечи жгу я,
Чтоб показался лёгким путь тебе...

Красная варежка

Зима...
Ночь года в серо-бело-чёрном...
Круженье
Ветра, снега, сожаленья...
И на снегу
Упавшей варежки пятно,
Как символ
Будущего возрожденья...

* * *

Решала уравнение любви...
Вот мой ответ, согласно данным:
Не так уж важно быть свободным,
Куда важнее – быть желанным!

* * *

Уходит Старый год, идёт навстречу Новый,
Уже заложено природы возрожденье.
У всех, кто в жизни есть моей,
Я попрошу в канун прощенья.

Простите те, кого могла услышать,
Но не хотела, говоря: потом, потом...
И те, кому не всё сказать успела
И крикнуть громко, а не шепотком.
Простите те, чей дар не принимала,
С опаской думая: а что же дать взамен?
Простите те, кому всё в дар давала,
И в мыслях не было про мелочный обмен.
Простите те, кто ждал меня и верил,
А я рассеянно внимала, с холодком.
Простите те, кому я доверялась,
Кому открыла душу целиком...

И верю я, что завтра Бог родится,
И я шагну с душою обновлённой,
С собою в мире, всех простившей
И, так хотелось бы, прощённой...

* * *

Как Инь и Ян с тобою неразрывны мы,
Как белое и чёрное – несовместимы,
Как лики Януса смотреть обречены
По-разному, но всё же – мы едины!

Весна

Весна по Полесью бредёт неохотно.
Ну где разгуляться? Леса да болота...

И точки-тире в небесах расставляя,
На Север гусей возвращается стая.

Нам пишут на небе азбукой Морзе,
Что дома тепло, несмотря на морозы.

А аисты раньше ещё прилетели,
Лишь только умолкли цепные метели.

Вот голуби, луже со льдинкой на зависть
Целуются в парке, совсем не стесняясь.

Любимый, помилуй, весна уж в дороге!
И я ожидаю тебя на пороге...

Ты хочешь обратно? Ко мне возвратиться...
Пора на крыло, Перелётная птица!

Радуга

Прошла гроза, легко смывая
Сугробы пуха тополей.
И радуги дуга тугая
Раскинулась среди полей.
Вот красный цвет –
В нём вкус клубники,
Багряной розы аромат,
Волшебной ночи страсти звуки
И ревности кровавый яд.
Оранжевый теплом согреет,
Он, как касанье милых губ,
Напомнит нежности мгновенья,
Что где-то в сердце берегут.
У жёлтого – вкус абрикоса,
Детишек наших звонкий смех,
Шуршат, опавши, листья клёна,
В делах удача и успех.
В зелёном цвете запах сена,
Кислинка яблока зимой,
Надежда, что любовь и счастье
Всегда останутся с тобой.
За дальней высью, рядом с небом,
В стране несбыточной мечты,
Лазоревым лаская цветом,
Растут хрустальные цветы.
За синим цветом – запах моря,
Мужская сильная рука,
Уверенность, что боль и горе
Не нанесут визит пока.
Фиалки цвет. Пятно чернила
На светлой повести любви.
Унынья тень весь мир накрыла,
Прощанья вежа на пути.
Представить трудно мир бесцветным!
Взял в руку кисть? Теперь держись!
Смешав все краски воедино,
Получишь СВЕТ, а прощяе – жизнь!

Ожиданье

Наверно, из всего события
Всегда прекрасно ожиданье –
Такая вяжущая сладость,
Как от конфеты за щекой!
Ещё не видно самой встречи
И трудно предсказать прощанье,
А предвкушение шампанским
Подхватит вас волной хмельной.

И в нетерпении неспешном,
Не как борзые перед гонкой,
А как в томленьи перед дверью,
Когда ты ждёшь рассветный час,
Вчера встречается с сегодня,
Нам не увидеть грани тонкой!
Как под рождественскою елью
Подарок каждому из нас.

В жизни нашей всегда, повсеместно
Есть сюжет для классической драмы –
То встречаемся как-то не с теми,
То находимся где-то не там мы.
За окном то ли дождь, то ли ветер
Барабанит в оконные рамы.
Я могла бы соврать: всё отлично!
Но болят чуть зажившие шрамы.
И уйду от себя я хромая
В мир иллюзий зализывать раны.
Жаль, что я поняла слишком поздно,
Что мы встретились слишком рано.

Фантазии

От ёлочки иголочка –
Зелёный лесок,
Коричневая щепочка –
Тонюсенький мосток.
Платочек кину – озеро,
Из камешка – скала,
Отсюда я увижу
Тебя, кого ждала.
Слеплю из теста домик,
По краю узкий фриз,
А у причала лодочку
Качает лёгкий бриз.
Глаза закрою – вижу
Страну своей мечты.
Осталась одна мелочь –
Ах, милый, где же ты?..

Фотографии Галины Ратневской

Школьная задача

Из пункта А до пункта Б
(Смешная школьная задача)
Бежит, не замыкая круг,
Неуловимая удача.
Из пункта А до пункта Б
Дорога вьётся, всё петляя,
Пересекая старый след
И новых троп не замечая.
Из пункта А до пункта Б...
Там все известны остановки:
МЕЧТА, НАДЕЖДА, БРАК, ЛЮБОВЬ,
СЛЕЗА, ВОСТОРГ, УСПЕХ, РАЗМОЛВКИ...
Казалось – вот удача, здесь!
Быстрее! Немного! Ну, чуть-чуть...
У указателя «СОМНЕНИЕ»
Пока окончился мой путь...

Маятник

Я мечтала быть счастливой,
Сладко грезя в тишине,
Что умчит из серых будней
Принц на быстром скакуне.

Я хотела быть счастливой,
Но сомнение – страшный зверь,
Червячком решимость точит...
Может, завтра, не теперь?

Я готова быть счастливой!
Долго ждал... Скорей зови!
Ты ж теперь в сомненьях медлишь,
Хоть и шепчешь о любви...

Триптих

ЧТО НЕ ОТДАШЬ, ТО НЕ ВЕРНѢТСЯ.
Нас отпустив в Паталы тьмы,
Назавтра вновь приходит солнце.

НЕ ПОТЕРЯЕШЬ – НЕ НАЙДѢШЬ.
Признанья мелом на асфальте
Смывает первый летний дождь.

НЕ ПОЗОВѢШЬ – НЕ ОТЗОВѢТСЯ.
И в яркий день увидишь ты
Свою звезду в воде колодца.

Лада Григорьева

Санкт-Петербург

Личная вера Льва Толстого

«В призыве Толстого, – писала Цветаева, – важны уста. Звучи он не с такой головокружительной художественной высоты; призывай нас (другой) – мы бы и головы не обернули». Причину она указывает тоже: обольщение искусством. Именно обольщение.

О Толстом, как ни о ком другом, можно прочитать буквально взаимоисключающие оценки: и «зеркало русской революции», и выразитель сатанистской масонской доктрины, и величайший правдолюб, богоискатель, и даже – едва ли не святой. В православных изданиях писателя называют иногда протестантом. На первый взгляд, это действительно так. Толстой отвергал священство, культ Богородицы, святых, монашество. Убеждённый, что спасёт только личная вера, без посредников, он серьёзнейшим образом изучал Библию. Но не стоит спешить с выводами. В «Исповеди» Толстой писал: «Дьявол искушает (христиан) тем, что еретиками считают всех, не исповедывающих с ними одну веру. (Существует) презрительное, самоуверенное, непоколебимое отрицание православными католиков и протестантов, католиками православных и протестантов, протестантами католиков и православных... И враждебность усиливается по мере большего знания вероучения». «Следовательно, – размышлял Толстой, – вероучения разрушают единение в любви». Противопоставив себя христианским концессиям, Толстой дерзнул создать новую религию. «Ночью я слышал голос, – заметил Лев Николаевич в дневнике, – голос говорил: «Настало время». Оригинальность веры Толстого в том, что он соединил множество уже существующих идей. Например, непротivление злу насильем утверждала секта моравских братьев, буддийскую идею о переселении душ развил Шопенгауэр, безбрачие проповедовали во многих философских школах. То есть, как верно отметила Цветаева, если бы то же самое начал высказывать обычный человек, то и «голова бы не обернула», но это была речь гения. Речь, обладающая властью над умами, способная увлечь и обольстить.

Главное, что отличало его последователей – «толстовцев», ненависть к христианам. Они пытались создать рай на земле, отрицая спасение души и воскресение мёртвых. Роль Христа определялась Толстым коротко: «Христос просто сформулировал то, к чему и так шло человечество».

Из дневника писателя: «9 марта 1890 года. Занимался разделыванием божественности».

Своей родственнице Александре Андреевне он заявил: «Я горжусь тем, что только я один приблизился к правде».

Несмотря на то, что Толстой призывал не противиться злу, сам он, считая христианство заблуждением, активно боролся с ним. Свой роман «1805 год» Толстой переименовал, познакомившись с трудом Прудона «Война и мир», где ясно обозначено, о какой войне речь. «Чем человек обязан Богу? Войной», – вот главная мысль Прудона. Толстой был в восторге от его книги.

Постичь мировоззрение Толстого христианину сложно. Тем, кого укрывает неизречённая любовь Христа, даже не предположить, что может испытывать человек, живущий только рассудком. По наблюдению Цвейга, тоже неверующего, Толстой узрел Ничто. «Не станет легче, если эту мрачную тоску назовёшь Богом, не станет легче, если заклеишь эту чёрную трещину листиками из Евангелия... тьма проникает... холод не отогреть».

Обезбоженное сознание приводит к бессмысленности жизни.

Цвейг покончил с собой. Пытался резать себя Фет – единомышленник и друг Толстого. Но на пороге самоубийства Фет вдруг с ужасом завопил: «Вижу». И умер от разрыва сердца.

Толстой сумел не только выдержать это созерцание Пустоты, но и описать своё состояние: «Тоска, тоска, такая душевная тоска, какая бывает перед рвотой... Ужас красный, белый, квадратный... Ни капли доброты... А только злоба на себя и на то, что меня сделало».

Бегство Толстого перед смертью в Оптину Пустынь останется загадкой. Нет, он не вошёл к старцам, хотя постоял у обители. Толстой отправился к сестре-монахине. Вечером он, растроганный встречей, решил остаться у неё навсегда. Но утром сестра застала Льва Николаевича готовым к отъезду, за ним приехала дочь. На вопрос: «Лёвушка, ты куда?» несчастный старик коротко ответил: «Поздно». Это «поздно» стоит самой проникновенной проповеди о невозможности жизни без Христа. Леденящее «поздно», когда душа уже видит свой путь, а земные дела исчерпаны.

Об этой трагедии самообольщения умных, талантливых людей сказано в Писании: «Путь к познанию Бога и Его тайны ведёт не через образованный или гениальный ум, а через чистоту сердца» (Мф. 5, 8).

В 20-м томе читайте статью Лады Григорьевой «Как возник русский язык?».

Ждём Ваших отзывов.

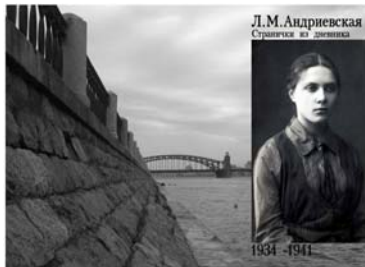
Рубрика «Литературоведение. Угол зрения» нуждается в Ваших филологических исследованиях, статьях и заметках о развитии русского языка, очерках по истории русской и зарубежной литературы. Это наша территория дискуссий. Публикации без авторских взносов. Тексты присылайте в редакцию по адресу: lado_d@mail.ru.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕК ИСКУССТВА»

Л.М. Андриевская «Странички из дневника»

Внимание всех, кто интересуется творчеством Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Александра Блока, культурой периода 1900-1940-хх гг.! Вышла книга воспоминаний Лидии Андриевской: дневниковые записи, которые открывают неизвестные странички в истории литературы и ленинградской блокады. Также в книге опубликованы стихотворения Л.М. Андриевской.

Андриевская, Лидия Михайловна
Странички из дневника. 1934-1941: [Текст]. – СПб: Век Искусства; Нива, 2006. – 95 с.: ил.

По вопросам приобретения обращайтесь в редакцию: e-vi@list.ru, lado_d@mail.ru.

Виктория Комаренко

Красноярск

Быстротечность

Ах, детство милое – лишь миг!
Лишь миг, и след на фотоплёнке,
Вот ты, малыш, лежишь в пелёнке,
А тут уж головой поник.

Как быстротечна жизнь, увя!
И юности шальные годы,
Моменты силы и свободы!
Но вдруг к тебе уже на «вы».

И мы всю жизнь мосты наводим,
То в прошлое, то в настоящем.
И шагом лёгким и скользящим
По ним отчаянно проходим.

Кукольный театр

Мой облик терпит изменения
В театре кукольном подчас.
На диво и на изумление,
Для зрячих и незрячих глаз.

На что тряпьё? Оно порвётся!
И обнажит натуру, плоть.
У каждого грешок найдётся,
Потонет вдруг иллюзий плот...

Порой так душно, задыхаюсь...
Что не сказать и пары слов.
Вся, словно провод, накаляюсь,
Крича беззвучностью шагов.

Лишь небу не нужны одежды,
Оно манит к себе, манит...
Для знающего и невежды
В нём есть особенный магнит.

Стихотворение Виктории Комаренко «Бесконечность» участвовало в конкурсе «МОСТЫ СОЕДИНЯЮТ». О результатах конкурса читайте в рубрике «СтихиЯ-ПЕТЕРБУРГ».

Юрий Соколов

Калининград

Мечтатель

Лёжа в своей кровати, нежась после завершения сонных видений, когда сознание ещё во власти Морфея, а мозг пытается запомнить события, которые только что приснились, глаза всё ещё слипаются, хочется снова зацепиться за сон, оттянуть момент полного пробуждения с его неизбежными последствиями реальности.

Наверное, где-то есть люди, для которых действительность их проживания гораздо привлекательнее снов. И они, как голливудские герои или красивые командиры, считают сон вынужденной тратой времени, чтобы проснуться – и снова в бой. Сергей Жданов не был таким. Более того, он не думал, что таких устремлённых куда-то персон на свете большинство. И уж, во всяком случае, не он. Сергей любил понежиться после сна. Лежать с закрытыми глазами и мечтать. Это намного лучше, чем, проснувшись в три часа ночи, таращиться в телевизор или считать баранов в попытке уснуть. Стресс не создаёт прелюдии сладких мечтаний. Только после полноценного сна, находясь в расслабленном состоянии, получаешь удовольствие от приходящих в голову нереальностей, которые могли бы сделать твою реальность счастливее. А действительность – это советское конструкторское бюро, переросшее со временем в общество с ограниченной ответственностью. Когда-то они создавали приборы, помогающие контролировать тралы относительно косяков рыбы в море при лове океанскими судами. А сейчас искали заказы, чтобы реализовать их, используя накопленную базу личных знаний и опыта, а также слабые технические мощности своей лаборатории. Конечно, москвичам не понять, как можно выжить на такие деньги, но жизнь продолжалась, насмехаясь над постулатами нуворишей. Люди жили, скорее, наперекор судьбе, загнавшей волею верхних сил большинство населения в нищету. О чём может мечтать человек в пятьдесят лет? Чтобы дети были счастливы, реализовали свои возможности в обществе, опираясь на свои права и желательно законным путём. Что до него самого, то дом всё равно не построить, новый «Лексус» не купить, а разменивать свои мечты на мелочи уже не хотелось. Жданов любил мечтать о вечности и глобальных, по его личному убеждению, темах, поразмышлять о грядущей судьбе всего человечества.

Что главное в жизни человека – счастье и здоровье. Что способствует этому – любовь и богатство. Простые вопросы, такие же ответы. Что есть самое страшное для человека – забвение после его ухода. Забвение того, что он жил, творил, существовал. Конечно, в том случае, если речь идёт о действительных цивилизованных человеческих ценностях, а не как в Африке, – зарыли в землю, поставили колышек с номером, и всё. Никто и не вспомнит, кто это был, что он делал, как он жил. Ну, это крайний случай, потому, что жизнь в Африке действительно не есть ценность, условия не позволяют людям считать себя даром божьим, так, трава без уважения, без будущего, трущобная нищета.

Что погубит людей, вернее, что станет причиной их массового вымирания? Не деятельность человека, инстинкт сработает. Стихия? Да, стихия огня. По крайней мере, так об этом говорят все существующие в наше время легенды и мифы. Что есть нерукотворная стихия огня? Солнце. Стало быть, солнце уничтожит человечество. Когда? Неизвестно. Дай бог, чтобы попозже. Чем располагает современная наука? В лучшем случае тысячелетними наблюдения-

ми и мифами, в которые толком никто не верит, ненаучно. Поэтому у науки нет достаточных данных, чтобы вычислить действительную дату страшного выброса энергии светила, которое преодолет земную оболочку и выжжет всё и вся. В религии – это день страшного суда. Мы располагаем сейчас лишь косвенными признаками приближения этой даты – таяние полярных шапок и глобальное потепление. Впрочем, если Землю затопит раньше солнечного удара, то человечеству легче от этого не станет. Вопрос в другом. Успеем ли мы, земляне, сообщить о нашем существовании во вселенную? И сумеют ли населяющие дальний космос разумные существа оценить культуру землян? Не суждена ли человечеству судьба космического забвения? И все наши достижения – научные, художественные, литературные окажутся просто пустотой в пространстве будущего. Никто и не узнает о существовании землян, так же, как и мы не знаем о существовании других цивилизаций во вселенной. Тогда чего стоят все созданные людьми шедевры, какова их реальная ценность, если впереди молчаливое космическое забвение? Человеческий самообман. Наверное, если бы люди на земле объединились ради общей цели – не пропасть в будущем, то можно было бы найти решение избежать неминуемой пустоты. Но дикари точат копыя и думают о наживе. У них действительно нет будущего. А все их творения – лишь временная усадка нескольких поколений. Забвение неизбежно. Это не радовало Жданова. И он мечтал, что уже скоро люди опомнятся, очнутся от дурмана быта и задумаются о своём глобальном будущем, как и он. Не он же один на земле, кого подобные вопросы интересуют.

Однако существовала и другая мечта, появившаяся внезапно совсем недавно. Происки британцев, широко расписанные в прессе, достали обывателя. Надо покончить с заразой, причём современными методами, исключив полоний. Надо выдумать

какой-нибудь антибританский вирус. Да, вирус, который если не устранил англосаксов физически, то уничтожит их антироссийское мышление. Представьте, какая благодать наступила бы в этом случае. Ну и что, пусть Австралию заселят китайцы, всё лучше, чем они полезут в нашу Сибирь. Зато в Америке остались бы только выходцы из действительно свободолюбивых стран. Меньше бы стало неприкрытого цинизма в отношениях между людьми и странами. И чем больше Сергей мечтал об этом, тем навязчивее эта мечта становилась. Эх, если бы он мог. Иногда он мечтал об этом даже во время вечернего чаепития, сидя в своей крохотной кухоньке, не обращая внимания на мельтешащий телевизор, каким-то способом уместившийся над холодильником. Ведь если прислушаться к ящику, то во всех неудачах России в последнее время, да и исторически, всегда виновата Британия. Просто беда с англосаксами. Хорошо, что хоть в футбол у них выиграли. Вот уже и десять, стемнело. Жены до сих пор нет. Кто в этом виноват? Как ни крути, антибританский порошок или жидкость для распыления просто необходимы. Кстат и похов в мире сразу станет меньше. О чём пишет островная пресса с атлантической окраины материка? Какой-то наш продал бритту советскую карту вторжения в Манчестер. Почему не в Ливерпуль, Бирмингем или Лондон? Наверняка ведь и такие карты были у продавца. Но, видимо, лох из Альбиона выложил такую сумму, что продажа карт других городов вызвала бы подозрение. Ну, разве такое могло бы случиться, скажем, с нормальными французами или итальянцами? А бесноватые островные лохи готовы на всё ради сотворения антирусской сенсации из-за своего русофобского мышления и природной спеси.

К сожалению, действительность не даёт поводов для надежды, но мечтать о лучшем необходимо. Мечты – это то, что не запрещено, что не карается законом на современном

этапе развития человеческого общества. Кто знает, что будет в уже недалёком будущем? Может статься, что мечтатели будут признаны антиобщественным явлением, ведь запрещали же ходить по газонам или целоваться на улице. Новые мечты способны улучшить мир, поднять настроение.

Мечтайте, господа!

Мост

«Как же всё-таки быть с мостом?» – думал Олег Петрович по дороге от зубного врача домой. Разговор с врачом-протезистом был обстоятельным, и картина состояния зубов была ясна. Надо было делать мост. Иначе очень скоро уже возникнут проблемы, а с возрастом они усугубятся, и здоровье будет подорвано. Решение вопроса требовало всего лишь оплатить услугу, и через две-три недели проблема со здоровьем была бы разрешена положительно. Да, но на это мостовозведение ушла бы вся заначатая наличность, отложенная на ремонт заднего моста машины. Машина была старой, но престижной марки, и ремонт всегда обходился в копеечку.

Олег Петрович вспомнил детали разговора с дантистом. Он держался бодро, во всяком случае, ему так казалось. На предложенные три варианта моста, понятны с разной стоимостью, он отреагировал вяло, пытаясь подчеркнуть, что цена не главное, когда дело касается здоровья. В разговоре он больше упирал на сроки изготовления и качество материала моста. Тогда ему показалось, что он сохранил лицо обеспеченного человека, хотя, что подумал о нём опытный врач, так и осталось скрыто тайной врачебной этики. И вот теперь, стоя на мосту и глядя на проплывающие под ним островки растительности, муки выбора терзали мозг Олега Петровича. Здоровье в виде зубного моста или благополучие в восстановлении заднего моста машины? Он привык к компромиссам и всегда старался выйти сухим из воды благодаря каким-то уступкам, пусть полуме-

рам, но которые если не решали проблему, то хоть создавали видимость её решения. Тут же вопрос стоял жёстко: или зубы, или машина. И эта невозможность компромисса сильно удручала Олега Петровича. Он пытался применить все свои привычные ходы и знакомства, но даже при лучшем варианте никак не вышло построить самый дешёвый зубной мост и как-то сделать мост машины, даже при использовании самых дешёвых, бывших в употреблении, запчастей. Невозможность практического разрешения ситуации вызвала раздражение.

Он не одалживал и не давал денег в долг принципиально. В условиях кризиса от любой, даже незначительной просрочки долга, создаётся чувство, что кто-то кого-то оставил в дураках. А это всегда вызывает напряжение в отношениях или даже ведёт к их разрыву. Друзей уже и так мало осталось, и терять их не хотелось.

Обратимся к теории. Что важнее для него: здоровье или благополучие? Здоровье. Что человек без здоровья? А если сузить – что важнее для него сейчас? Благополучие! Всё. Надо отбросить первый вариант и ремонтировать машину. Зубы подождут. И тут снова выплывали в памяти ужасы уже близкого будущего, рассказанные врачом.

«Врачи всегда всё преувеличивают, – пытался успокоить себя Олег Петрович. – Им только дай волю, так они тебя на одни только лекарства посадят, мясо забудешь, как выглядит».

Но ведь возраст. С этим-то что делать?

«Надо посмотреть на себя со стороны. Что я есть без машины? Транспортные давки, опоздания, нерешённые бытовые мелочи, ещё заразу какую подхватишь. А что я без зубов? Закрытый рот. Плюс (?) сплюснутая улыбка, вечно смущённый разговор, вызывающий раздражение у собеседника и наводящий на подозрения у него о состоянии твоей психики или того хуже о сокрытии чего-либо. Так

можно и работы лишиться. Получается, что как ни крути, а дело дрянь, и логически вопрос решения не имеет. Можно ещё к гадалке обратиться. Может, она по линиям руки или по картам определит, что сейчас важнее? А может, просто бросить монетку: орёл или решка? А если станет на ребро или в воздухе повиснет?»

Он шёл по мостовой и думал, и думал. А мимо неслись машины, дразня своими моргающими огоньками и как бы подталкивая к выбору.

«Обратимся к истории. Что было до разговора с дантистом? Был план ремонта. Надо забыть о враче, и всё встанет на свои места. Кроме здоровья».

Дома жена спросила первым делом, когда он починит уже машину. Таким образом, мукам наступил конец. Олег Петрович расслабился. Ну и что? Зубы подождут. «Я кладу на алтарь семьи своё здоровье – это благородное дело». Самопожертвование всегда считалось образцом отваги.

Назавтра он отдал машину в ремонт и, обговорив цену, бодро и счастливо пошёл домой. Выбор сделан. Мучениям конец. На радостях он зашёл в книжный магазин, он иногда просматривал периодику, интересуясь журналами с опусами молодых писателей. На глаза бросилось название «МОСТ».

«Это явно по теме», – подумал Олег Петрович. Журнал был лирическим, а чтение рассказов и повестей писателей, не измученных сроками надоедливых редакторов, вызывали душевное спокойствие и навевали сердечную радость.

«Как мы будем строить мост, вдоль или поперёк?» – вспомнилась фраза в начале знакомства с будущей женой. Тогда бастион счастливой жизни казался вечным, и ничто не могло омрачить или сломить его крепость. Время, время, время...

«Надо бы в Интернете покопаться, – подумал Олег Петрович. – Что же есть мост?»

Оказалось просто. Мост – это сооружение для соединения.

«Соединения сердец, так будет лиричнее, – подумал он. – Он соединяет и объединяет, казалось бы, совсем непохожие берега и людей, даёт им новую совместную жизнь, счастливое будущее, в том числе и материальные выгоды. Да, но ведь существуют ещё и разводные мосты», – вылезла откуда-то лукавая мысль.

Снова вспомнились недавние сомнения о том, что же главное: здоровье или благополучие? Быть здоровым и богатым – все это знают. Не получается. А если помечтать? Получается. Ну, вот и критерий жизни – мечта плюс текущее состояние, этаким симбиоз уже осуществлённого и ещё только задуманного. Или лучше сказать – мост, соединяющий реальность с мечтой, длиною в жизнь. Достаточно мудрено, зато всё уже не кажется таким уж сложным и безнадежным, и радости от бытия становится много больше.

Продолжается самый ИНТЕРЕСНЫЙ КОНКУРС!

Суть конкурса: надо найти в наших изданиях как можно больше «ляпов» и как можно интереснее прокомментировать их.

Приём заявок с 1 июля до 31 декабря 2009 года.

Приз победителю – годовая подписка на соответствующий журнал или книги.

Найденные самые интересные «ашипки» мы ВЫБОРОЧНО отражаем на наших Интернет-страничках на «Стихи.ру», «Проза.ру», «Вконтакте.ру». И на нашем сайте:
<http://artage7.4sql.net/>

Запросить заявку на участие в конкурсе, задать вопросы, прислать найденные «ляпы» можно по адресам:

e-vi@list.ru (Александр Титов, главный редактор журнала «Край городов»);

lado_d@mail.ru (Диана Доронина, главный редактор альманаха «МОСТ»).

Игорь Щукин-Копейкин

Посёлок Девятины, Вологодская область

Воробышек

Иван Семёныч взглянул на туго упакованные сумки, на заплаканное лицо жены с непомерно распухшими щеками. «Как надоели эти уходы и приходы, приходы и уходы!» – подумал он и вышел в соседнюю комнату.

Как только захлопнулась дверь, к нему подскочила мать:

– Не держи, пусть катит, – и для наглядности рубанула рукой в воздухе, – кх...!

Иван, чувствуя себя жертвой насилия, удалился на веранду.

С каким-то отчаянием он посмотрел сквозь запylённое окно, сквозь голые ветки яблони на потемневший мартовский снег. Вот оно – одиночество!

На днях ему стукнуло пятьдесят. Были гости. Мать и жена разносили блюда, чай, конфеты, и казалось – вот он, непоколебимый семейный лад! Жена была значительно моложе Ивана. Почему она его полюбила, он не знал. Но теперь всё! Он закрыл глаза и прислонил затылок к дверному косяку.

С улицы донёсся шум поезда.

Уехать! Купить билет и уехать! Навсегда!!!

Не будет больше тайных интриг за спиной, открытых боёв без правил, наспех собранных поклаж. И, быть может, его тихое исчезновение обернётся для женщин назидательной трагедией, объединит и даже сплотит их.

В форточку впорхнул воробей, покружив, ударился о стекло и шлёпнулся вниз. Его так ужасно защемило, что пришлось разрывать коробку и извлекать банку за банкой, чтобы сохранить ему жизнь.

Иван Семёныч грел его в ладонках и бережно дышал, поднеся к самому рту.

– Какой же ты несурзанный и облезлый! Тоже, поди, одинок?.. Ну лети, лети к своей зазнобушке.

Он высунул руки на улицу и раскрыл ладони.

Воробей перепрыгнул на ветку, но улетать не хотел.

* * *

Несмотря на поздний час, полыхала русская печь, а на столе росла гора аппетитных блинчиков – неприхотливое лакомство супруга.

Мать наглухо забаррикадировалась в другой половине.

Когда время перевалило за полночь, а кровать звала, жена тихо спросила:

– Вань, ты думал, что я на самом деле уйду?

Не дождавшись ответа, обняла его, положив голову на плечо:

– Ой, ты, Воробышек мой!

Деньги

Я лежал на скамейке, положив руку на стол.

Сзади какой-то господин напевал песню в стиле «шансон», сжимая в такт кусок кожи на моей лопатке, очевидно демонстрируя свою силу.

Сила действительно была недюжинной.

Вернулась Галя, мой компаньон по столику, и, склонившись ко мне, прошептала:

– Деньги!

– Какие деньги?

– А ты подумай.

«Деньги, деньги, деньги, – мысль весело кружила виражи, – что бы это значило?»

Бармен объявил:

– Заведение закрывается.

Посетители уплыли на выход.

Возле меня выросли солидные люди, а я не мог даже руки поднять.

Я хотел вымолвить: «Я не пьян», но лишь промычал.

Вырвавшись из цепкого сна, я сбросил ноги с кресел на пол Казанского вокзала.

У меня увели все деньги вместе с портмоне.

Сумма не ахти какая, но в данных обстоятельствах это была катастрофа.

Забери мою боль

В деревне Сосновка ещё в лихие 90-е воздвигнут памятник последнему алкоголику.

Окаменелый доходяга на полусогнутых ногах тянет волоком огромную бутыль.

На выщербленном цвета морской тины постаменте медная табличка с надписью:

Жизнь надо прожить так,
чтобы, обернувшись назад,
увидеть гору пустых бутылок.
Е. Братолюб

Любимое изречение усопшего, коим он козырял при жизни.

Много, ох, как много высосал людской кровушки этот рыжий, конопатый амбал!

И когда заезжие гастролёры забили его кочергой, Сергунька – тихий, застенчивый мужичок приободрился.

– Надо отдать человеку должное, – вымолвил он, а в глазах – искорки Божьи (его-то кровосос достал больше всех).

Лепил статую хором, как ни попадя, но с душой, и образ удался.

Говорят, сам Зураб Константинович прежде, чем ваять скульптуру Петра, пристально изучал Сосновское Чудо.

Закрепившись на возвышенности, оное создание, раскрашенное в яркие цвета, с огненно-рыжей шевелюрой производило эффект не менее величественный, пожалуй, чем монумент Христа Спасителя в Рио-де-Жанейро.

Толпы туристов оживили окрестности Сосновки. А недавно здесь появились цветы.

Вот и сейчас женщина возлагает к ногам алкоголика букет алых роз. Нежно смотрит в глаза, как бы говоря... Но что это?.. Боже мой! Она крестится и отдаёт низкий поклон!

Я тотчас спешу полюбопытствовать: что всё это значит?!

Оказывается, в народе бытует поверье: если коснуться рукой статуи и произнести «забери мою боль», то в семье выведутся пьяницы.

Женщине повезло.

И показалось вдруг мне, что манит людей в наши небалованные цивилизацией места не каменное зодчество монастырей, не фрески Дионисия, а железобетонная карикатура с распухшим сизым носом.

Быть может, скромный и неприметный Сергуша есть основоположник нового направления в России.

Что ж, поживём-увидим.

Сергей Земцов

Канада

ГОРЕНИЕ

Фанаты и удовольствие

Конечно, симфоническая музыка, которую играют праздничные мужчины во фраках, женщины в вечерних туалетах, будет жить вечно. Публика, которая собирается в концертных залах, – разная, но атмосфера на концертах классической музыки тёплая, по-настоящему духовная. Счастливы те дети, родители которых научили их понимать, слушать и любить музыку Моцарта, Баха, Чайковского, Стравинского, Шёнберга.

Что касается музыки иных направлений, новой и современной музыки, которую играют и в концертных залах иногда, и просто на стадионах, и просто на улицах, – гораздо сложнее оценить это явление с точки зрения вечности. Иногда это принципиально «одноразовые» перформансы, иногда это просто «фон». Но можно встретить людей, которые не стесняются говорить, что они не любят классическую музыку и не хотят вообще её слушать, а вот всякие «песни», «перформансы» и даже передачу «American Idol» – обожают. За этим стоит не просто отсутствие культуры, плохой вкус, а нечто, о чём весь двадцатый век рассуждали экзистенциалисты, – свобода воли и вызов собственной «заброшенности» в этот мир.

С одной стороны, существует популярная музыка, которая, в общем-то, есть, как говорится, просто «fun» и товар. Точно также существует загадка фильмов ужасов, которые продаются и приносят колоссальные прибыли только потому, что современным людям нужен адреналин. Это явление скорее должно интересовать социологов, и они, вероятно, могут предложить интересные теории. С другой стороны, есть непопулярная музыка, музыка тяжёлых и альтернативных направлений, которая вызывает часто недоумение в компании людей, собравшихся, чтобы иметь «fun». Такую альтернативную музыку слушают фанаты – «fans», и группа таких любителей часто напоминает секту.

Поскольку инакомыслие и оригинальный вкус до сих пор пока никто не запретил окончательно и бесповоротно, эксперименты разного рода с ценностями, вечными вопросами, концептуальные и конструктивные «находки», авангардизм – всё это успешно соперничает с академическими формами. Более того, их влиянию подвержены дети и, так сказать, «простые люди» – особенно это касается современной музыки, которую достаточно один раз услышать и принять независимо от какого-либо интеллектуального дискурса. Например, если задуматься, – это загадка, или это то, что психологи называют подростковым негативизмом: вместо того, чтобы получать удовольствие от телепередачи, запланированной «фабриками звёзд», дети индиго, да и «простые дети» уходят на улицу слушать песни с ненормативной лексикой, панк-рок и рэп.

Если есть спрос, то находится и предложение. В Англии, в Манчестере открывается нового типа Фабрика, «Factory Records». Это, конечно, бизнес-предприятие, иначе в Англии не бывает. Но отголоски распространяются по всему миру. В СССР, в Москве группа музыкальных интеллектуалов, Сергей Жариков и Сергей Летов-старший, промывает мозги Игорю Летову-младшему, который решает для себя, что будет сочинять музыку и стихи «ещё круче», чем его старшие товарищи. «Оккупация» Жарикова трансформируется в «Гражданскую оборону». Воля к творчеству Игоря Летова оказалась реализованной на полную катушку, в Англии его назвали «отцом русского панк-рока», а в России существует мнение, что он вообще единственный гений на данном направлении.

Мы имеем дело с воистину уникальным явлением, противостоящим известной культуре. Возможно, читатель хорошо знаком с жизнью и творчеством поэта, Нобелевского лауреата Иосифа Бродского. Можно заметить, что Иосиф Бродский начинал карьеру почти так же, как Игорь Летов. Они оба подвергались преследованиям Системы и КГБ. Но Иосиф Бродский в Архангельской ссылке стал читать стихи Одена, антологию английской поэзии и, пережив некоторое внутреннее обращение, решил, что «части речи» – это его призвание и оправдание всей жизни. Оказавшись в Америке, Бродский сразу же был взят на литературную должность в университет. Игорь Летов пережил внутреннее обращение иного рода, о котором пока что ничего не написано, но можно предположить, что такое имело место. Путь, которым пошёл Игорь Летов, – определённое уважение, серьёзное отношение к определённой категории своих фанатов. В отличие от панк-рока своего предтечи Сергея Жарикова Игорь Летов не «стебётся» и не «бьёт мужика палкой». Игорь Летов сделал всё, что он мог сделать для того, что-

бы его фанаты поверили в то, что он принимает всерьёз всё то, о чём он говорит от их имени.

Я бы не хотел писать исключительно о творчестве Игоря Летова или других достойных «отцов» новейшего искусства, а хотел бы оставаться на несколько более метафизических позициях и видеть некие горизонты. Хотя я хотел бы прочесть книгу, посвящённую Игорю Летову и его стихотворениям, напоминавшую бы исследования, которые пишут про Иосифа Бродского. Ясно, что это пока моя фантазия, так как литературоведы не изучают поэтическое творчество Игоря Летова. Это поэтическое наследие пока что пребывает в странном состоянии, и неизвестно, будет ли изучено вообще когда-нибудь в будущем. Но как знать? Мы имеем дело с чем-то для нас новым и «недиссертабельным».

Так или иначе, мои пролегомены, возможно, заставят задуматься достаточно серьёзных людей вообще о соотношении классического искусства и, скажем так, любительского. Но классическое искусство может быть сытым, скучным и клишированным академиком, в то время как что-то, подобранное на улице, может оказаться стихией огня, случаем самосожжения, который увлекает кого угодно глубже, чем проработанный экзерсис по всем, освящённым традициями, правилам.

*This world threw me away
This world never gave me a chance
This worlds gonna have to pay
I don't believe in your institutions
I did what you wanted me to
Like cancer in the system
I've got a little surprise for you*

*Something inside of me has opened
up its eyes
Why did you put it there did you not
realize
This thing inside of me it screams the
loudest sound*

Sometimes I think I could Burn
(Trent Reznor)

Эпоха нигилизма

Для того, чтобы обсуждение известных, но, собственно говоря, довольно частных событий музыкальной жизни поднять до вышеупомянутых метафизических горизонтов, необходимо ввести некий контекст данной истории. А именно, вспомним, в какое время мы живём: наше время – это затянувшийся конец света, апокалипсис своего рода. Радикальные атеисты, например, Мишель Онфрей, требуют деконструкции религии, теократии, христианства и не оставляют места для сомнений в том, что следующая постхристианская эпоха будет эпохой науки. Как писал и Ленин на полях конспекта Гегеля, «боженьку жалко, сволочь идеалистическая...». Мишель Онфрей пишет очень остроумно и почти энциклопедически, но все эти сочинения для таких же, как он сам, любителей науки, не нуждающихся в «гипотезе» существования Бога.

Атеисты недовольны, что для понимания классического искусства студентам до сих пор предлагают изучать историю религии, недовольны деизмом и «богом философов», когда существование Бога всё же «протаскивают», вместо того, чтобы заявить, что в принципе Бог никогда не существовал, все религиозные книги сплошь сказки и фольклор.

Начало эпохи современного нигилизма связывают отчасти с Ницше, который заявил, что «Бог умер». Быть ницшеанцем, как пишет Мишель Онфрей, значит делить историю на эпоху «до Ницше» и «после Ницше» – так же, как было деление «до Христа» и «после Христа». В этом что-то есть, так как после заявления «Бог умер» до сих пор не сформировалась альтернатива. Деконструкция христианства, деконструкция монотеизма не закончены. Нельзя сказать, что на смену иудо-христианской теократии

пришла какая-то новая, столь же могущественная наукокрация или технократия. Мы живём в переходную эпоху, если вообще переход окажется возможен. Эксперимент СССР с «научным коммунизмом», мягко выражаясь, оказался спорным и неудачным.

Мишель Онфрей вспоминает слова Достоевского о том, что «если Бога нет, то всё позволено», и утверждает, что это полная чушь, по его мнению, надо говорить как раз наоборот: «Because God exists, everything is permitted». Кстати, судя по голливудским экранизациям Достоевского, представление американцев о русских, о братьях Карамазовых совершенно нелепое. В то же время «отец русского панк-рока» Игорь Летов в своих интервью неоднократно заявлял, что Достоевский его любимый писатель, и более того, заявлял: в своём творчестве «я иду более от религии», чем от эстетики.

Я отдаю себе отчёт, что, с академической и просто снобистской точки зрения, упоминание Игоря Летова в контексте «метафизических горизонтов» для многих учёных гуманитариев несколько странно и необудительно, но моё сочинение абсолютно субъективно, и если кому-то не нравятся, можно не читать дальше.

Так или иначе, а стоит ли без всякой оглядки доверять науке? Ведь нам не нравится массовая или поп-культура – культура маленьких людей, которые, по Ницше, считают, что «образование – это то, что отличает их от пастухов». А нравится ли нам так называемая «нормальная наука», армия маленьких учёных, ищущих тёплое место на faculty positions и поддерживающих коммунистические и атеистические идеи любого государства, готового взять их на содержание?

Далее, что касается людей, имеющих образование в бизнесе, в ком-

мерческих науках, какую веру они часто исповедуют? Да весьма простую и упрощённую: что всё можно купить за деньги. Более точно, они верят, что люди, как они говорят, on the top of the food chain управляют миром и обеспечивают так называемый «уровень жизни», когда контракт с работодателем или просто зарплата делают работника счастливым. Зарплата – как питание для дрессированных животных: если есть на что эту зарплату потратить в супермаркетах, то не надо ни бунтовать, ни вообще чего-то там «хотеть». Бизнесмены, научно руководящие обществом, и счастливые и солнечные прикомрленные люди попроще. Ну, там существует ещё системы welfare и asylum – опять же, это формы счастья для людей «слегка больных» или «безнадёжно неизлечимых». Предлагается вариант рационального христианства – христианства без Бога, но выжимка из религии светской идеи социальной справедливости.

Это тот фон, на котором вдруг появляются странные для рационально мыслящих людей формы искусства, когда какие-то «битники», «хиппи», «панки» уводят из буржуазных (или советских в 70-80-х годах XX века) семей благополучных подростков. Впрочем, если бы благополучные семьи занимались всегда воспитанием благополучных детей и сплошь прививали бы им любовь к Моцарту, Диккенсу или там Кобзону, Шолохову, можно сказать, не было бы беды или, скажем, не было бы вечной проблемы отцов и детей.

При наличии реальных противоречий в обществе неизбежно появление Зеркал Революции, что становится в свою очередь объектом противоречивого отражения, – так владелец магазина модной одежды основал группу «Sex Pistols». Герои психоделического фронта, последователи харизматических поэтов, скажем, Сида Баррета, становятся динозаврами, гасирующими ради обычной прибыли

ли. Как ни печально, актуален призыв к тому, что поэту лучше уж умереть лет в сорок. Иначе творчество перестаёт быть творчеством, а, как известно, «долгая счастливая жизнь» без творчества презираема. «У них есть своё маленькое удовольствие для дня и своё маленькое удовольствие для ночи». Они считают, что «здоровье – превыше всего».

Приступы постмодернистского веселья

Современная музыка – это есть всё же способ не только войти в депрессию, но и выйти из депрессии, то, что называют также катарсисом и дионисийским экстазом. Существует «смеховая культура», разнообразные формы народности, философствования «на полудночных кухнях» – всё это не академическая, не классическая, не формальная диссертательная, поддающаяся статистической социологической обработке культура, а, скорее, духовность. Нечто за пределами конструктивного и рационального дискурса вообще.

В древней Римской империи свободные граждане требовали зрелищ. А также вероятнее всего, что рабовладельцы были убеждены, что их рабы счастливы, если получают в достатке свою пищу. Сложнее представляется ситуация с ранними христианами, которые не отказывались от своих «современных убеждений» под пытками и отказывались просто «подписаться» под хвалой императору, вместо этого за свои убеждения предпочитали лишиться кожи или поджариться в кипящем масле.

Если ожидать от науки ближайшего будущего революций в сфере социальной справедливости, деконструкции Judeo-Christian teaching и блестящих результатов в построении коммунизма или чего-то там столь же «научного», о чём мечтали в СССР, то науке придётся решать вопросы, связанные с человеческой природой. А

человеческая природа оказывается очень консервативной, и порой кажется, не подвержена никакому прогрессу. Иные поклонники классической музыки, поклонники тех вершин духа, которых достигли Бах и Моцарт, говорят, что вся неклассическая музыка типа рока, авангарда и панк-рока есть ни что иное, как регресс в Каменный век, в эпоху пещерной дикости. Правильно ли это в буквальном смысле, не знаю, но определённая идея тут высказывается, что со времён палеолита человек не изменился. Да и Ницше со своим эстетизмом высказывался, что человек – это неудачное животное.

От массовой культуры, шоу-бизнеса нельзя ожидать рафинированных продуктов, отфильтрованных лучшими умами человечества. Подпольная параллельная, частично народная, культура существует как реакция на массовую. Люди со времён Древнего Рима нуждаются в зрелищах. Удовольствия, доступные за деньги, ограничены – *can't buy me love* – кто-то изначально ими не удовлетворён, и вакуум заполняется странными способами, которые иногда напоминают сумасшествие. Но и на долю сумасшествия есть спрос. Более того, этот спрос превращается в «боевой стимул» для дальнейшей эволюции истеблишмента и бизнеса.

Если Игорь Летов, по-моему, безусловно одарённый поэт, и так же считают многочисленные его поклонники, то рядом с ним существуют многочисленные соратники и эпигоны. Впрочем, так было всегда, скажем, с Элвисом Пресли и Джимом Моррисоном. Но слово «эпигон» не просто ругательство, а, скорее, важно как раз то, что существует боевой отряд – соратники или, скажем, уважаемые деятели андеграунда. Точно так же рядом с Иосифом Бродским находится плеяда ленинградских поэтов, стихи которых декламируют на литературных вечерах, посвящённых «друзьям Бродского».

Между литераторами постмодернизма и уличными музыкантами безусловно огромная разница. Музыканты гораздо более маргинальны и более подвержены горению – *light my fire*. В принципе рокеры соглашаются с тем, что «рок-н-ролл мёртв», и выбрасывают в окружающую среду своё, как говорили в XX веке, экзистенциальное существование. Для подобного акта самосожжения не надо иметь специфических талантов, точнее *crafts* типа музыкального слуха или способности к поэтике. Достаточно воли – желания от души повеселиться.

В эти дни весь мир прощается с Майклом Джексонем. Являясь свидетелем такого «праздника», я не могу не заметить, что мир прощается с бизнесменом и шоуменом – *celebrity*, а вклад Джексона в искусство находится за кадром, хотя, наверное, кто-то есть, кто может оценить нечто в области поп-культуры. Судьба не столь знаменитых и не столь богатых музыкантов более тесно связана с «ценностями» эпохи. Для рок-музыкантов часто типична судьба по призыву самосожжения и горения.

Но какую представляет ценность данный выбор и какие есть альтернативы? Хорошо известно, какое место занимает эстетика в ницшеанском мировоззрении. Ницше провозгласил, что «Бог умер». Постмодернисты провозгласили, что «Автор умер», и искусство более не служит прогрессу нравственности. Творчество стало «транцендентным» и предполагает многозначность. Удивительно сочетается какая-нибудь грамотная тональность и какое-нибудь «Вот так вот» в концертной деятельности мультиинструменталиста и концептуалиста Сергея Летова. Гораздо более открытый Игорь Летов так выразился в своём интервью:

«Поэты делятся на две основные категории: на тех, которые всю жизнь пишут один-единствен-

ный идеальный стих, как скажем, Пушкин, и, собственно, тех, кто своим творчеством как бы завоёвывает новые пространства, территории, горизонты. Так вот, я и есть такой завоеватель. Я именно завоёвываю внутри себя новые рубежи Безграничности, вседозволенности и дерзновенной вдохновенной всевозможности».

В общем-то, и Гегель считал, что Мировой Дух сам себя познал окончательно и создал идеальную философскую Систему. И марксизм, который приделал себе ярлык «научный», трактовал истину рабочего класса как истину идеальную, совпадающую с итогом прогресса. Как мы знаем, все эти идеальные итоги прогресса поступают в оборот свиньям Оруэлла. Люди on the top of the food chain становятся манипуляторами и конспираторами, следуя каким-то программам, заложенным в человеческую природу. Pigs Can Fly.

Ужасно как красиво звучит стих апостола Павла:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая и кимвал звучащий».

Но ведь НЕ имеют любви проповедники, батюшки, инструкторы и идеологи, про которых говорят, что Бог шельму метит!

Поэтому современная позиция многозначности Творчества вызывает интерес у всех свободных людей. Всё, что могут свободные люди, – игнорировать прогресс и единственно возможную для контрольной группы «объективную» истину. А это и есть горение и самосожжение, или «весёлая наука».

Наука

Всё же ницшеанское мировоззрение, пессимизм Шопенгауэра сделали своё дело – создали Рубеж Времени. Последствия запрещённой для известных категорий народонаселения в тоталитарных странах философской доктрины – проявляются во всём.

Кажется, что единственный реальный институт общества, который готов взять на себя ответственность за «демонтаж» и «реконструкцию» ценностей цивилизации, – это Наука. Благодаря Науке мы летаем на самолётах, пользуемся компьютерами, смотрим телевизоры и тому подобное. Но главное – существуют Деньги. Хорошо смазанный механизм товарного обмена, возможность эквивалента общественного труда, возможность «зарабатывать деньги», не слишком задумываясь о направлении денежных потоков.

В СССР не было возможности хорошо зарабатывать, и существовало высокомерие по отношению к деньгам. Даже у Виктора Пелевина, который пишет про новых русских и для новых русских, лейтмотивом является ирония по отношению к деньгам. А в Северной Америке – никакой иронии, если отбросить особое мнение, можно сказать, хобби, скажем, возьмём пародию Франка Заппа на «Beatles». Имеется возможность зарабатывать деньги, есть куда их тратить, и этот процесс доставляет удовольствие. Упомянутый выше Майкл Джексон популярен в первую очередь как знаменитость – celebrity – с большими деньгами, и уже во вторую очередь – кому-то нравится музыка.

Люди, имеющие образование в области финансов, слынут в Америке обладателями научного менталитета и придерживаются атеизма. Такие люди ответственны за «создание рабочих мест». Карьера какого-нибудь assistant manager в банке является

идеальной с точки зрения Счастья простого человека, для которого якобы и существует вся цивилизация, в которой кто-то продаёт, а все остальные покупают и должны быть счастливы и благодарны науке. С другой стороны, простые нападки на «доллар», на якобы примитивное сознание трудоголиков в Америке нуждается в обосновании больше, чем просто высокомерие, исходящее из Русского Хаоса – так как всё же «доллар» работает. Но, конечно, плохо и то, и другое – и русский дурак Емеля со щукой, и банковский клерк из О'Генри, зацикленный на биржевом курсе.

Упрощённая экономическая модель не устраивает людей в моменты разного рода душевных кризисов. Для укрощения бунта, дисбаланса на рынке существует целая армия психологов и просто инструкторов фитнеса, но кто-то не хочет идти к психологам за коррекцией сознания и идёт на «тусовку» типа панк-клуба. Конечно же, и этот уровень пытаются поставить под контроль, но всё же есть разница. Харизматические музыканты и их поклонники как-то отбиваются от стаи.

Наука вообще основана на абстракции. То есть упрощение необходимо, чтобы иметь подходящую для случая модель. «Если на клетке написано «Слон», значит, это Слон». Для занятия наукой, точнее, для того образа жизни, который называется Наукой, не обязательно иметь какой-то талант. Учёным может стать каждый, вступить в Науку, как в партию, получить образование, учёную степень, терпеливо оформить положенное число публикаций – это процесс точно такой же, как и любая другая карьера – «лишь бы кто случайно не помешал». Далее, в академическую среду путь закрыт для чужих. Faculty positions, гранты разного рода – это ресурс, распределяемый, как талоны на продукты. С другой стороны, это работает. И самолёты строят, и хирурги учат быстро вырезать аппендицит.

Проблема возникает, когда ставится вопрос о доверии. Если Наука заявляет, что знает, как должен идти всякий прогресс, да ещё торгует ярлыком «научный» – это уже касается людей, не имеющих отношения к учёным, как субкультуре в себе. Научная или какая иная Демократическая партия, или Отдел милиции, или здание продавцов «Гербалайф» – человек, не принадлежащий к партии, спрашивает себя: кто это такие?

Тут и попадают под руку аморальные «Речи Заратустры», или тому, кто ничего такого не читает, масса суррогатов, просто песня со странными словами и причудливым звуком.

Глобальная цифровая деревня

Ясно, что человечество не созрело для того, чтобы стать «расой, населяющей планету Земля», и для того, чтобы убрать границы между странами. Это полная утопия. Нации будут бороться за своё существование. Американский глобализм так же несостоятелен, как и миссионерство христиан. Хотя мне и попадались труды учёных методологов, которые уже мыслят категориями всего человечества. Если бы «всё человечество» готово было к подобной стадии прогресса, то можно было бы говорить и об объективной или общезначимой истине. Пока что общезначимые истины есть только в математике, которая, как известно, царица всех наук и универсальный Язык науки. Впрочем, один из основателей нейро-лингвистического программирования – математик и описывает «структуру магии» в терминах формальной грамматики. Поэтому-то НЛП и не любят в России, считают выдумкой манипуляторов, технологией бизнеса. С другой стороны, менее консервативной, НЛП можно считать исследованием навыков Экспертов или Успешных людей.

Так или иначе, глобальная цифровая американская деревня – global village – такая же ересь, как и коммунизм Хрущёва, который в 80-м году

XX века не дал о себе знать прогрессивному человечеству. С другой стороны, «цифровую» сторону как-то приспособили в мобильных телефонах и компьютерах для журналистов, которые их носят в своих портфелях. Да и билеты на элитные концерты и перформансы крутых деятелей авангарда продают online.

Игорь Летов, в одном из самых своих депрессивных видеоклипов «Насекомые», заклиняет:

*Новый прекрасный мир
Новый прекрасный мор
Апофеоз, апофеоз, апофеоз,
апофеоз
В трёх сосенках, блуждая
на смерть, замёрзли оба
В трёх сосенках, блуждая
на смерть, замёрзли оба
Замёрзли оба раба божьих –
это я и ты
Раба божьих – это я и ты
Вот оно как, вот оно как
Вот оно как, вот оно как
Во веки веков, во веки веков
Во имя щеночка и смятой бумажки
Заклинаю! Заклинаю!
Усохшую речку, усопшую птичку
Разинутый пламень,
обугленный камень
Уберечь нас прочь от злой натуги
От мясистых очей,
водянистых речей
От обильных музеев,
хмельных комментариев
От повальных пролетариев
и прочей жизни!*

Это, в общем-то, чистая декларация «Русского Хаоса», довольно точная по сравнению с каким-нибудь наивным гимном типа «Убей Жида» или «Звезда Свиней». Безусловно, под этими словами подпишутся не только русские, но многие другие носители неконформистского сознания в момент душевного кризиса. Что здесь неразумного, кроме ФОРМЫ, – это вроде как формальный БУНТ против порядка вещей. Так нам запрещают бунтовать, или как?

Конечно, даже если бы и хотели – просто так, без воспитательной работы, не запретишь. Вот вспомним советских Стругацких, эпизод из «Хищных Вещей Века», там же агент КГБ ужаснулся, испытав на себе действие фантастического наркотика, но окончательно пришёл к идее воспитания. Воспитывать, а не карать!

Но вот другого рода бунт – антология альбомов «ДК» Сергея Жарикова заканчивается призывом к русскому бунту со всеми атрибутами сознания члена общества «Память». Тяжёлый вариант русского бунта.

А вот как отвечает на это раввин Михаил Лайтман:

«Весь мир – одна семья. Каббалистические принципы должны, в итоге, охватить весь мир, дав всем равный уровень жизни. Однако процесс этот постепенный. Каждый народ, большинство которого на практике примет на себя эти основы, то есть уже будет воспитано в духе отдачи другому и будет иметь надёжный источник мотивации, – тут же войдёт в международное сообщество, основанное на альтруистических законах. У всех народов, вошедших в рамки этого сообщества, будет одинаковый уровень жизни – так, что излишки от богатого или прилежного народа будут улучшать уровень жизни народа отсталого или бедного природными ресурсами и средствами производства».

Как говорил Том Уэйтс в своём интервью: «Piano Teachers were shocked...» Цитирование, мной сделанное, не уместно! Подбор цитат оскорбит многих читателей, щёки стоят от стыда, не так ли?

Кратко о необходимости душевного баланса

В своё время, когда мне было около двадцати лет, я читал «Науку Логики» Гегеля, который, как помню,

писал о необходимости соблюдать Мету. Я Мету не соблюдал. Я случайно оказался в компании каких-то хулиганов и что-то там стал вещать из онтологического доказательства существования Бога, на что некий хулиган, «узрев корень», сказал сразу же: «Да Бога-то нет!» А было это в Омске, на родине Игоря Летова, и будущей Нью-Москве Эдуарда Лимонова, – так что у меня в молодости был опыт реального общения с русскими бунтарями.

Удивительно, что о необходимости соблюдать Мету я прочитал, уже позже, в конце статьи одного курганского философа, политэконома, критика марксизма, и почти такие же слова нашёл у известного польского антикоммуниста.

«Материалист утверждает себя в мире тем, что отказывается от себя, идеалист – тем, что отказывается от мира. При этом оба терпят поражение, ибо совершают в сущности одну и ту же ошибку: в обоих случаях НЕТ действительного контакта с реальностью, проникновения в реальность, у тех и других разум недействителен, действительность неразумна. Иначе говоря, те и другие не умеют ни жить, ни мыслить».

(Александр Усов «Против религии и атеизма», newlit.ru)

«Therefore it is likely that two kinds of mentality - the skeptical and the utopian - will survive separately, in unavoidable conflict. And we need their shaky coexistence; both of them are important to our cultural survival. The victory of utopian dreams would lead us to a totalitarian nightmare and the utter downfall of civilization, whereas the unchallenged domination of the skeptical spirit would condemn us to a hopeless stagnation, to an immobility which a slight accident could easily convert into catastrophic chaos. Ultimately we have to live between two

irreconcilable claims, each of them having its cultural justification».

(Leszek Kolakowsky, «The Death of Utopia Reconsidered», The Australian National University)

Однако я не совсем за «Let It Be», которое, может быть, и справедливо ставят в упрёк «Beatles». К сожалению, школа ненависти более соответствует реальности, чем уроки любви. Любовь для нас уже как ностальгия, идеал – «как молодцы мы были...». А то, что в так называемой реальной жизни нас ненавидят, – уже привычка. Спрашивается, так стоит ли реальность того, чтобы издеваться над фантастическими грёзами? Это уже вечный вопрос, на который каждый отвечает по-своему, то есть не отвечает никак с точки зрения Истины. Да и какая там ещё Истина, какая там ещё Душа?! О чём это мы с самого начала?..

Многоножка сгорает в огне

Как-то хочется избежать пафоса. Эмоции хороши для определённого класса ситуаций, когда надо, чтобы «чувство не обмануло». А когда в голове много мыслей, да ещё таких, от которых хочется избавиться, хороший рецепт – в огонь. Даже книги сжигали, но пришли к мысли, что рукописи не горят. Так что «огонь» для мышления это переработка фактов в некие результаты, которые уже важнее переработанных фактов и позволяют об использованных фактах частично забыть.

О чём мы хотим забыть? В красивой еврейской «Агаде» пророк сорок лет водил народ по пустыне, чтобы вымерли старики, сожалевшие о сытой жизни в рабстве. Предполагается, что эту историю надо помнить четыре тысячи лет, а может быть, и дольше. А Карл Юнг исследовал память и обнаружил там архетипы. То есть то, что не горит и очень хорошо спрято.

Виктор Гришин

Санкт-Петербург

Памяти Павла Петровича Кадочникова
посвящается

Снегурочка (Берендеевка)

«Снегурочка» – сказка, мечта, национальное предание, написанное, рассказанное в великолепных звучных стихах Островского. Можно подумать, что этот драматург, так называемый реалист и бытовик, никогда ничего не писал, кроме чудесных стихов, и ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики.

К.С. Станиславский

«Моя жизнь в искусстве»

История, которая подвигла написать этот рассказ, проста. Двадцать лет назад меня огоршила дочь Даша. По радио шёл «Час Костромы». Выступал Павел Петрович Кадочников, известный режиссёр. Он вспоминал о фильме «Снегурочка». Фильму исполнялось в то время двадцать лет. Кадочников обращался к тем, кто участвовал в съёмках этого фильма. Но Даша не запомнила телефона, который назвал Кадочников. Я один из тех, кто помнил съёмки фильма «Снегурочка». Мало помнил, я в них участвовал. Но что сделаешь? Телефона нет – и разговора нет. Хотя я стал собирать свой архив, который был связан с этим фильмом.

Пролетело время. На дворе 2008 год. Второго мая исполнится двадцать лет, как нет Павла Петровича Кадочникова. Сорок лет фильму «Снегурочка». Для меня это имя собирательное. Это усадьба Щельково, где жил и работал А.Н. Островский, мой город Кинешма. А ещё я, мой отец Алексей Иванович, друг детства Саша Зайцев.

Прошло сорок лет. Нет Кадочникова. Не могу найти фильм «Снегурочка». Ничего нет. Страны, в которой снимался фильм, нет. Место нашей привычной Родины заняла молодая энергичная мачеха. А мачеха – она и есть мачеха. Немало русских сказок на эту тему сложено. Я не помню в народном эпосе доброй мачехи. Так и сейчас. У нынешней мачехи есть свои любимые дети, но их так мало. Им всё лучше. Всех остальных – на мороз, в ночной заснеженный лес. Да в насмешку по всем средствам массовой информации раздаётся: «Тепло ли тебе девица, тепло ли тебе красная?..» Светлое имя «Снегурочка», сказочная страна берендеев стала брендом. В усадьбу-музей «Щельково» частенько заезжают кавалькады наглых джипов с подгулявшими современными купчиками, которые «желают выйти тутова, рубите дверь по мне»...

Другие времена, иные нравы, скажете вы. Не можешь приспособиться, поэтому и скулишь. Скулить не скулю, но страдаю. Страдаю от беспамьяства, от цинизма мачехи. Где, в какой сказке вы сможете найти глумление над стариками, насилие над детьми? Поэтому и обращаюсь к памяти Островского,

его солнечной стране берендеев, чтобы напомнить о добре, о вечных ценностях

Можно задать вопрос: для чего это нужно? Отвечу: нужно, и именно сейчас. Пока живы воспоминания таких, как я.

Нужна память. Большая человеческая память. Память детства, память малой родины. Всё, что связано с именем Островского, Снегурочки, а точнее, с пониманием малой родины. Только сейчас, когда не молод и живёшь в большом городе, понимаешь, как важна она, малая родина. Для кого-то это окрестности с незатейливыми берёзами, что шепчутся поодаль. Для кого-то это двор, в котором ты рос. Старый парк над Волгой. Дедовская усадьба с её тайнами...

Думаете, злобствую? Да ничуть. Историю повернуть вспять нельзя, но память, память детства сохранить можно. Вот я и попробую.

Лето 1968 года. Удивительно дождливое и холодное. Мы, закончив восемь классов, маялись без дела. Кто-то сдал документы в девятый класс и был спокоен до сентября. Кто-то ждал вступительных экзаменов в техникумы. Время мы коротали за игрой в карты и в домино в подъездах, так как на улице моросил нескончаемый дождь. Тополя, растущие на нашей улице, вымокли. Напрасно они съжигались, пряча свои намокшие макушки. Это был не радостный солнечный ливень, несущий омовение всему живому. Дождь был унылый, монотонный. Он был сам себе не рад, но остановиться не мог. Луки, на радость мелкой детворе, не просыхали и становились глубже и шире. Но даже мелкотня начинала уставать от них. Негде было высохнуть, а всё время в роскошных грязевых сапогах и перчатках не походишь. Идти на колонку отмываться? В такую холодрыгу! Бр-р-р!

Шёл день, ничем не отличающийся от остальных. Мы сидели в подъезде и отчаянно резались в подкидного. Что ещё делать? Старые люди

настраивали, что лето будет дождливое. Я поглядывал на часы. Время обеденное. Наш папа, что работал завучем в школе ФЗО, задерживался на обед. Ну, задерживался и задерживался. Будем обедать без него. Но папа не появился отобедать. Проявился наш батя вечером. Очень оживлённый и загадочный. Он рассказал свою историю, которая произошла днём.

Не буду пересказывать всё батюшкино повествование. Суть была в том, что его школу ФЗО сняли с занятий и отправили в усадьбу-музей «Щельково» для участия в массовых съёмках фильма «Снегурочка».

Снимает фильм известный режиссёр П.П. Кадочников. Школа провела там весь день, но съёмок не было по причине ненастья. Завтра поедут снова. Я сделал стойку, как поинтер перед дичью. Вот оно, светлое пятно в нашей беспросветной дворовой жизни. Я сразу же закинул удочку насчёт участия в мероприятии. Отец на мгновение задумался и сказал, что проблем вообще-то нет, так как транспорт фабрика арендует, а народа для массовки требуется много. Я развил мысль, что неплохо было бы прихватить моего приятеля Сашу Зайцева. Отец махнул рукой, что, дескать, нет проблем. Я, несмотря на поздний час, слетал до Сашки, конспективно изложил идею. Нужно ли говорить, что всё было схвачено с одобрением. Шутка ли выбраться на съёмки, да ещё увидеть живьём Кадочникова? Кто из пацанов пятидесятих годов рождения не смотрел «Подвиг разведчика» и не восхищался майором Федотовым? А Алексей Мересьев в «Повести о настоящем человеке»? Да и перспектива провести день вне дома тоже впечатляла.

Ранним утром мы бодро втроём вышагивали по направлению к волжской переправе. На плечах у нас висели фотоаппараты. У меня «Смена-2», у Саши – модный тогда аппарат «Чайка». Волга встретила нас неприветливо. Постоянные дожди, как миксер, перемешали её воды. Из светлого

синей она сделалась серо-свинцовой. По ней бежали мелкие сварливые волны. Чайки, задевая крыльями низковисящие клочковатые облака, с печальным криком планировали над ночными рыбаками, которые подобно истуканам сидели в своих лодках. Обрывки серых лохматых облаков носились по пасмурному небу и ничего хорошего не предвещали. Солнце вело себя непредсказуемо. Оно, вроде как, и не собиралось выглядывать, но в то же время долг светила обзывал дать надежду всему живому, что не всё так в мире серо и дождливо. Один паралитический луч просквозил сквозь серую вату. Слабовато просочился, да так и застрял. Облако оказалось вязким, набрякшим многодневной влагой. Для него один луч – ничто. Попробуй разгони такую намокшую губку. Тут уж и Ярило задело. Он выпростал свою рыжую вихрастую голову из-за частокола заволжских лесов и осмотрелся. Этого было уже достаточно для начинающегося утра. Ярило потянулся, сочно, с хрустом. Да как разогнал свои лучи по всему небосклону! Всё, ура. Стало ясно, что день удастся.

Туман, который клубился у берегов Волги, делая их очертания размыватыми, неясными, решил не спорить с утренними силами и благоразумно уполз в тень. Волга, почувствовав тепло солнца, как ласковая кошка, выгнула спину и убрала коготки барашков.

Нашего парома не наблюдалось. На берегу у переправы уже толпился народ. Народ – это учащиеся школы ФЗУ фабрики номер два. Они были в прекрасном настроении. Их понять можно: школу сняли на несколько дней для участия в массовых съёмках.

На переправе началось движение. Потянулись машины, и скоро весь волжский спуск превратился в длинную автоколонну. Все ждали переправы на другой берег реки. Моста в нашей округе не было, и каждая фабрика имела свою переправу. Нам тоже нужно было на ту сторону Волги

до пристани Чирково. Там нас ждут автобусы. Паром оказался дисциплинированным: он чётко подошёл к пристани, лихо развернулся и боковой аппарелью зацепился за причал. Встал как вкопанный. Тут же всё пришло в движение. Машины с парома съехали, которые с берега – заехали. Всё двигалось быстро, без суеты. Люди делали своё привычное дело. Пришёл наш черёд зайти на палубу. Сердитая тётка-контролёр быстро наладила нас с рабочей площадки в пассажирское помещение. Я и Саша незаметно для стража порядка забрались на вторую палубу. Отсюда хорошо просматривалась Волга, её берега.

Паром, оторвав аппарель от причала, развернулся и взял курс на другой берег. Но его одёрнул грозный басовитый гудок, по глазам ударила вспышка. Снизу Волги шёл внушительный пассажирский теплоход. Ему явно не понравился лихой поворот парома прямо по его курсу. Вот он и дал «отмашку». Хотя до его носа было порядочное расстояние, рулевой парома не стал спорить. Быстро завращав огромное рулевое колесо, он направил свою судовую единицу вниз по течению, чтобы обогнуть «пассажира», как и положено, с кормы. Нас осыпало солнечными зайчиками, которые щедро рассыпали медные накладки рулевого колеса. Мы облокотились на леера и лениво созерцали проплывающие берега. Нас качнуло. Это наша судовая единица разошлась с речным исполином и бодро бросилась поперёк Волги. Паром ретиво дошёл до пристани, и мы быстро высадились.

Автобусы нас не ждали. Мы не унывали: впереди день. Я и Саша улеглись на берегу и стали рассматривать Кинешму с противоположного берега. Мы видели крутой правый берег Волги. На вершине его высилась белая масса Успенского собора. От него отходили краснокирпичные торговые ряды. Как форштвень корабля, стоит этот собор на мысу, образованным Волгой и впадающей в неё Кинешем-

кой. Всё прочно, незыблимо. Сложное чувство одолевало нас. Мальчишеский нигилизм требовал, настаивал на немедленном отъезде из дома – привычного, надоевшего. Но в душе мы любили свой город, нашу Волгу. Чувствовали, как натягивается пуповина, соединяющая нас.

Русские провинциальные города. На них держалась да изо всех сил ещё держится Россия. Но предел, он не бесконечен. Многие лета держалась русская провинция своим самовыживанием, как брошенная мальчишками теплинка. Но угли не вечны... Тогда, в далёком 1968 году, мы о смене строя и его последствиях не думали. Да разве могло прийти такое в голову!

Послышался шум моторов, и с крутого волжского спуска к нам катилась целая кавалькада изношенных, побитых «пазиков». Посадка шла весело и быстро. Загрузившись, автобусики, надрывно ревя моторами и нещадно газуя, поехали в обратном направлении. Салоны автобусов заполнились пылью, раздалось дружное чихание. Чихание продолжалось, пока не выехали на Костромской тракт. Тракт был древний, мощёный булыжником и не так пылил. Зато затрясло, но, кроме весёлого хохота, ничего не вызвало. Народ утрамбовался и, галдя, стал рассматривать окрестности дороги. Наш путь лежал к усадьбе Островского – «Щельково». Девчонки-фэззушницы прилипли носами к окнам автобуса. Они были здесь впервые, и, если бы не такая случайность, как съёмки, они в музей бы и не выбрались. Народ был приезжий – из Украины, Белоруссии. Они даже вопросов не задавали, так как не знали, о чём спрашивать.

Я и Саша сидели спокойно, так как мы уже были в усадьбе-музее «Щельково». Но ловили себя на мысли, что, в сущности, мы, кинешемцы, жители этой древней земли, ничего не знаем об А.Н. Островском. Разве что из школьной программы. Вот и сейчас, переговариваясь, мы восстанавливали свои скудные знания о своём

великому земляке. Не много вспомнили.

Щельково – сельцо в Кинешемском уезде Костромской губернии, было куплено отцом драматурга Николаем Фёдоровичем Островским. Он после выхода на пенсию хотел вернуться в родные края. Родом он был из Костромы. И хотя Алексей Николаевич жил отдельно от отца, он поехал вместе с родными посмотреть приобретённое имение, пожить в деревне. Впечатления от первого знакомства с Костромским краем не изгладились из памяти драматурга с годами. Напротив, сюда до конца дней своих, с надеждой и верой в целительное и вдохновляющее влияние «милого Щелькова» стремился А.Н. Островский. Волга также властно вошла в творчество Островского: во многих его произведениях отразились не только её красота и величие, но и жизнь, и обычаи, язык обитателей поволжских городов.

Что же, немало, учитывая, что мы закончили только восемь классов и литературой особенно не увлекались. Что ещё вспомнили? В Кинешме есть театр имени А.Н. Островского, в нашем городе снималась «Бесприданница».

Показались ворота въезда в усадьбу – музей «Щельково». Народ оживился, загалдел. Но автобусы не остановились и поехали дальше, к месту съёмки. Они проходили где-то на берегу реки Куюкши. Свернули с дороги. Здесь водитель остановился и, вытирая пот со лба, сказал, что всё – дальше не поедет, иначе обратно не на чем будет ехать. Ну и на том спасибо. Мы дружно высадились и, разминая ноги, побрели за отцом, который, как Сусанин, вызвался быть предводителем. Прошли совсем немного. Вот и берег небольшой лесной речки Куюкши. Мы подошли и замерли в немом восхищении. На противоположном пологом берегу раскинулась деревушка. Вот она, сказочная Берендеевка. Избы были разбросаны по всему берегу. Затейливо украшенные резьбой оконца со ставнями

были приветливо раскрыты. Коньки изб изгибались и венчались сказочными головами. На окраине, возле начинающегося ельника, стояло языческое капище. На нашем берегу стоял дворец царя Берендея.

Мы не успели толком рассмотреть всё это великолепие, как увидели стремительно идущего к нам худощавого человека в затемнённых очках. Это был Кадочников. Мы вздрогнули и во все глаза стали его рассматривать. Он поздоровался с отцом за руку и сказал: «Слава Богу, что приехали». Он уже начал волноваться. День сегодня обещал быть съёмочным. Затем он громко поздоровался со всеми, что-то сказал смешное. Все расхохотались. Он потом много с нами шутил и постоянно рассказывал что-то весёлое. Нужно ли говорить, что очень скоро все были влюблены в этого человека.

Потом подошёл его ассистент (я, за давностью времени, не могу вспомнить его фамилию) и объяснил нам наши задачи. Первым делом от правил всех в гримёрные, которые были в избушках, переодеваться и гримироваться. Народ уже знал эту процедуру и бодро двинулся к мостику. Я и Саша остались стоять и всё разглядывали легендарного режиссёра. Наконец, отец о нас вспомнил. Он что-то сказал Кадочникову. Павел Петрович с интересом посмотрел на нас. Мы подошли. Поздоровались. Непонятно, почему, но как-то смутились.

«Так что, сниматься хотите?» – весело спросил нас Павел Петрович. Мы дружно трянули головами. «Нет проблем, идите в гримёрную», – только и сказал он.

Второй раз нам повторять было не нужно. Только потом услышали, как ассистент сказал отцу, что берёт нас вне сметы. То есть без оплаты, вроде волонтеров. На что отец махнул рукой. Мы перешли речку по шаткому мостику. Не сразу заметили полуразвалившуюся избушку, которая приютилась возле речки. Мы потом узнаем, что это была избушка бобыля, где выросла Снегурочка. Рядом с ней стоял высокий сухощавый мужчина в рубище, с редкой седой бородой, в уродливом колпаке. Кто это, интересно? Но думать было некогда. Мы спросили у знакомых ребят, куда идти переодеваться. Они махнули рукой на какую-то избу. Мы пошли туда, куда нам махнули и, зайдя за угол постройки, вылетели как ошпаренные. Вслед нам летел девчоночий визг. Мы, с лёгкой руки игривых сотоварищей, попали в переодевалку девчонке. Ладно. Разберёмся сами. Дворок мы сидели на пеньках, заменяющих стулья, подставив свои головы умелым рукам гримёрш. Те знали своё дело: пара мазков кисточкой с клеем – и на мне парик. Сбоку раздался хохот. Это Саша посмотрел на меня. Через мгновение, глядя на него, хохотал и я. «Идите, одевайтесь», – подтолкнули нас гримёрши. Мы получили по паре домотканых штанов, длинных посконных рубах и по лаптям. С рубахами проблем не было, со штанами тоже справились быстро, а вот в лаптях запутались. Нужно было ещё онучи намотать.

«Что, запутались?» – раздался голос сверху. Мы подняли глаза и ничего не поняли: на нас смотрел матёрый русский мужик с окладистой бородой, с волосами, стриженными «под горшок». Глаза знакомые, голос родной, а внешность...

«Пап, ты?» – не веря глазам, спросил я.

«Ну как, хорош?» – довольный эффектом, спросил отец.

«Слушай, ты копия деда Ивана», – выпалил я, восхищаясь портретом.

«Ну, не уродись же в пень-колоду», – отшутился отец. Он помог нам справиться с лаптями. Делал он это вполне профессионально и на комплимент Саши сказал, что как-никак успел походить в них.

Какая это была удобная обувь, русские лапти! Мы в них летали. В этой одежде мы почувствовали себя древними славянами, живущими на этой обетованной сказочной земле. Слово не было в сорока километрах города. Только эта древняя речка Куекша, лениво извинаящаяся по лесным массивам и несущая свои воды в другую реку – Меру. Вот уж поистине берендеево царство!

Вдобавок ко всему разогрело. День обещал быть погожим. Солнце уверенно шло к зениту, прогревая промокшую землю. Всё вокруг запарило. Ельник по краям опушки стал размытым, дымчатым. Вскоре все были переодеты, и деревня преобразилась. Ходили степенные мужики с бородами, гуляли лихие парни. Девчонки с пеньковыми косами в длинных сарафанах от нечего делать на лугу устроили игры в догонялки.

Я и Саша без усталости осматривали съёмочную площадку. Интересовало всё: декорации, узкоколейка, прожекторы. Что и говорить, сложное хозяйство. Павел Петрович успевал везде. Только в одном месте его видели разговаривающим с рабочими-декораторами, как уже слышался смех девчонок. Он что-то им там нашутит. Вскоре раздалось здоровое ржание парней. Он и там успел.

«Ну как? Впечатляет?» – это он уже к нам.

Вскоре мы сделались его хвостиками и старались успеть за ним везде. На площадке возникла лёгкая нервозность. Часы шли, а съёмки начать не могли по причине... яркого света. Нельзя снимать при ярком свете, всё будет белёсым. Вчера лил

дождь, сегодня – солнце. Сложная жизнь у киношников, решили мы.

Первое возбуждение утихло. Девчонки набегались и сели в кучку возле Галины Петровны. Это замдиректора школы ФЗО по воспитательной части. Она что-то рассказывала девочкам. Подошли и мы. Вслушались: «Щельково упоминалось в писцовых книгах XVIII века как ненаселённая «Щальковская пустошь». В мае 1848 года Алексей Николаевич Островский впервые посещает Щельково, красота природы которого сразу покорила его. «Что за реки, что за горы, что за леса!.. Если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга, он давно бы превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии», – записывает он в своём дневнике. Алексей Николаевич проводит здесь каждое лето. Любимыми развлечениями в усадьбе были прогулки по окрестностям, охота, сбор грибов и ягод, рыбная ловля. В Щелькове Островский плодотворно работал. Здесь им написано девятнадцать из сорока восьми оригинальных пьес, среди которых «Лес», «Волки и овцы», «Бесприданница», «Поздняя любовь». Щельковская природа вдохновила драматурга написание весенней сказки «Снегурочка».

Молодец Галина Петровна, когда она успела найти всё это! Девчонки слушали её, затаив дыхание. Подошёл отец, тоже присел и стал слушать.

«Именно здесь Островский, – продолжала Галина Петровна, – впервые в жизни лицом к лицу встретился с природой. И сердце приросло к этим местам. В Щелькове и в соседней Кинешме (считают, что это и есть город Калинов в его драматургической топографии) встречались ему персонажи будущих пьес. Но главное – здесь он окунулся в стихию леса и луга, реки и родника, солнца и мороза. О морозе особо. Островский бывал в Щелькове только летом. Единственный раз он приехал сюда зимой: в 1853 году, на похороны отца. Щельковские картины уходящей зимы и вызвали к жизни в пьесе странную

супружескую пару: Деда Мороза и Весну-Красну. Здесь на опушку к Островскому вышла дочка Мороза и Весны – Снегурочка. Здесь же, в местности, называемой, как в пьесе, Ярилыной долиной, и растаяла Снегурочка, раскрыв своё сердце для любви к человеку и став уязвимой для лучей Ярилы – языческого бога Солнца. На месте, где, по щельковскому мифу, растаяла Снегурочка, – незамерзающий источник, на дне которого бьют родники, ритмично шевеля бугорки грунта. Это бьётся Снегурочкино сердце».

Народ потрясённо молчал.

Наше внимание было привлечено невиданным зрелищем, вернее, сначала звуком. Видение возникло потом. Мы услышали журчание воды и всплеск вёсел. Это на Куюкше! Только что журчал голос Галины Петровны, а тут всплески. Вдобавок грудные сильные выдохи. Так дышат гребцы. Мы даже привстали из-за любопытства. Из-за излучины показалась ладья. Старинная русская ладья с носом – драконом, гордо возвышающимся над бортами. Ладья плыла над водой. В ней сидели гребцы в старинных доспехах, а на носу стоял былинный богатырь в кольчуге и красном плаще. Он был великолепен, этот витязь. Мы, ошеломлённые, замерли. Мы забыли всю бутафорию, окружавшую нас. Мы видели только ладью, былинного богатыря, опиравшегося на сказочного дракона. Мы не были фабричными мальчишками и девочками. Мы были в этот момент

берендеями. Здесь был «Русский дух, здесь Русью пахло». Ладья сделала поворот, причём весьма искусно, и мягко встала к деревянному причалу. Витязь легко спрыгнул, подхватил верёвку и привязал сказочную ладью, как банальную лодку, к столбику. Из ладьи, разминая ноги, выбирались гребцы. «Ушкуйники», – пришло мне в голову. Это были красавцы – парни в доспехах, в бархатных шароварах, лихо заломленных шапках. На встречу им спешил Кадочников. Он приобнял витязя и со словами: «Ну что? Неплохо, неплохо...» – увлек его в сторону. Мы поняли, что это была репетиция. К нам подошёл ассистент Кадочникова. Он сказал отцу, что объявляется обеденный перерыв и нужно будет готовиться к съёмкам ближе к вечеру. Мы радостно загомонили. Обедать! Вдруг кто-то спросил: а как идти? Переодеваться не хочется, да и парики к тому же.

«Нашли проблему, – бросил ассистент, – так и идите. Обедать будете в доме актёра, там народ привычный».

Нас не пришлось уговаривать. Мы бодрой толпой двинулись обедать. Даже видавшие виды актёры и те останавливались и с интересом рассматривали нашу процессию. Смотреть было на что. Молодые парни, преимущественно светлого и рыжего тонов, в посконных рубахах резвились с девушками. Те были под стать им: с косами до пояса, в длинных платях. Все отчаянно пылили лаптями. Немного поодаль шли степенные бородатые мужики и почтенные матери семейств. Это был преподавательский состав школы ФЗО. Отдыхающие, шедшие обедать, застывали в дверях столовой, видя, как вся эта братия с подносами рассаживалась за алюминиевые столики и гремела пластиковыми стульями.

Отобедали с удовольствием. Но отдохнуть нам не дали. Кадочников принял решение снимать, так как день шёл к закату. Появилась лёгкая хмарь, так милая сердцу операторов. Пиротехники постарались.

Надымили своими патронами так, что солнце стало туманным и весьма расплывчатым. Сцена была проста. Группа ушкуйников во главе со своим предводителем Мизгирём подплывала на ладье к пристани, высаживалась, а навстречу им шла толпа селян. Началась процедура рассаживания и размещения по колору и экстерьеру. Того, кто посветлее, размещали на передний план, потемнее – на заборы и лестницы. Павел Петрович только мельком глянул на меня и скандовал: «Этого рыжего на передний план!» Меня тут же цепкие руки ассистентов схватили и поволокли, куда им нужно. Толпу сформировали.

Потом была краткая речь Кадочникова: «Умоляю вас, просто идите! Не думайте, что вас снимают. Вам интересно на пристани. Вы не знаете, что это за люди. В вашей деревне такое событие. Удивляйтесь и возбуждённо переговаривайтесь».

Мы заверяли в один голос, что поняли. Нужно ли говорить, что остановил он нас на полпути к пристани с криком: «Это что за похоронная процессия?! Вы встречаете Мизгиря, жёниха Купавы!». Мы переглядывались: кто такие? К стыду своему, сказку «Снегурочка» не читал никто. И мы снова пошли. Репетировали раза четыре, пока Павел Петрович, глянув на оператора, не сказал, что всё. Потом мы, раскрыв рты, смотрели на этих ушкуйников, профессиональных актёров. Они чётко и ловко работали. Как мы теперь понимали, витязь этот, что стоял этаким красавцем на носу ладьи, картинно облокотившись об изогнутую шею дракона, Мизгирь. Картина в лучах заходящего солнца была впечатляющей. У актёров получилось всё быстрее, чем у нас. Мы не заметили, как стемнело, и Кадочников дал отбой. Все помчались переодеваться. С воплями отрывали присохшие намертво парики. Девчонки пытались причесаться, но кроме взрывов смеха их начёсы ничего не вызывали.

«Девочки, не рвите волосы. Дома горячей водой отмоете», – советовали гримёрши. Перспектива ехать в

таком виде развеселила публику. Цепочкой мы растянулись через мостик, и бегом к автобусам.

На следующее утро мы, как профессионалы, подошли точно к парому. Уже не любовались на утреннюю Волгу, которая спростонья была не очень-то приветливой, а забрались в пассажирские салоны и дремали. Автобусы, на наше удивление, уже стояли. Сели в автобус, где была Галина Петровна. Она читала пьесу Островского «Снегурочка».

Весенняя сказка «Снегурочка».
Сказочная страна берендеев. Жизнь берендеев радостна и безмятежна. Островский описывает их празднества, игры, пляски. Всё очень ярко, фольклорно. В центре весенней сказки – идиллический образ «народного царя» Берендея, живущего для своих подданных и горячо ими любимого: «Да здравствует премудрый великий Берендей, владыка серебрянокудрий, отец земли своей!»

По приезду нас встретил ассистент и шумно погнал по гримёрным, сказав, что сейчас начнётся съёмка. Мы уже понимали: если тамерно и солнца не предвидится, то будет работа. Переоделись быстро, и вот мы уже стоим перед Кадочниковым, и он объясняет нам наши задачи. Нужно тесным кольцом стоять возле избы красавицы Купавы и ждать её выхода. Потом появляется Мизгирь со свитой, и мы расступаемся перед ним. Неспешно расступаемся, настроенно. Мизгирь понимает скрытое напряжение берендеев и, чтобы показать свою щедрую душу, бросает из раскрытого сундука монеты. Мы должны их ловить. Ловить нужно активно.

«Понятно?» – спросил Кадочников. Чего там понимать, мы становились профессионалами и схватывали идеи быстро. Вот на этой сцене мы почувствовали сложность актёрских натур. Я загляделся на красавицу Купаву, которую готовили к встрече с женихом. Она сидела на резном крыльце, и девушки-подружки расчёсывали ей волосы и пели печальные

тери девичью любовь. Загоревшись восторгом кипучих страстей, Снегурочка, как и предсказывал её отец, гибнет «от сладких чувств любви, – продолжал Кадочников. – С кончиной Снегурочки вмешательство Мороза в жизнь берендеев прекратилось. Их царь призывает берендеев: «Изгоним же последний стужи след из наших душ и обратимся к Солнцу». Сказка завершается славой богу Яриле:

Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше».

Павел Петрович закончил читать и вздохнул, переведя дух. Мы, потрясённые, молчали. Потом захлопали. Восторженно, громко.

Чудно было. Сидят на брёвнах славяне: молодые русоволосые парни, степенные бородатые мужики, дородные бабы в платках и кокошниках и хлопают. Улыбаются и хлопают. Пробыл, стало быть, Кадочников наши заскорузлые души, если мы так самозабвенно слушали эту языческую сказку. Почувствовали мы, что живём в древнем краю, самобытном, кондовом. Что Снегурочка – языческий по происхождению и по духу персонаж, близок нам, что все мы Ярилины дети. Мы – потомки древней мери, угро-финских язычников. Это они жили по берегам рек Куюкши, Меры, Кистеги, Сендеги. Вот откуда непонятность наших названий. Русь пришла сюда позже.

Павел Петрович, как талантливый человек, тонко чувствовал природу. Он понял, что творилось в наших душах. Одно дело видеть языческую сказку на подмостках театра, а другое – почувствовать прелесть языческого духа здесь, в Ярилиной долине, где бьёт Голубой ключик – усыпальница Снегурочки.

«Спасибо, друзья, спасибо», – повторял Павел Петрович. Крепко ошарашил нас Кадочников своим выступлением. Так задеть пэтушников шестидесятых. Это нужно было уметь, и Кадочников сумел.

Припозднились мы нынче. Уже смеркалось, когда подъехали к пристани. Дожидаясь парома, тихо и устало сидели на берегу, смотрели на Волгу. Но мы не видели нынешнюю Волгу. Мы сейчас видели другую Волгу, Волгу А.Н. Островского: «Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней взад и вперёд идут суда, то на парусах, то бурлаками, и одна очаровательная песня преследует нас неотвратимо. Вот подходит расшива, и издали чуть слышны очаровательные звуки; всё ближе и ближе, песнь растёт, и полилась, наконец, во весь голос, потом мало-помалу начала стихать, а между тем уж подходит другая расшива, и раздаётся та же песня. И так нет конца этой песне. А люди – это мои земляки возлюбленные, с которыми я, кажется, сойдуся хорошо».

Так писал о Волге наш великий земляк. И, честное слово, не хотелось смотреть на пыхтящие густым соляровым дымом тяжёлые речные самоходки. Даже кокетливый пассажирский «венгр» с надрывающимися «Песнярами» был лишним на Волге.

И закат. Песня «Ой, красивы над Волгой закаты...» ничего не говорит. Закат над Волгой нужно видеть. Никуда не торопиться и только смотреть, не заботясь о времени. Вы увидите, как уходящее солнце коснётся лучами потемневшей к вечеру Волги. Коснётся аккуратно, расслабляющее. И вот пропали барашки, ушло дневное волнение. Волга, как бархат, перекачивается крупными волнами, снисходительно принимает вечерние заигрывания светила. Берега становятся неясными, размытыми. Небо над рекой переливается перламутром в вечерних лучах. Но солнце слабеет, и вот уже подсвечивают небосвод только алые полоски. И всё. Зашло солнце. Зашёл Ярило за дремучие заволжские леса в сказочную страну берендеев. Речная дорога становится чёрной, тихой. Всё, спать, ночь на Волге.

Следующее утро, несмотря на ранний час, нас оглушило теплом. Пока мы доехали, стало ясно, что утром

съёмки не будет. Небо выцвело, стало белёсым. Перистые облака, как перья диковинной жар-птицы, распластались по небосклону. Речка Куекша, извиваясь, как уж, пряталась от палящего солнца в тенистые берега под своды кустарника. Обступивший поляну ельник, казались, сейчас вздохнёт и махнёт вековой лапой, чтобы вытереть пот смолы, которая ползёт янтарно-желтоватой слезой по замшелому, бородатому от лишайников стволу.

Было решено идти на экскурсию в усадьбу-музей «Щельково». Наш путь пролегал по теперь уже известным нам местам: по Ярилиной долине. Мы вышли на край леса: перед нами раскинулась широкая, залитая солнцем долина. Ельник уступил место высоким атлетическим соснам. А под соснами приютились берёзы и ольшаник. И запах! Он обволакивал нас, пропитывал, дурманил голову. Так не пахнут ни лён, ни гречиха.

«Да это же клевер!» – воскликнул кто-то. Да, луг был покрыт бело-розовыми цветами, «кашкой», как мы их называли. А где клевер, там и пчёлы. Размерно жуужа, они старательно обрабатывали луговину. Мы даже по лугу не пошли. Обошли его по краешку.

Вот он, «Голубой ключик». Ключик, ради которого приезжают паломники Островского со всей России. Как «Бежин луг» тянет любителей русской словесности к Тургеневу в Спасское-Лутовиново, так и этот колодец с бьющими из песчаного дна мелкими фонтанчиками притягивает к себе почитателей Островского. Здесь, согласно сказке, растаяла Снегурочка. Растаяла ледяная красавица, дочь Деда Мороза и Весны-Красны не в силах жить с ледяной замршей душой. Но осталось её сердце – горячее, любящее. Это оно пульсирует внизу колодца. Там, в синей глубине. И не песок приподнимается в глубине родника, это бьётся сердце Снегурочки. А вода действительно голубоватая. Это лучи солнца, преломляясь в зелени берёз, делают свет над родником дымчато-

голубоватым. Но говорить про законы физики сейчас кощунственно. Самый махровый физик склонился бы в почтительном поклоне перед этим вечным любящим сердцем и помолчал. И вдруг закуковала кукушка. Слово сама мать-природа поняла наше настроение и запустила этот метроном, чтобы сказать: «Живите долго».

Чем ближе мы подходили к дому, тем чаще встречались нам кусты черёмухи, сирени, жасмина. Всё благоухало, торопилось пропеть свою любовную песню:

...какое сочетанье
Цветов и трав, какие переливы
Цветной игры и запахов приятных.

Притихшие, мы проходили, ступая по прохладным половицам, по комнатам дома великого писателя. Похоже, Галина Петровна не узнавала своих подопечных. Обычно шумные, они молча шли, внимательно слушая экскурсовода.

Вечером нам объявили, что съёмки закончены. Нас благодарили администраторы, ассистенты, в общем, все, с кем мы сдружились за это время. В ожидании автобусов мы слонялись по такой уже привычной съёмочной площадке. Я и Саша решили забраться во дворец царя берендеев и ещё раз полюбоваться на картину сказочного царства. Каково было наше удивление, когда мы увидели там Павла Петровича. Он сидел на балкончике дворца, свесив ноги через балюсины. Кадочников явно отдыхал от всех. Мы не хотели мешать ему и решили уйти. Но он нас окликнул. Мы сели рядом, спустили ноги за балкон. Завязался разговор. Не воспроизвести всё, но помню, как Павел Петрович интересовался нашим будущим. Его особенно всколыхнуло моё желание поступить в мореходку.

«Романтика, романтика... – он повторил это слово несколько раз. Потом поболтал ногами в пустоте и, помолчав, добавил: – Романтиками, ребята, нужно оставаться всю свою

жизнь». Неплохое напутствие для шестнадцатилетних мальчишек.

Вечернюю тишину разрезал пронзительный автобусный гудок. Прощай, «Снегурочка».

P.S. Декорации к съёмкам фильма «Снегурочка» в скором времени разберут и увезут в городской парк в Кострому. Сделают это вопреки призывам кинешемцев оставить их на месте на берегу реки Куекши с включением в комплекс усадьбы-музея «Щельково».

Сейчас декоративный комплекс доживает свой век в пустоте и забвении. В посёлке Островском вывеска «Костромская Снегурочка» венчает виноводочный магазин...

Все фотографии из личного архива В. Гришина

На фотографии П.П. Кадочников с актёрами

**Журналы издательства «Век Искусства» «Край городов» и «МОСТ» можно приобрести в редакции, почтатать в Российской Национальной Библиотеке (Санкт-Петербург) и Российской Государственной Библиотеке (Москва).
О наших проектах подробно:
<http://artage7.4sql.net/>**

**ПОДПИСКА на 2010 год – e-vi@list.ru, lado_d@mail.ru.
Также присылайте ссылки на свои проекты, пишите по вопросам размещения рекламы, предложения по распространению журналов.**

Александр Кузин

Санкт-Петербург

Шагнуть за ограду

*Памяти бойцов 2-й ударной армии,
покоящихся в д.Мясной Бор Новгородской области*

Шагнуть за ограду, молчать и стараться
их вечный покой суетой не нарушить.
«Прощайте, родные!» – армейские рации
ещё и сегодня врываются в уши.
«Простите и нас!» – отвечаю траве я,
подстриженной коротко, словно затылки
мальчишек, что здесь отстояли, сгорели,
под брюхо стальные кидая бутылки...
Весна разливается цветом и звоном.
Земля, ты жива и рассветами рада!
Цена всему – тысячи строк похоронок
о них, заслонивших от рабства и ада.

Прозвище «Поэт»

Что там доктор говорит – всё пустое.
За мои, за шестьдесят, выпью стоя!
За жену, и за детей, и за внука,
за начальника, друзей, что без стука.
За красивые края, что облазил,
и за то, что чёрный глаз был – не сглазил.
За родных, учителей, за столицу,
где учился, рос, любил чьи-то лица.
За траву (простит ли, нет?), что выкашивал,
и за прозвище «Поэт» в спину Сашину.
За родителей, за свет, что подарен был
(нынче стукнуло мне лет смерти папиной),
за язык родной – сегодняшней, Даля,
и за веру, что не выбил и Сталин,
за церковный перезвон, что напомнил:
жизнь короткая, живите с любовью!

Процент озона

Жене Галине

Что ж, увы, минерал бытия
не всегда поддаётся огранке.
Вспомни воздух счастливого дня,
что с тобой укупорили в банки!
Был он чист, и берёзов, и свеж,
слышал смех наш и дробил капли,
видел бархатцев тёплую бежку,

что посеяли в клумбу в апреле.
Как его не хватает подчас!
Годы гнут свою ветку до хруста,
чудных банок редееет запас,
и всё чаще – компот да капуста...
Но заправлю я наш лимузин,
и сорвёмся (где нас не носило!)
с термосами и парой корзины
в край брусничный, притихший, красивый.
Залетай в наши лёгкие, бей
все рекорды процентом озона,
спелый воздух лесов и полей,
возвращающий жар и влюблённость!

Фокус

И вновь хочу уединиться,
удрать от склоки и базара.
Пусть в переплёт стучит синица,
от яблок спелых пухнет тара.
Уеду. Завтра же, надолго.
Возьму отгулы или отпуск,
и стану городским осколком –
такой вот выдумал я «фокус»!
Земля воспрянет: бди и пестуй!
Дом скрипнет: надо бы поправить!
В окошко зоренька невестой
заглянет и женою станет.
И от красы, покоя, лада,
забот неспешных, повседневных
добрее стану, и в награду
отпустит Бог мне рифм напевных.
Сосед заглянет: «Что за песню
мурлычешь ты с утра до ночи?» –
вот так и стану я известен.
Мне «фокус» сей по нраву очень!

Батарейка к сердцу

Ты шальна озорным задором,
ты полна молодым нектаром.
Для тебя я не буду гордым,
для тебя я не стану старым!

Звонких песен твоих мажоры
бесконечно во мне звучат.
Я ревную тебя к дирижёру
и тебе подпевать бы рад!

Ты на Солнце весной похожа,
о тебе все сказки и были.
Ослепил бы глаза прохожих,
чтоб твою красоту не пили!

Пусть осыплешь словесным перцем
или сделаешь очень больно –
ты моя батарейка к сердцу,
ты моя переменка в школе,

ты мой счёт в иностранном банке,
ты сироп мой и мой рассол.
Я тебя зацелую в баньке
в губы, в руки, во всё, во всё!

Кризис?

Когда все курсы с индексами снизятся
и доллар станет туалетною бумагой –
романтика, махнув на муки бизнеса,
спасёт наш мир мечтою и отвагой!
Она простит, что держиморда в «Лексусе»
кропил её плевком из грязной лужи,
и депутат, что в Думе врёт и бесится,
кричал, что ямб с хореем нам не нужен.
Она сыта горбушкой обычно,
ей купол неба – сводом божьей церкви,
и пусть не в каждом слове эстетичная –
кредит её для всех и беспроцентен!
Романтика, повзводно, батальонами
войди в наш день, как МЧС в развалины,
поля засеи – взойдут они зелёными,
надеждой зрея русскою ментальною!
Я клеркам банка вряд ли позавидую –
исчислена душа их многобланково.
Живи, романтик, покоряйся видами,
пиши стихи и напевай бельканто!

Любви свисток

А лето нехотя, негромко
уйдёт в туман,
где хрустнет лёд на лужах тонкий,
где смолк баян,
где красным шорохом и жёлтым
стекают вниз
клочки июньского пижонства –
и плод, и лист;
где не нащупать тёплой, мягкой
руки в ответ,
и не воскликнуть утром: «Ах, как...»
и глуп букет,
где на задворках память шавкой,
поджав хвосток,
всё медлит променять на шапку
любви свисток.
И, обескровленно-простужен,
вползёт рассвет
на улицу, где стал не нужен,
где встречаю – «нет!».

Как встарь за пенной кутерьмою,
где пир – горой,
свобода сменится тюрьмою,
а чай – корой...

Худший из Сашек

Я, наверное, худший из Сашек,
потому что вчера косою
под коленки крушил ромашки
и покаяться не соизволил.

Как же мне теперь жить на свете?
Исполнитель, сошли на Север!
Я сегодня опять на рассвете
повалил зацветавший клевер.

Инструменты готовлю в поле.
Завтра всё повторю сначала,
и достанется зверобою,
одуванчикам, молочаю!

«Повяжите! – кричу соседям. –
Не в себе я, казнь Малютой!»
А у них тоже косы енти,
и в прокосах осот да лютик...

Местный фермер, Валера (ловок!),
он с прищуром, всё замечает:
«Вы косите, скормлю коровам,
молоком угощу, не чаем!»

Время раннее

Заварю чаёк с листом смородины,
посмотрю на время – время раннее.
Здесь я дома, а за стенкой Родина –
гордая, красивая, бескрайняя,
сказочно богатая и бедная,
добрая – приди в неё, и примет! –
пьяная, небритая, победная,
с нищенской клюкой и в лимузине,
с дюжиной религий, суеверная,
с памятью помещицкого рабства,
с яркой песней и зубами скверными,
в соболях, кирзе и с думой старца.
Где закон твой? Зенками стеклянными
смотрит город в дали новым Каином,
жизнь полей убить желая – Авеля,
и в безлюдном завтра стать хозяином...
Огляжусь, а время к полдню близится.
Выйду – широки её урочища –
потружусь, не дам земле унижаться,
Богом данной для любви и творчества!

Елена Трофимчук

Санкт-Петербург

* * *

О, мне бы в летние поля,
Как в море счастья окунуться!
К свободе вольной прикоснуться
И жизнь свою начать с нуля!

Стремлюсь я в дивные луга,
Чтоб воздухом дышать медовым
И не нарушить праздным словом
Святую тишину земли.

* * *

Нарядила город весенняя пора,
Снова цвет зелёный радует с утра:

На деревьях листья юностью полны,
А в траве искрится – первый шаг весны.

Одуванчик жёлтый вырос во дворе,
Здесь, на этом месте снег был в декабре,

Трели соловьиные озаряют ночь,
Песнями мажорными гонят зиму прочь!

Воздух прогревают солнечные дни,
А луна за солнцем прячется в тени,

По коре берёзовой муравей бежит,
Он теплом весенним тоже дорожит.

Всё от сна проснулось! Город вновь цветёт!
И с надеждой в сердце лето в гости ждёт.

ДОРОГИЕ АВТОРЫ!

Елена Николаева

Поздравляем Вас с юбилеем – альманаху «МОСТ» три года!

За это время при Вашей поддержке выпущено 19 томов. Открываются новые возможности для авторов: для Вас мы организуем и проводим интересные конкурсы, позволяющие появиться Вашим работам на страницах нашего альманаха. Открываются новые рубрики. Проводятся литературные встречи и экскурсии. Идёт работа по различным направлениям: подготовка статей по вопросам русской филологии, поддержка и обучение талантливых детей (конкурс «ПЕГАСИК», студия «Литературная горница» на базе досугового центра «Ритм» в МО Ульяновка), распространение альманаха, организация своих мероприятий и участие в дружественных, выпуск тематических сборников-приложений к «МОСТУ», создание информационных и программных дисков и многое другое.

Мы рады, что наши постоянные авторы растут творчески, общаются друг с другом, имеют возможность быть в курсе литературных событий и участвовать в литературной жизни.

«МОСТ» строится! Мы развиваемся, обогащая свой внутренний мир, наполняя окружающую действительность радостью и светом. С юбилеем!

Редакция благодарит всех авторов, приславших свои поздравления, а также участников конкурса «МОСТЫ СОЕДИНЯЮТ».

Елена Николаева публиковалась в 17-м томе «МОСТА», участвовала в конкурсе детской литературы «ПЕГАСИК-2009».

От чистого сердца шлю Вам свои поздравления! И желаю дальнейшего процветания альманаха «МОСТ»! Я думаю, любой из авторов понимает, какого труда стоит Вам не только «держаться на плаву», но и устремляться к новым неведомым далям на фрегате под названием «МОСТ»!

Объединять людей, раскрывать их таланты, дать возможность проявить себя – достойная цель! С ЮБИЛЕЕМ!

С самыми искренними, добрыми пожеланиями! С благодарностью и уважением, Николаева Елена.

Елена Яковенко

Елена Яковенко – наш постоянный автор, состоит в клубе «Век искусства», участвовала в конкурсе детской литературы «ПЕГАСИК-2009».

Мой первый шанс всем рассказать,
О чём я думаю, мечтаю...
С надеждой дружбу продолжать,
Тебя сегодня поздравляю!

Меня спасал ты не одну
От одиночества и скуки.
С улыбкой скоро я возьму
Твой новый номер в свои руки.

Между собой соединил
Однажды нас, и без сомненья
Суть свою в жизнь ты воплотил.
Тебе три года! С днём рожденья!

МОСТЫ СОЕДИНЯЮТ

Конкурс «МОСТЫ СОЕДИНЯЮТ» был приурочен к юбилею альманаха «МОСТ», а потому главным его заданием было написать о мостах, и смыслах мостов, и, конечно, о нашем альманахе.

В период с 10 августа по 10 сентября 2009 года свои работы прислали следующие авторы: Владимир Акулов (Брест, Беларусь), Александр Балтин (Москва), Игорь Гаврилов (Киев, Украина), Анастасия Грибова (Санкт-Петербург), Виктория Комаренко (Красноярск), Аркадий Левиев (Таллинн, Эстония), Ирина Малая (Днепропетровск, Украина), Сергей Момджи (Москва), Дина Новая (Москва), Григорий Рейнгольд (Иркутск), Азат Саттаров (Уфа), Галина Стеценко (Пенза), Дмитрий Тиме (Рига, Латвия).

Посоветовавшись, редактора выбрали для публикации три произведения. Тексты оценивались и по тематике, и по грамотности.

ГРИГОРИЙ РЕЙНГОЛЬД

Живые мосты

Один человек рассказал мне свою историю. Вот она:

Родом я из Степанокерта. Отец мой – азербайджанец, а мать – армянка. В семье нашей говорили и по-армянски, и по-азербайджански, и по-русски. В пятой графе у меня запись по отцу – азербайджанец. До недавнего времени я не придавал этому значения, да и никто не придавал. Мы все жили дружно. Я себя осознавал и армянином, и азербайджанцем. Сделать выбор одной национальности для меня всё равно, что сделать выбор между отцом и матерью. Но разве можно этого требовать от человека?! Впрочем, никто и не требовал. Пока не началась война. Тогда потребовали. И те, и другие. Для всех я стал чужим. Пришлось мне покинуть родину. Родину отца и родину матери...

Я был живым мостом между двумя народами. А на войне мосты взрывают...

ГАЛИНА СТЕЦЕНКО

В Петербурге

Я на лодке по рекам извилистым,
Паутиной опутавшим город,
Вновь плыву. В силуэтах увиденных
Нет того, кто мне с юности дорог.

Побережье...

Смыкаются здания,
Возвышаясь меж нами стеной.
Как мне выйти отсюда – не знаю я.
В океан не попасть бы одной!

В этом городе издавна принято
Разводить ненадолго мосты.
Я надеюсь: навек не покинута,
И сведётся наш мост: «Я и Ты».

ДМИТРИЙ ТИМЕ

Наводите мосты, наводите!

Наводите мосты, наводите!
Это лучше огня по наводке!
Мост – предметней, чем путеводитель!
Он удобней, чем гребля на лодке!

Не мостите в воде, не мостите
кирпичи для прыжков по походке,
по мосту наносите визиты –
к другу станет дорога короткой!

Наводите мосты, наводите,
ведь мосты – реки грузопотоков
и доверья – навеки – кредиты,
и с мостами нам – не одиноко!

А когда в Петербурге гранитном
возвышаются в небе высоком,
как страницы журналов раскрытых, –
то, наверно, читаются Богом?..

Мост – предтеча дальнейших событий,
тем, кто берег грядущего видит!
Станет Мост через век знаменитым!
Наводите мосты, наводите!

Григорию Рейнгольду, Галине Стеценко и Дмитрию Тиме альманах «МОСТ» дарит публикацию на своих страницах и авторский экземпляр тома.

«МОСТ» также делает подарок и некоторым другим участникам конкурса, не прошедшим в финал. Много тёплых слов было адресовано альманаху. Выдержки из текстов мы размещаем ниже.

Владимир Акулов

Участник конкурса «МОСТЫ СОЕДИНЯЮТ».

Писатель, журналист, редактор в своём творчестве, в коммуникации с другими, в строительстве смысловых мостов должны быть всегда в центре Истины, Красоты, Справедливости и бытийственной функциональности... Для каждого акта \ моста \ общения нужны свои подходящие коды и слова.

Анастасия Грибова

Участница конкурсов «ПЕГАСИК-2009» и «МОСТЫ СОЕДИНЯЮТ».

Речь идёт об альманахе «МОСТ». Если выложить все его выпуски в рядочек, получится длинная полоса. По нему действительно никто не ходил. Кто осмелится идти в завтрашний день?! Как говорится, думайте сами, гадайте сами, соображалку развивайте тоже сами. Эрудированные люди в наше время на вес золота!

Сергей Момджи

Участник конкурса «МОСТЫ СОЕДИНЯЮТ».

Мосты прекрасны в Петербурге,
Но ещё есть один в нём «МОСТ»,
В нём я уверен, словно в друге,
И за него бы поднял тост.
Объединяет наши души:
Читателей, поэтов всех.
И уверяю я, послушай,
Что в жизни он одна из вех.
Что не даёт нам растеряться,
И в бурной жизни моря волн
Он позволяет нам собраться,
К поэтам он вниманья полн!

АКЦИЯ «МОСТ В БУДУЩЕЕ»

!!! ПОДДЕРЖИМ ТАЛАНТЛИВЫХ ДЕТЕЙ !!!

Конкурс «ПЕГАСИК-2009» завершён. К сожалению, в масштабах конкурса невозможно поощрить всех талантливых детей. Искренне жаль расставаться с его юными участниками. Поэтому альманах «МОСТ» будет продолжать акцию помощи талантливым детям.

Мы предлагаем Вам присоединиться к нашему благотворительному проекту. Взрослые: судьи, авторы, читатели – все, кому небезразлично наше будущее, – Вы можете самостоятельно выбрать «своего» ребёнка среди участников конкурса «ПЕГАСИК-2009». Если тексты показали Вам наиболее перспективными, Вы можете взять над ним шефство, которое выразится и в дружеской помощи и советах, совместном творчестве, и в периодическом финансировании публикаций произведений своего маленького друга.

К акции уже присоединились: Елена Виноградова, Лада Григорьева, Диана Доронина, Наталия Фёдорова, Елена Яковенко.

В 17-м томе «МОСТА» опубликованы работы: Светланы Соловьёвой, Дины Шамба, Евгении Яковенко.

В 18-м томе – Ольги Алтуховой, Никиты Печень.

По всем вопросам обращаться в редакцию альманаха «МОСТ»:
lado_d@mail.ru.

Вся текущая информация о конкурсе «ПЕГАСИК»:
<http://artage7.4sql.net>;
<http://www.stihi.ru/avtor/verika> («Стихи.ру»);
<http://www.proza.ru/avtor/dianalucifer> («Проза.ру»).

О пьесе Эмиля Котлярского «Человек по имени Лев»

Ознакомившись с материалом 18-го выпуска альманаха «МОСТ», не могу не отметить пьесу Эмиля Котлярского «Человек по имени Лев». Сам по себе текст примечателен хотя бы тем, что это именно драматический текст, коих в нынешней печати встречается весьма немного. С другой стороны, этот текст не совсем и драматический – на протяжении всей пьесы фактически ничего не происходит, это ряд связанных по смыслу сцен, отделённых друг от друга значительными интервалами времени в событийном ряде, если принимать во внимание исторический контекст. Почти юмористически это выражено в конце, когда появляется большевик Ленин, бывший в то время, если не ошибаюсь, в ссылке. Здесь разрыв не только временной, но и пространственный. Но главное, разумеется, не это. Куда более важна оригинальность подачи мысли, выдержанная в то же время в основной традиции русской литературы – в её философской направленности. Среди всего того, что написано о Толстом и его философии, возможно, как раз и не хватало именно пьесы о Толстом, где он, ожив, сам обо всём скажет словами автора.

Я не специалист по русской философии, и не мне судить о том, насколько точно переданы взгляды писателя, но важно отметить актуальность означенной темы в наше время. Среди всеобщего засилья бульварной прозы и увлечения футуризмом отчасти теряются классические философские основы литературы в целом; мне лично трудно принять аргумент в защиту аморальности авторов, преподносящих на суд общественности свои грязные мыслишки, разнузданность нравов и общую порочность, гласящий, будто бы раз человек об этом думает, то имеет право сказать. В этом отношении литера-

турное произведение, поднимающее философские и/или социальные проблемы впору сравнить с глотком чистого воздуха. Русский ренессанс закончился, закончилась и гегемония большевизма, ниспровергнувшая литературу свободы и утвердив на месте литературно-философских обществ литературно-политическую культуру. А осталась *пошлость*. Сейчас столько пишут, что всего невозможно прочитать.

Вернёмся к пьесе. Как подсказывает название, текст центрирован на одном человеке, личности. Подчёркивается его человечность (ведь человек, а не писатель – как принято говорить), любовь к народу и преданность идеалу. Это почти русская идея. Преданность всегда звучала ключевой нотой России. Это подчёркивает Бердяев, говоря, что любая идея в России доводится до крайней формы своего выражения. В данном случае, Толстой – это высший тип русского человека, который отрёкся от догматического фанатизма, трансмутировав его в духовное устремление, и живёт по воле сердца. Думаю, именно этот образ хотел вызвать к жизни автор, демонстрируя фигуру Толстого.

Высказанные мысли можно развивать и далее. Может быть, автор и задумал свою пьесу именно как «пощёчину общественному вкусу», но хотелось бы видеть более продуманную сюжетную линию на той же глубине мысли и в тех же точных характеристиках изображаемых реалий.

Анатолий Павлов
2009

Содержание

НАШИ НОВОСТИ	3
ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА	
Стас Быков.	4
Илья Волков.	5
Наталья Майер.	7
Татьяна Цуприкова.	8
ЗА ГРАНЬЮ	
Данила Даниэль.	9
Анна [Silence Screaming] Максимова.	25
	
Василий Рецов.	33
Елена Яковенко.	39
	
Стас Быков.	40
Илья Гутковский.	41
Ольга Орлова.	43
Галина Ратневская.	46
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. УГОЛ ЗРЕНИЯ	
Лада Григорьева.	52
МЕТАМОРФОЗЫ	
Виктория Комаренко.	54
Юрий Соколов.	55
Игорь Щукин-Копейкин.	59
МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
Сергей Земцов.	61
НАШЕ КИНО	
Виктор Гришин.	70
СТИХИЯ – ПЕТЕРБУРГ	
Александр Кузин.	82
Елена Трофимчук.	86
К юбилею!	87
Наши конкурсы.	88
Рецензии. Анатолий Павлов.	90